12+

Алекс Ваховски

Мир Солнца

Падение Астерры

Алекс Ваховски

Мир Солнца: Падение Астерры

«Издательские решения»

Ваховски А.

Мир Солнца: Падение Астерры / А. Ваховски — «Издательские решения»,

«Мир Солнца: Падение Астерры» — предыстория саги «Лавв — Создатель миров».Действие разворачивается в далёком прошлом Солнечной системы, когда её планеты населяли высокоразвитая цивилизация, связанная космическими путями, технологиями и борьбой за Мир. В центре событий — Астерра, могущественная планета, которой суждено исчезнуть. На фоне межпланетных конфликтов начинается путь Лавва: от ученика шамана до Суверена. История о расцвете цивилизаций, великих войнах и судьбе будущего Создателя миров.

© Ваховски А.
© Издательские решения

Содержание

Введение 7
Часть 1. Лавв. Начало. Ученик шамана 10
1. Мир Солнца 10
2. Источник 12
3. Разговор с учителем 14
4. Исследовательская база 44 20
5. Трудовой день 25
6. Жемчужные поля 29
7. Вечер у костра 34
8. Новый день 38
9. В поисках Смышлёного 42
10. Ученик шамана 45
11. Пять племён 54
12. Ожерелье из четырёх жемчужин 68
13. Пламенный танец 71
14. Последний вечер на Эрзетте 74
15. Замена 77
Конец ознакомительного фрагмента. 81

Мир Солнца: Падение Астерры

Алекс Ваховски

Дизайнер обложки Алекс Ваховски

© Алекс Ваховски, 2026
© Алекс Ваховски, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0071-5330-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
Лавв: Создатель Миров

В центре — Лавв: Суверен, стратег, странник между мирами и творец новых судеб.

Сага ведёт читателя сквозь высокоразвитые звёздные системы, чужие планеты, древние силы и космические конфликты, в которых надежда, ответственность и жертва решают судьбы целых миров.

Но за пределами всех известных звёзд существует нечто иное: скрытый мир, полный красоты, покоя и света — созданный самим Лаввом.

Некоторые верят, что те, кто исчезает бесследно — будь то отдельные люди или целые народы, — находят путь именно туда.

Быть может, и ты однажды войдёшь в этот мир.
Или, быть может, ты уже видел его…
в добром, сказочном сне.

Лавв: Создатель Миров (серия).
Мир Солнца: Падение Астерры (книга 1).
Часть I — Лавв. Начало. Ученик шамана.
Часть II — Пятый Суверен.
Часть III — Битва за систему.

Автор: Алекс Ваховски
Псевдоним: AL Waho
Торговый знак: LAVW®
Copyright © 2026 Alex Wachowski
Все права защищены.

Алекс Ваховски
Лавв: Создатель Миров
Мир Солнца:
Падение Астерры
Книга первая эпической научно-фантастической саги
© AL WAHO

Введение

Седовласый старик, обросший, с густой бородой, в старой потрёпанной одежде, с самого начала пути устроил себе лежбище у стены. Целыми днями он сидел, прислонившись к ней спиной, на матрасе, уложенном прямо на пол, и безучастным, почти безразличным взглядом наблюдал за окружающим, освещённым ровным, немигающим светом, будто здесь никогда не бывало ни утра, ни вечера. То он неподвижно смотрел в одну точку, то куда-то вдаль, словно разглядывал несуществующий пейзаж, то молча наблюдал за людьми, суетившимися на своих участках. Так проходили его дни. Окружающие давно привыкли к нему и перестали обращать внимание на чудака.

Лишь при виде большой семьи, где рядом жили несколько поколений — от маленьких детей до глубоких стариков, — лицо его озарялось светлой улыбкой, а добрые, умудрённые жизнью глаза наполнялись радостью. Соседи по участку, замечая это, начинали перешёптываться, сочувствуя одинокому человеку, но и сами невольно улыбались, не вольно повторяя за ним.

Большой просторный отсек с улицами и проулками был разделён на участки-квадраты. Высокий сводчатый потолок терялся где-то в полумраке, а оттуда, из скрытых за решётками вентиляционных шахт, доносилось ровное глухое гудение. На каждом участке жила одна большая или несколько маленьких семей. Здесь стояли палатки, небольшие шатры, и имелось всё необходимое для жизни.

Семья, за которой особенно любил наблюдать старик, занимала целый блок из восьми участков — настоящий род. Внутри своих владений они устроили небольшой квартал с тропинками, по которым ходили друг к другу в гости. Их дети постоянно были чем-то заняты: взрослые читали им книги, учили чему-то новому или просто весело играли вместе с ними.

Однако далеко не всеми детьми занимались родители. Многие были предоставлены самим себе. Они целыми днями искали развлечения, бесцельно слонялись, шумели и баловались. Взрослые же, встречаясь на дорожках или переговариваясь с соседями, вновь и вновь задавали друг другу одни и те же вопросы. Как там будет? Сколько ещё продлится полёт? Правильно ли они поступили, отправившись в путь? Не лучше ли было остаться там, где прошла вся жизнь? Именно эти тревожные темы чаще всего звучали в разговорах, полных сомнений и переживаний.

Иногда пол под ногами едва заметно вздрагивал, но люди давно привыкли к этому и уже не обращали внимания. Порой обсуждали очередной поход за провиантом или детские проделки.

На участке рядом со стариком жила семья из трёх человек — уже немолодые родители и рослый двенадцатилетний мальчик. Ребёнок был толстым, неуклюжим и постоянно попадал в комичные ситуации, вызывая смех окружающих.

Проснувшись после дневного сна, он вышел из палатки, протёр двумя кулаками заспанные глаза, широко раскинул руки и сладко потянулся, выпятив вперёд свой немаленький живот. В этот момент мимо проходил его сухощавый невысокий отец. Получив мощный толчок, он был буквально сбит с ног, вылетел на дорожку и распластался на полу.

Втянув живот-таран, мальчик бросился помогать родителю. Он схватил его за руку и изо всех сил потянул вверх, пытаясь поставить на ноги. Лёгкий отец не только мгновенно поднялся, но и, получив дополнительное ускорение, пробежал несколько шагов вперёд, потерял равновесие и влетел прямо в палатку, с шумом рухнув внутри.

Соседи, ставшие невольными свидетелями этой сцены, дружно рассмеялись. Кто-то даже хохотал, пересказывая случившееся другим. Даже молодой светловолосый мужчина с ребёнком на руках не смог сдержать улыбки.

Получив от родителей порцию далеко не самых добрых слов, мальчик привычно опустил голову, чувствуя свою вину, и сел рядом со стариком, тоже прислонившись спиной к стене. Обиженно надув и без того пухлые щёки, он опустил голову вниз с отвращением смотря на свои толстые ноги, словно смирившись со своим недостатком.

— Не отчаивайся, юноша. Они не со зла. Всем родителям хочется, чтобы их ребёнок вырос счастливым, успешным и здоровым, — неожиданно произнёс старик чистым, совсем не старческим голосом.

Мальчик удивлённо посмотрел на него. Сколько раз он вместе с другими детьми потешался над стариком, обзывал его, строил рожицы и всячески подшучивал! Теперь он никак не мог понять, почему тот остаётся таким добрым после всего пережитого по его вине. Он был ещё ребёнком и не понимал разницы между детским и взрослым восприятием мира.

— Почему я такой? — спросил он, разглядывая свои пухлые руки и большой живот. — Я уже и ем мало, и представляю себя худым, но ничего не меняется. Даже становится хуже.

К ним подошла группа детей — и постарше, и совсем маленьких. Услышав разговор друга со стариком, они остановились рядом и с интересом стали слушать, хотя сначала собирались лишь посмеяться над ним.

— Вспомни природу. Она прекрасна и самодостаточна. Вода, огонь, земля и другие стихии непрерывно трудятся вместе, создавая гармонию. Представлять себя худым и меньше есть — это правильное начало, но этого недостаточно. Представь, что вместо слаженной работы всех великих стихий действует только одна или две. Как думаешь, останется ли природа такой же прекрасной?

— Думаю, нет. Если будет только огонь — всё сгорит. А если останутся лишь огонь и вода, они будут постоянно бороться друг с другом, — немного подумав, ответил мальчик.

— Так же устроен и твой организм. Чтобы добиться желаемого, необходимо задействовать разум, тело и сердце. Для обычного человека это обязательный минимум, — спокойно и уверенно сказал старец.

Пытаясь осмыслить услышанное, мальчик снова задумался. Остальные дети терпеливо ждали продолжения, переводя взгляды то на друга, то на неожиданно открывшегося им старика.

— Это слишком сложно… Мне никогда не справиться с такой задачей, — тихо произнёс мальчик.

— Да, это непросто. Ты прав. Но вполне осуществимо. Мне известен один юноша по имени Лавв. Он сумел сделать то, что для большинства людей кажется невероятно сложным, а порой и вовсе невозможным.

— Он тоже был толстым и неуклюжим? — спросил мальчик.

— Нет, — с улыбкой ответил старик. — Но то, чего достиг он, во много раз сложнее того, о чём мечтаешь ты.

— А как он это сделал? Вы можете рассказать?

Старик задумался. Он посмотрел куда-то вперёд, словно искал там ответ, и, видимо найдя его, утвердительно кивнул.

— Я могу поведать вам о жизни Лавва. Но этот рассказ будет долгим и продлится до самого конца нашего пути. Готовы ли вы слушать? — спросил он, внимательно оглядев детей.

— Да! Мы готовы! — радостно ответил мальчик за всех.

Остальные энергично закивали, подтверждая его слова.

Обрадовавшись тому, что дети теперь надолго перестанут шуметь и баловаться, мать мальчика принесла стопку мягких ковриков для сидения.

— Благодарю вас, уважаемый. Детям сейчас очень не хватает внимания, а ваш рассказ придётся как нельзя кстати. Да и мы тоже с удовольствием послушаем, — сказала она.

— Хорошо. Многое тогда было по-другому, но и многое было таким же, как сейчас. Постараюсь рассказывать так, чтобы всем было понятно. Слушайте.

Он сел, поджав ноги крест-накрест, достал из-под подушки потёртую металлическую флягу с водой, на боку которой едва угадывалась стёршаяся гравировка — то ли буквы, то ли цифры незнакомого письма. Сделав несколько глотков, он сначала погладил бороду правой рукой, затем левой.

Теперь он уже не казался старым и немощным. Теперь перед слушателями сидел мудрый старец, к которому пришли за советом. Опустив руки на колени и прикрыв глаза, он начал свой рассказ.

Часть 1. Лавв. Начало. Ученик шамана

1. Мир Солнца

Время давно минувших дней. Эпоха великого согласия и умиротворения. Солнечная система в период своего расцвета источала во все стороны бесконечного космоса несметное множество энергии — благости, радости и доброго озорства.

Это была эпоха высоких технологий. Кристаллические технологии и суперстекло достигли невероятного уровня развития, и при этом человечество оставалось глубоко нравственным, просвещённым и преданным знанию.

В стремительном хороводе планеты — разные, непохожие друг на друга ни цветом, ни формой, ни размером — кружились вокруг своей звезды с разной скоростью и на разном удалении. Лишь иногда они выстраивались в ряд, словно бегуны перед стартом, и не теряя не мгновения продолжали путь по своим не видимым дорожкам. Снова и снова, на протяжении миллиардов лет, они устремлялись в бескрайние просторы Вселенной, кружась вокруг звезды, дарующей всему вокруг тепло и свет. Отвечая ей взаимностью, планеты ласкали её отражениями своего сияния, словно отдавая взамен частицу своей преданной души и безусловной любви. А в центре этого величественного круговорота золотом вдохновения пылало великое Солнце.

Одной из планет в этом хороводе была наша любимая Эрзетта, ныне называемая Землёй. Да будет вечна её синева. В те далёкие времена Эрзетта ещё не являлась главной планетой людей в Солнечной системе. Астерра, на месте которой сегодня осталось лишь астероидное кольцо между Марсом и Юпитером, была главным миром цивилизации, её политическим и культурным центром. Даже красная Армаста, ныне Марс, была развита и заселена гораздо плотнее Эрзетты. На её поверхности располагались огромные города, основная часть промышленности, главный военный оплот и крупнейший торгово-промышленный центр. По своему значению Армаста занимала второе место. Венерта, ныне Венера, была третьей.

Эрзетта же представляла собой огромный природный заповедник. Согласно мирному договору, заключённому после последней галактической войны, постоянное заселение планеты запрещалось, поэтому главный город округа Эрзетта располагался на одной из её лун. Ещё одним условием договора было полное невмешательство в жизнь местных аборигенов. Таким образом, Эрзетта являлась не только спорной и закрытой территорией, но и находилась под карантином. Именно поэтому все временные объекты цивилизации размещались в незаселённых и труднодоступных для аборигенов районах.

Разрешалось лишь строго ограниченное и временное использование поверхности планеты. Здесь действовали пять добывающих месторождений редчайших и наиболее ценных полезных ископаемых. Вырубка лесов была запрещена на всей территории Эрзетты, за исключением трёх островов, где произрастали редкие породы деревьев и отсутствовали поселения аборигенов. На двух удалённых островах располагались крупные человеческие поселения, населённые преимущественно учёными. По всей планете было разбросано семьдесят две исследовательские базы, надёжно скрытые от посторонних глаз. Обнаружить их, не зная точного местонахождения, было практически невозможно.

Помимо небольших промышленного и научно-исследовательского кластеров, на планете существовала достаточно развитая курортно-оздоровительная отрасль. В неё входили пятьдесят четыре оздоровительных центра и семьдесят шесть мест отдыха и развлечений. Попасть туда можно было только по назначению врача, за особые заслуги или за большую плату, предварительно дождавшись своей очереди.

Побывавшие на Эрзетте считались настоящими счастливчиками, и это было чистой правдой. За все послевоенные столетия эту удивительную планету посетило менее одного процента жителей Солнечной системы. С благоговейной радостью они вспоминали и рассказывали другим, как впервые вдохнули кристально чистый воздух, наполненный ароматами цветов, эфирными маслами деревьев и запахами трав, кружившими голову каждому, кто ещё не привык к жизни на Эрзетте. Надышаться этим воздухом было невозможно: чем больше человек вдыхал его, тем сильнее хотелось сделать ещё один вдох. В наше время похожее ощущение можно испытать разве что после грозы или ранним морозным утром. Счастливчики с удовольствием рассказывали, что в первые дни им не хотелось ни есть, ни спать — только дышать, пить родниковую воду, любоваться рассветами и закатами, слушать шум моря, шелест листвы и пение удивительных птиц.

Природа Эрзетты была невообразимо прекрасна и поражала разнообразием растений и живых существ. Девственные реки и озера завораживали взор гипнотизируя смотрящего на них человека своей красотой и прозрачностью вод. Нетронутая природа утоляла жажду чистейшей водой и дарила плоды, ягоды и орехи, не сравнимые ни с чем по вкусу, напитывая тело и разум человека чем-то похожим на божественную энергию. Ни один, даже самый совершенный экран не был способен передать всё богатство красок и тончайшие оттенки, которыми природа расписала этот мир, а тем более сохранить это великолепие на фотографии или видеозаписи без потери качества. Дополняли эту совершенную картину не менее прекрасные звуки. Всё здесь было не просто ослепительно красиво — весь мир словно был пронизан энергией радости и неуловимыми флюидами счастья, от которых особенно хотелось жить.

Впрочем, и в наше время на Земле ещё сохранились отдельные уголки, где водоёмы могут сравниться с теми древними по чистоте, а леса, долины и горы — по своему великолепию и богатству флоры и фауны с той Землёй-заповедником. Но, к сожалению, их с каждым годом остаётся всё меньше и меньше.

2. Источник

По склону горы, огибая её, шёл хорошо сложенный юноша. На левом плече он нёс большую бутыль объёмом около пятидесяти литров, а в правой руке держал небольшую зелёную термофлягу. Сдвинув большим пальцем плоскую крышку, юноша приложил флягу к губам, запрокинул голову и сделал три глотка, осушив её до дна. От удовольствия он закрыл глаза. Живительная влага потоком свежести растекалась по молодому телу, а улыбка наслаждения на его лице говорила сама за себя.

Повернув голову вправо, он устремил взгляд в синеву морской дали. Где-то там плавала стая полосатых акул с прозрачными желтоватыми плавниками. Он мысленно послал им луч своей энергии, наполненный радостным приветствием и добрыми пожеланиями. Почти сразу пришёл ответ: множество более тонких лучей коснулось его ауры, принося с собой частички тепла и хорошего настроения. Не отводя взгляда от моря, юноша ласково улыбнулся.

— Благодарю, друзья. И вам доброго пути.

Затем он огляделся и остановил взгляд на небольшом песчаном пляже у подножия горы. С трёх сторон гора окружала этот уголок берега, защищая его от ветра и посторонних глаз. Здесь не бывал никто, кроме него. Впрочем, как и на всей горе, стоявшей в стороне от основных путей миграции животных и троп аборигенов. На случай, если какой-нибудь любознательный житель планеты всё же решит приблизиться, сразу срабатывали излучатели страха. Они окружали гору со всех сторон, отпугивая двуногих и четвероногих гостей, а также крупных представителей местной фауны. Даже могучие хищники, переполненные силой и яростью, отступали перед невидимым излучением, внушавшим страх перед чем-то неизмеримо большим и неизвестным. Чем ближе абориген или зверь подходил к горе, тем сильнее становилось воздействие: сначала появлялось чувство опасности, затем страх, потом ужас. Если существо продолжало двигаться вперёд, наступали паника и помрачение сознания. Впрочем, до этого никогда не доходило — обычно хватало первых двух уровней защиты. На людей цивилизации, носивших Амулет, излучатели не действовали.

Три большие тёмно-синие черепахи с оранжевыми кругами на панцирях суетились на пляже, что-то закапывая или выкапывая в почти белом песке. Юноша помахал им рукой и наблюдал за ними, пока перелезал через большой валун. Затем тропа пошла вниз, и заросли папоротника скрыли из виду пляж, черепах и даже море.

Подойдя к месту, где из земли бил родник, образуя совсем неглубокое озерцо, юноша спустился на два метра ниже. Здесь вода просачивалась сквозь камни и превращалась в небольшой водопад, словно сама природа создала его для того, чтобы можно было без труда набирать воду. Она была удивительного качества: кристально чистая, богатая необходимыми человеку минералами, прохладная и необыкновенно мягкая. Пить её было истинным наслаждением. Даже структура воды поражала красотой своего узора и имела повышенный заживляющий эффект. Без преувеличения эту воду можно было назвать живой. Впрочем, для этой планеты подобное качество не являлось чем-то исключительным. Похожие, а порой и ещё более ценные по своему составу источники давно использовались в оздоровительных целях. Такую воду развозили по многим уголкам системы, где она пользовалась огромным спросом.

Поставив бутыль под широкую струю, юноша тем временем наполнил термофлягу. Закрыв, он поставил её на лежавший неподалёку плоский камень. Затем вдоволь напился, прильнув губами прямо к источнику.

Дождавшись, пока наполнится бутыль, он закрыл её и поставил рядом с камнем. Затем вернулся к ручью и подставил голову под струю холодной воды. Сегодня было особенно жарко, и такое омовение пришлось как нельзя кстати. Вода приятно охлаждала загорелую кожу, сте-

кала тонкими струйками с макушки по спине и ногам обратно в ручей, а затем, тихо журча, уносилась вниз, к синему морю.

Закончив свой водопадный душ, молодой человек не спеша подошёл к камню, взял флягу и закрепил её на поясе. Затем лёгким движением левой руки закинул бутыль на плечо и отправился в обратный путь.

Подойдя к большому валуну, перегораживавшему тропу, он снял бутыль и начал раскручивать её, словно собираясь забросить наверх. Сделав короткий разбег, юноша оттолкнулся от земли в тот самый момент, когда бутыль описала очередной круг и пошла вверх. Увлекаемый её движением, он легко взбежал по валуну на вершину и с той же ловкостью соскользнул вниз с другой стороны.

Выйдя из тропического леса, юноша увидел слева завораживающий вид на море и бухту. Не останавливаясь, он посмотрел вниз, туда, где совсем недавно копошились три черепахи. Их уже не было. Они плыли под водой, унося свои панцири в морскую глубину, и лишь яркие оранжевые пятна, хорошо различимые в прозрачной воде, выдавали их местонахождение.

3. Разговор с учителем

Вернувшись на базу, юноша прошёл мимо жилого блока и направился к своему Донк-Система. Небольшой трап был опущен. При его приближении входные двери бесшумно втянулись в стену овального корпуса, пропуская хозяина внутрь. Молодой человек поднялся по трапу и вошёл в Донк.

Открыв дверь в небольшое помещение, служившее кладовой и багажным отсеком, Лавв начал прикидывать, куда поставить принесённую воду. Не успел он принять решение, как в жилом отсеке зазвучал сигнал аппарата связи. Юноша не стал затрачивать время чтобы разместить бутыль с водой, и вместе с ним пошёл на звук вызова.

Справа, посреди жилого отсека, между двумя большими иллюминаторами, на краю письменного стола светился красным небольшой кристаллический шар. На лице Лавва появилась улыбка — по цвету сигнала он уже догадался, кто выходит на связь. Он подошел к столу и произнес.

— Включить связь!

В тот же миг перед шаром возникло изображение наполовину седовласого мужчины лет шестидесяти с небольшой аккуратной бородкой. Сидя за письменным столом в своём кабинете, он слегка прищуренными добрыми глазами смотрел на любимого ученика.

— Доброго вам вечера, учитель Сан Тагон, — первым поздоровался юноша.

— Доброго тебе дня, Лавв! Как поживаешь, мальчик мой? — бодро откликнулся учитель.

— Всё хорошо, учитель.

— Вижу, ты готовишься к отлёту? — спросил Сан Тагон, покосившись на бутыль с водой.

— Так и есть. Уже почти всё готово. Семена цветов и ваши любимые плоды фруктового дерева уже собраны и погружены.

— Спасибо тебе, Лавв. На Эрзетте эти плоды вырастают просто бесподобными. Мы с внучатами их просто обожаем, — с нескрываемой радостью поблагодарил учитель.

— Эрзетта — удивительная планета. Даже не хочется улетать, — ответил Лавв и, произнося эти слова, вернулся в багажный отсек, чтобы поставить бутыль.

Всё это время кристаллический шар проецировал изображение Сан Тагона перед Лаввом. Если между ними возникала какая-либо преграда, образ учителя плавно смещался в сторону и продолжал парить рядом.

— О да, я с тобой полностью согласен. Сколько лет прошло с тех пор, как я последний раз был на Эрзетте, гулял по её прекрасным лесам и долинам, а она до сих пор снится мне едва ли не каждую ночь, — сказал учитель, и в его светлой улыбке мелькнула едва заметная грусть.

— Особенно прекрасны закаты и рассветы. Ну и, конечно, подводный мир, — мечтательно произнёс Лавв.

— Увы. Я боюсь воды и никогда не смогу своими глазами полюбоваться морскими глубинами. Для тебя морская пучина — родной дом, а для меня всё, что находится ниже водной глади, заставляет сердце биться так сильно, что кажется — ещё немного, и оно выпрыгнет из груди, — признался учитель.

— Детская травма со временем не исчезает. Она лишь крепнет и растёт вместе с человеком, — спокойно заметил Лавв.

— В моём случае именно так и произошло. Стыдно, конечно, особенно перед внуками, но ничего с собой поделать не могу. Побывать однажды в брюхе огромной рыбины — удовольствие сомнительное. Хорошо, что рыбаки оказались рядом и быстро вызволили меня, — уже тише проговорил Сан Тагон.

Лавв сел на диван и молча слушал, невольно размышляя, как сам поступил бы в подобной ситуации.

— Моя стихия — воздух, — вновь бодрым голосом произнёс Сан Тагон.

— Поэтому вы и живёте на Аризне? — спросил Лавв.

— Да, мальчик мой. Жизнь на огромной птице, кружащей вокруг Армасты, меня вполне устраивает. До работы близко, да и дети с внуками рядом. Но хватит обо мне. Лучше расскажи, как твои дела? Сколько времени теперь можешь находиться под водой? Новый орган не подводит?

— Мой рекорд — почти четыре часа. Я уже обследовал почти всё побережье и нашёл кое-что интересное, — ответил Лавв.

Он подошёл к шкафу возле грузового отсека, открыл верхнюю дверцу и достал стеклянную колбу, наполненную водой. На её дне лежала небольшая кучка камней и водорослей.

— Что это, Лавв? — с нетерпением спросил учёный.

— Я называю его Повторителем. Он называет себя: «Мы — то, что вокруг».

— Как это — он себя так называет? — удивился учёный. — Неужели эта кучка камней умеет разговаривать?

Лавв замялся и виновато опустил голову.

— Учитель, раньше я вам об этом не рассказывал. Простите меня. Дело в том, что я умею общаться с живыми существами: деревьями, животными, рыбами и даже с камнями.

— Ты сейчас пошутил? — недоверчиво спросил Сан Тагон.

— В нашей деревне все об этом знают. Правда, относятся к этому скорее как к забавной особенности и всерьёз мою способность никто не воспринимает, — ответил Лавв, разведя руками.

— И как же вы общаетесь? На каком языке? — полушутя спросил Сан Тагон, всё ещё не до конца веря услышанному.

— Живые существа общаются со мной языком символов, образов и картин. Однажды я проплывал мимо этой кучки камней. Она как-то странно выделялась на песчаном дне, и я спросил: «Что эта кучка камней здесь делает?» Ответ пришёл сразу: «Сам ты кучка», — Лавв улыбнулся, вспомнив тот случай, и продолжил: — Он оказался очень общительным существом, да ещё и с отличным чувством юмора. Это симбиоз органической и минеральной форм жизни, целая колония — своего рода мини-комбинат или мини-лаборатория.

— И что же умеет эта мини-лаборатория? — уже совершенно серьёзно спросил Сан Тагон, окончательно убедившись, что Лавв не шутит.

— Он повторяет всё, что оказывается рядом, — копирует предмет, с которым соприкасается. Причём настолько точно, что воспроизводит его вплоть до молекулярного уровня. Это даже не копия — это стопроцентный оригинал.

Лавв достал Повторителя из колбы, перевернул его и, показывая на нижнюю часть необычной «кучки», сказал:

— Видите, учитель? С тыльной стороны посередине находится восьмиугольная ячейка, похожая на пчелиную соту.

— Да, вижу. В ней что-то круглое, — ответил учитель, придвинувшись ближе.

— Это моё золотое кольцо-ключ. Я отдал его Повторителю для копирования. Он спросил: «От одного до восьми — сколько?» Видите, вокруг центральной ячейки расположены ещё восемь таких же. Он способен одновременно создавать до восьми копий. Мне столько не нужно, поэтому я заказал четыре. За пару месяцев он выполнил уже около тридцати процентов работы, — объяснил Лавв, указывая на ячейки с заготовками.

— Но чем он заменяет золото? — недоумённо спросил учёный.

— Учитель, Повторитель золото не заменяет — он его создаёт. Причём даже не на молекулярном, а на квантовом уровне. Сначала конструируются ядро и электроны из синтезированных протонов и нейтронов, а затем формируется атом золота, — произнёс Лавв необычайно серьёзно.

Сан Тагон внимательно всматривался в лицо ученика, пытаясь уловить хотя бы малейший намёк на шутку. Но его не было. Лавв был совершенно искренен и убеждён в каждом своём слове.

— Это просто фантастика. Если всё действительно так, как ты говоришь, то сейчас в твоих руках находится, пожалуй, самое удивительное и ценное существо во всей системе, — проговорил учёный голосом восхищённого мальчишки.

— Согласен, Повторитель — удивительное существо. Но самым удивительным я бы его всё же не назвал. На мой взгляд, в этом мире есть создания куда более удивительные, чья работа несравнимо сложнее, а её результат бесценен.

— Мальчик мой, о чём ты? — непонимающе развёл руками Сан Тагон.

— Ну хотя бы о женщине-матери, — с улыбкой ответил Лавв.

Учёный покорно сложил руки на животе, откинулся на спинку кресла и, улыбаясь, задумчиво закивал своим мыслям. Он смотрел на ученика так, как мастер смотрит на лучшее творение своей жизни.

— Я всё время забываю, с кем пытаюсь вести научные споры. Ученик давно превзошёл учителя. Наверное, мне пора на покой, — произнёс Сан Тагон голосом человека, будто уставшего от жизни.

— Без любимого дела вы не сможете, учитель, — сказал Лавв, продолжая вертеть Повторителя в руках. — Да и рано ещё. Кроме меня, у вас достаточно учеников, которым можно передать свои знания и мудрость.

— Это так. И тут ты снова прав, — довольно улыбнулся учёный и вновь приблизился к экрану. — Скажи, этот твой Повторитель способен копировать только металлы?

— Я дал ему не просто золотое кольцо, а кольцо-ключ, открывающее все двери, куда мне разрешён доступ. Как вы знаете, внутри такие кольца содержат высокотехнологичную начинку: помимо золота и других металлов — полимеры, сложнейшие сплавы, микросхемы и различные волокна. Так вот, часть внутреннего устройства уже воспроизведена с абсолютной точностью, а сейчас он приступил к созданию драгоценного камня. По всей вероятности, после завершения работы кольца будут идентичны оригиналу вплоть до атома. Никакая экспертиза не сможет их отличить, — с удовлетворением сказал Лавв.

— Даже не знаю, что сказать. Это станет сенсацией как минимум в научных кругах — это несомненно. Ты привезёшь Повторителя в академию? Его необходимо как можно скорее исследовать. Ты ведь помнишь, что через две недели в столице состоится церемония Игр Системы? Это открытие принесёт тебе огромное количество баллов.

— Обязательно ли делать это именно сейчас, учитель? Может быть, подождём до следующих Игр? — спросил Лавв.

— Ни в коем случае. Три года назад ты не мог участвовать из-за возрастного ценза. На этот раз академия выдвигает пятерых лучших учеников, и твоя кузина Асилия — одна из них. У тебя очень хорошие шансы стать призёром. С таким открытием ты как минимум войдёшь в сотню лучших учёных системы, — Сан Тагон взял стакан с прозрачной жидкостью, сделал несколько глотков и продолжил: — Так что есть ради чего постараться. Да, кстати, как поживает твой крылатый друг?

— Улетел в долину реки и до сих пор не вернулся. Похоже, завёл себе подружку — сейчас у них период спаривания. На мои призывы отвечает только: «Дай время». Если до завтра не прилетит, пойду искать, — сказал Лавв.

— Будь осторожен. Местные хоть и примитивны, но очень опасны. Недооценивать их нельзя. Обязательно используй купол и систему отпугивания. И как только отсканируешь питомца, сразу возвращайся на базу, — по привычке проинструктировал Сан Тагон.

— Хорошо, учитель. Буду осторожен, — с улыбкой ответил Лавв.

Сейчас учёный напоминал ему заботливого и чрезмерно осторожного деда. Не хватало только советов, как теплее одеваться и сколько нужно есть.

— Давай вернёмся к Повторителю, Лавв. Ты можешь спросить у него, откуда он появился и существуют ли ещё такие, как он?

— Уже спрашивал. Мы с ним часто беседуем, — ответил Лавв, глядя на Повторителя с улыбкой абсолютного счастья.

— И что же поведал тебе твой друг? — спросил учёный.

Ситуация забавляла его. Будь это кто-нибудь другой, а не его лучший ученик, подобные рассказы легко могли бы принять за бред сумасшедшего.

— Вы правы, учитель, — он действительно мой друг. Помните, я летал на Астерру и две недели отсутствовал на базе? Так вот, Повторитель решил, что я его бросил. Он впал в оцепенение, приостановил копирование колец, а в свободных ячейках появились стеклянные шарики — он начал воспроизводить то, что находилось рядом. В данном случае — стекло колбы.

— Вот как! Но зачем же он это делает?

— Он говорит, что копировать окружающий мир — его предназначение. На дне моря он воспроизводил всё подряд: камни, песок, воду, органику. Для меня он копирует кольца, потому что считает меня своим другом. Своего происхождения он не помнит. По тем образам, которые от него приходят, можно сделать вывод, что он очень древний и никогда не встречал себе подобных. Возможно, он действительно единственный в своём роде, по крайней мере на Эрзетте. Я также не исключаю, что Повторитель — пришелец из космоса. На это указывает целый ряд фактов.

— Думаешь, он попал сюда с метеоритом? — уточнил учёный.

— Возможно. Но для уверенности необходим полный цикл исследований. Повторителя в академию я привезу, только ненадолго. Иначе он может снова остановить копирование колец. Очень уж он обидчивый, — сказал Лавв.

— Пусть живёт у тебя. А в какой среде он обитает? Разве не в солёной воде?

— Да, в последнее время он жил в солёной воде и уже адаптировался к ней внешне. Вот, например, видите — из него растут водоросли, через которые он, скорее всего, поглощает кислород и другие необходимые элементы. Если поместить его в сад, вместо водорослей, вероятно, появятся стебли и листья. Ему безразлично, где жить: в морской воде, в лунном кратере, в тропическом лесу. Даже в куче мусора он будет чувствовать себя превосходно.

— Удивительно! Из воды он собирает сложнейшие сплавы, полимеры и даже органику. Это станет сенсацией — и не только в научном мире. Подобных существ наша система ещё не знала. Конечно, существуют похожие повторители и среди живых организмов, и среди искусственных аппаратов, синтезирующих те или иные вещества. Но чтобы настолько искусно и универсально? Это просто фантастика! — учёный сложил ладони и поднёс их к губам.

Лавв молчал, с уважением глядя на учителя, который давно стал для него вторым отцом. Шесть лет назад двенадцатилетнего, не по годам развитого юношу приняли в лучшую академию Армасты — одну из лучших во всей Солнечной системе. Именно тогда Сан Тагон взял Лавва в ученики и с тех пор относился к нему по-отечески. Сколько научных трудов и разработок, книг и статей, побед в конкурсах и соревнованиях было на счету этой пары — уже никто не мог сосчитать. После того как число их достижений перевалило за сотню, считать их перестали: никто уже не ожидал от них ничего иного.

— Я уже предвкушаю тот момент, когда на коллегии покажу этим закоренелым материалистам результаты исследования. Одно только выражение их лиц заранее приводит меня в восторг, — сказал Сан Тагон и рассмеялся.

В академии Аризны, как и во многих других высших учебных заведениях системы, учёные условно делились на два лагеря. Первый составляли материалисты, для которых не суще-

ствовало никакой Божественной созидающей силы. По их убеждению, всё вокруг являлось результатом случайных соединений атомов, молекул, элементов и хромосом. Им было проще верить в то, что уже описано в научных трудах, доказано и воспроизводимо, чем в то, что пока не поддавалось объяснению. Ко второму лагерю относились учёные, убеждённые, что Вселенная и всё сущее изначально созданы великим и всемогущим Разумом, для которого нет ничего невозможного, не существует ни времени, ни расстояния. Он — во всём, и всё существует в Нём. Сан Тагон и Лавв были убеждёнными сторонниками именно этого направления, называя себя последователями Великого Сознания и Всевышнего Творца.

— Учитель, только не будьте с ними слишком суровы — среди них немало людей с явными признаками сердечной недостаточности, — с нарочитой серьёзностью произнёс Лавв.

— Хорошо. Возьму с собой что-нибудь для сердца, — ответил учёный.

— Что касается предварительных данных по Повторителю — я только сегодня утром обновил базу. Если хотите, могу прямо сейчас её переслать.

— Отлично, Лавв, отправляй. До твоего приезда успею ознакомиться. И как только появятся новые данные по твоему крылатому другу — их тоже присылай.

Лавв взял в руку амулет, висевший у него на шее. По форме он напоминал древесный лист или глаз с тёмно-зелёным камнем посередине, похожим на зрачок. Изумрудный цвет говорил о том, что его владелец является жителем округа Астерра. Жители округа Эрзетта носили амулеты с голубыми камнями — под цвет сияния своей планеты. Жители округа Армаста использовали рубиново-красные, а жители округов Меркур и Венерта — серые и жёлтые.

Коснувшись большим пальцем тёмно-зелёного камня, Лавв запустил процесс опознавания. Амулет считал необходимые параметры. Из нижней части амулета вспыхнул едва заметный разноцветный луч. Одиннадцать тонких лучей, непрерывно меняющих цвет и яркость, слились в единый поток световой энергии. На расстоянии вытянутой руки он образовал светящееся кольцо, которое стремительно вытянулось вверх и, словно разворачивающийся свиток, раскрылось в обе стороны, превратившись в экран.

Используя центральную часть папиллярного узора большого пальца как курсор, Лавв едва заметными движениями водил им по поверхности изумруда, перемещая символы и знаки на экране. Найдя нужный информационный куб, он выбрал из списка устройств амулет учителя и лёгким движением отправил куб в него. Амулет коротко мигнул зелёным, подтверждая передачу.

База данных поднялась к одному из спутников, обращавшихся вокруг планеты. Оттуда информация была передана в ускоритель, расположенный на луне Фахте. Затем куб, увеличив скорость в тысячу раз, за считанные секунды преодолел сотни миллионов километров, полукругом обогнул Солнце, миновал цепочку промежуточных ускорителей и достиг спутника красной планеты. Там сигнал приняли, замедлили и перенаправили на амулет Сан Тагона. Весь процесс занял менее пяти секунд. Амулет учёного мигнул красным и коротко булькнул.

— Отлично, Лавв! Сейчас же примусь изучать это чудо природы, — с воодушевлением произнёс учёный.

В этот момент к нему на колени запрыгнула маленькая девочка лет четырёх. Сан Тагон обнял её и поцеловал в щёку. Увидев Лавва, девочка радостно помахала ему рукой.

— Пливет, Лавв, — сказала она, не выговаривая букву «р».

— Здравствуй, принцесса, — с улыбкой ответил Лавв.

Девочка перевела взгляд на Сан Тагона и серьёзно произнесла:

— Деда, ужин готов. Бабушка зовёт к столу.

— Хорошо. Скажи ей, что я уже иду.

Не сказав больше ни слова, внучка так же стремительно исчезла, как и появилась, умчавшись передавать важную весть.

— Вот так, Лавв. Ничего не поделаешь — сначала придётся поужинать, — с улыбкой сказал учёный, разводя руками.

— Приятного аппетита, учитель. До встречи на Аризне, — сказал Лавв.

— Всего хорошего, Лавв. До встречи.

4. Исследовательская база 44

Солнце стояло в зените и палило изо всех сил. Прежде чем готовить обед, нужно было отключить три излучателя страха, чтобы животные и птицы внутреннего леса могли выйти на водопой. Лавв вышел из Донк-Системы и направился в главную лабораторию — двухэтажный автономный Овал седьмого класса. Быстрым, но спокойным шагом он пересёк двор, вошёл в лабораторию и сразу подошёл к блоку управления системой охраны. Помимо излучателей страха, в неё входили сеть видеонаблюдения, система оповещения, установки «Мираж», скрывавшие базу под пеленой искусственного тумана, и стационарные боевые дроны — на крайний случай.

Выбрав на миниатюрной схеме базы №44 три точки у озера, Лавв отключил все системы безопасности, кроме видеонаблюдения. Обычно это происходило автоматически трижды в день: ранним утром, в полдень и вечером. Так продолжалось уже более ста пятидесяти лет. Каждый раз на один час озеро превращалось в водопой для сотен животных и птиц внутреннего леса. Сегодня защиту отключили немного раньше, чтобы выиграть время: пока обитатели леса будут идти к озеру и возвращаться обратно, Лавв собирался наведаться в западную часть леса за любимыми плодами Юна. Как только системы отключились, по всему лесу разнёсся звук льющейся воды — привычный сигнал к водопою.

Наученные многолетней привычкой, а возможно, и чем-то более глубоким — инстинктом, впитанным с молоком матери, — обитатели леса словно по команде устремились к озеру. По земле и по воздуху они спешили утолить жажду, следуя древнему, давно укоренившемуся порядку. Хотя по территории протекал небольшой ручей, впадавший в то же озеро, и пить можно было в любое время, трижды в день все неизменно приходили именно сюда. Со временем это превратилось во что-то большее, чем простая привычка: поход к озеру стал своеобразным культурным ритуалом местной живности. Причём пить было вовсе не обязательно. Можно было просто прийти, коснуться воды, постоять на берегу, посмотреть на других и спокойно уйти.

Лавв поднялся на второй этаж Овала, где располагался отсек, напоминавший смотровую площадку. Он открыл большое круглое окно, выходившее на юг, туда, где между двумя вытянутыми сопками с каменистыми вершинами лежало озеро. Из леса уже выходили животные, слетались птицы. Неторопливо брели две пары ленивцеподобных зверей размером с лошадь — очень полезных существ, не позволявших растительности чрезмерно разрастаться. Они объедали толстые ветви, кустарники и высокую траву. Следом выбежала группа быстрых безрогих животных, напоминавших небольших лосей, но размером не больше косули. Их задачей было объедать нижний ярус растительности.

На территории внутреннего леса была создана зона полного природного цикла — настоящий кусочек джунглей со всеми представителями местной флоры и фауны: от насекомых и растений до птиц, травоядных и крупного пантерообразного Эпарда. Именно он стоял на вершине пищевой цепи, и именно его сейчас высматривал Лавв. Эпард обитал как раз в той части леса, где росли плоды Юна.

Наладить телепатический контакт с Эпардом пока не удавалось. Зверь был молод, горяч и напоминал упрямого подростка. Он не шёл на контакт и, несмотря на то что полностью находился под контролем людей, продолжал считать себя хозяином этих мест. При этом свои обязанности выполнял безукоризненно: охранял территорию и охотился на самых слабых животных, не позволяя им чрезмерно размножаться.

Мирную идиллию у озера нарушило появление хищника. Животные и птицы насторожились, вглядываясь в западную чащу. Эпард не заставил себя ждать. Вальяжной походкой он вышел из леса и направился к воде. Теперь можно было спокойно идти за плодами.

Лавв спустился вниз, вышел из лаборатории и направился в соседний блок, служивший одновременно складом. Дверь предупредительно открылась. Он снял с крюка большой рюкзак и две полупрозрачные сумки, после чего отправился на плантацию.

Пройдя через базу, питомник и огород, где трудился робот-садовник, Лавв вышел на тропу, ведущую к западной части внутреннего леса. Через десять минут быстрой ходьбы он оказался на месте и принялся собирать спелые плоды. Они свисали на длинных лианоподобных стеблях и легко отделялись. Нужно было лишь идти вдоль рядов и складывать плоды в сумку — почти как в магазине, только здесь товар сначала приходилось сорвать. Быстро наполнив рюкзак и обе сумки, Лавв остановился и с удовлетворением огляделся. В нескольких метрах росли кустарники, густо усыпанные жёлтыми и красными ягодами. Он подошёл к одному из них, набрал полную горсть и отправил ягоды в рот. По выражению его лица можно было понять, что ягоды немного кисловатые.

Прошло около получаса с тех пор, как Эпард ушёл на водопой. Обычно после этого он обходил свои владения вдоль опушки леса и сейчас должен был находиться где-то неподалёку. Лавв не боялся хищника и никогда не искал столкновений ни с людьми, ни с животными. Будучи человеком самодостаточным и разумным, он не нуждался в самоутверждении за чужой счёт. Он был учёным и исследователем, а значит, именно ему следовало беречь природу, не нарушая её гармонии. Поэтому и теперь он выбрал другую тропу — почти вдвое длиннее, — лишь бы зверь не чувствовал себя стеснённым присутствием сильного соперника.

Этот Эпард появился на свет на другой исследовательской базе. Там выращивали самок, тогда как на базе №44 всегда содержали только самцов. Внутренний лес здесь был сравнительно небольшим: около трёхсот метров с севера на юг и примерно километр с запада на восток. На такой территории вести полноценную селекционную работу было сложно, поэтому базу использовали как накопитель и пункт временного содержания самцов. Рассчитанная на четырёх учёных, она почти всегда оставалась обитаемой лишь одним человеком. Лавв любил одиночество и неизменно выбирал для работы именно это место.

Года два назад здесь жил отец нынешнего Эпарда. Его четыре раза увозили на случку, а затем возвращали обратно. На пятый раз увезли уже навсегда, а на его место привезли сына, которого в своё время ждёт та же судьба. Его переправят на одну из планет Солнечной системы и выпустят в дикую природу.

По закону нельзя было лишать свободы и перевозить разумное существо без его добровольного согласия. Животное, рождённое свободным, имело право таким и оставаться. Сам факт того, что оно жило рядом с людьми, означал, что либо оно само, либо его предки когда-то добровольно сделали такой выбор. Чтобы стало понятнее, стоит рассказать, как предки Эпардов оказались рядом с человечеством.

Сто шестьдесят лет назад таких животных, как Эпарды, на Эрзетте вовсе не существовало. Всё началось с того, что сотрудники одной из шахт на острове Южного полушария нашли раненую тигрицу. Она была настолько слаба, что уже не могла поднять голову, а её раны кишели насекомыми. Но дух её оставался несгибаемым, и умирать она не собиралась. Всем своим существом она стремилась только к одному — жить. И она выжила.

В то утро группа людей терпеливо окружила раненое животное. По закону вмешиваться в естественный уход свободного живого существа запрещалось. Однако существовало правило, позволявшее самой тигрице попросить помощи. Люди понимали: кто-то должен задать, возможно, самый важный вопрос — не только для неё, но и для самого спрашивающего. Перед тигрицей стоял выбор: умереть свободной или попросить помощи, добровольно отказавшись от части свободы — своей и своих потомков. Если бы она выбрала второе, её жизнь изменилась бы навсегда. На ментальном и энергетическом уровнях она стала бы частью мира людей. Таких существ люди могли переселять, спасать и включать в селекционные программы без каких-либо кармических последствий.

Видя, что никто из присутствующих не решается задать главный вопрос, вперёд вышел старший. Глядя тигрице прямо в жёлтые глаза, он произнёс:

— Право на жизнь или свобода умереть? Нужна ли тебе, вольное дитя природы, наша помощь?

Если бы тигрица никак не отреагировала или отвернулась, это означало бы отказ. Но, к общей радости, и особенно к радости того, кто задал вопрос — его звали Лэй Эпард, — она из последних сил повернула к нему голову, посмотрела ему в глаза, медленно закрыла их и так же медленно открыла. Это могло означать только одно — она выбрала жизнь. В подтверждение своего решения тигрица издала тихий, жалобный, едва слышный рык — зов о помощи.

Люди сразу принялись за дело. Они соорудили носилки из веток, промыли раны. Лэй смачивал ладонь водой и осторожно поил тигрицу, капая ей в пасть. Она жадно слизывала драгоценные капли, а затем начала лизать ему пальцы, словно благодаря за спасение. Её уложили на носилки и понесли в шахтёрский посёлок. Тигрица лежала неподвижно, полностью доверившись своим спасителям, и только слёзы катились из её усталых глаз. Она плакала от благодарности и оттого, что каким-то внутренним чутьём понимала: прежняя жизнь, родной лес и свобода остаются позади навсегда. Словно невеста, покидающая отчий дом, она уходила в новую жизнь, становясь частью новой семьи — семьи людей.

И она не ошиблась в своём выборе. После двух месяцев лечения тигрица полностью поправилась. Она поселилась у своего спасителя Лэя Эпарда, стала тотемным животным его семьи и любимицей всего посёлка. Свободно гуляла по территории и никогда никому не причиняла вреда.

На другом конце посёлка один из операторов буровой машины содержал пантеру, которую вырастил ещё котёнком после гибели её матери во время схватки. Теперь это был могучий хищник, лишь немного уступавший тигрице размерами. Вопреки опасениям, животные не только не враждовали, но и подружились. И произошло настоящее чудо. Уже через семь месяцев тигрица родила троих детёнышей — не тигрят и не пантер. На свет появился новый вид семейства кошачьих. Их назвали Эпардами — в честь человека, спасшего тигрицу.

Учёные сначала не поверили в случившееся. Затем начали контролируемые селекционные эксперименты, пытаясь скрещивать тигров и пантер, однако безуспешно. Дело сдвинулось с мёртвой точки лишь тогда, когда в программе приняли участие выросшие потомки спасённой тигрицы и той самой пантеры.

Когда-то в лесу во время особого ритуала человек и животное духовно соединились. Частица человеческой души вошла в тело зверя, а частица звериной души — в человека, открыв обоим новые возможности. Произошло чудо, последствия которого живут и по сей день. Тигрица стала прародительницей нового вида — необычайно успешного и обладавшего огромным потенциалом. За сто шестьдесят лет Эпарды расселились по планетам Солнечной системы и далеко за её пределами. Только на Астерре их насчитывалось более ста тысяч. Идеальные хищники, они на равных соперничали с местными животными и нередко превосходили их. Эпарды стали очень близки людям и жили рядом с ними. Их пятнистые морды можно было встретить почти в каждом лесу, а ясные зелёные глаза, чем-то напоминавшие человеческие, внимательно следили из густой чащи.

Вот и сейчас один из них наблюдал из лесной тени за человеком, шедшим по тропе. Лавв уже покинул территорию внутреннего леса и вышел в зону действия системы отпугивания, куда звери не заходили. Тропа сначала вела на север, затем полукругом поворачивала на восток, огибая базу с северной стороны. Она то поднималась вверх по склону, то снова уходила вниз, но Лавв уверенно и легко шагал вперёд, неся почти двести килограммов плодов.

Добравшись до базы, он вошёл через северные ворота и сразу направился к своему кораблю. Плоды, как и воду, он забирал с собой. Для них были заранее приготовлены два больших сундука-ящика. Один предназначался лично Лавву, второй — для угощения друзей

и товарищей по академии. Разложив принесённый урожай, Лавв понял, что придётся сходить ещё раз.

Каждый раз, возвращаясь с Эрзетты, он устраивал небольшую вечеринку и угощал родных, друзей и близких всем, что привозил с собой. Главным лакомством, конечно же, были всеми любимые плоды Юна. Именно на голубой планете они вырастали несравнимо вкуснее и полезнее, чем на зелёной или красной. Эти плоды считались настоящим деликатесом и стоили дорого. На той части континента, где жила семья Лавва, Юн не рос. Это было теплолюбивое растение, круглый год нуждавшееся в солнце, тепле и влаге. На родине Лавва зимы хоть и не отличались суровыми морозами, зато были очень снежными. Поэтому вечера, посвящённые угощениям с Эрзетты, ещё долго вспоминались всеми гостями.

Взяв с собой два плода — на сегодня и на завтра, — Лавв направился в жилой Овал. На первом этаже располагалась кухня — просторное помещение, оборудованное всем необходимым для приготовления пищи. В дальнем конце, там, где Овал сужался, стоял круглый стол из светло-коричневой древесины редкой породы, украшенный искусной резьбой по всей поверхности. Столешница была пропитана кристаллической смолой и казалась выточенной из зеленоватого драгоценного камня — идеально ровного и тщательно отполированного. Вокруг стола стояли четыре стула из золотистой древесины, также украшенные резьбой и узорами. Их мягкие сиденья и спинки слегка поблёскивали в лучах света.

Лавв положил один плод на стол, второй убрал в холодильник. Затем достал два овоща, напоминавших морковь, сполоснул их под проточной водой, уложил вместе с плодом в прямоугольную глиняную форму, накрыл стеклянной крышкой и поставил в жаровню. Таймер выставил на тридцать пять минут.

Сидеть и ждать он не стал. Времени было достаточно, чтобы совершить привычный обход северной территории — обойти гору по кругу. Такие проверки проводились регулярно: безопасность всегда оставалась на первом месте. Выйдя через те же ворота, что и раньше, Лавв быстрым шагом направился на запад. Тропа почти идеальным кольцом огибала гору и через три километра вновь приводила к базе. Он наслаждался окружающей красотой и покоем, ощущая себя частью этого мира. Лишь назойливые насекомые время от времени нарушали благостное состояние. На территории базы их не было — спасибо излучателям, — зато за её пределами они чувствовали себя полноправными хозяевами.

На северо-западном склоне росла небольшая яблоневая роща. Лавв очень любил яблоки и бывал здесь почти каждый день. Здесь же обычно жил его крылатый друг Смышлёный, но сейчас тот находился более чем в двадцати километрах отсюда. Когда наступает пора спаривания, разум неизбежно уступает место инстинктам. Лавв свернул с тропы, вошёл в настоящий яблоневый рай, сорвал два крупных красных яблока, поднёс одно к лицу, глубоко вдохнул его пьянящий аромат и с удовольствием впился зубами в сочную мякоть.

Преодолев половину маршрута, он свернул направо на тропу, ведущую к вершине горы. Сначала она проходила через кустарники и невысокие деревья, затем выходила на открытый, почти безлесный участок. Чем ближе становилась вершина, тем больше камней появлялось под ногами. Сама вершина представляла собой огромную скалу, словно вырастающую прямо из земли. Лавв легко взбежал по выступам и трещинам, словно по ступеням, и вскоре оказался наверху. Над основной вершиной возвышался скальный выступ, очертаниями напоминавший женскую грудь. Забравшись на самую высокую точку, он медленно повернулся, внимательно осматривая территорию базы №44.

С полукилометровой высоты всё казалось маленьким, почти игрушечным. Гора возвышалась почти в центре базы, немного смещаясь к северу. С запада и севера к её границам вплотную подступали джунгли, уходившие зелёным покрывалом далеко за горизонт. На северо-востоке возвышалась ещё одна гора — всего около девяноста метров высотой, словно уменьшенная копия основной. С востока и юго-востока базу омывал океан. В семистах метрах внизу

белела широкая полоса почти ослепительно белого песка — небольшой черепаший пляж площадью около полгектара, окружённый с трёх сторон возвышенностями. Между двумя вытянутыми сопками с плоскими каменистыми вершинами, полукругом охватывавшими внутренний лес, открывался вид на побережье до самого горизонта. Там же, между сопками, располагалось озеро-водопой.

Внимательно осмотрев окрестности и не обнаружив ничего подозрительного, Лавв сел и закрыл глаза. Он часто приходил сюда, чтобы посидеть под лучами южного полуденного солнца, ощущая полное единение со всем сущим.

Спуск оказался гораздо легче и быстрее. Лавв быстро добрался до базы. Таймер жаровни отсчитывал последние секунды. Пока он умывался, прозвучал сигнал. Зайдя на кухню, Лавв достал форму с готовым обедом, поставил её на большой поднос вместе с кувшином воды, любимой кружкой и несколькими баночками с приправами, после чего вышел на террасу.

Деревянная беседка с зелёной крышей стояла между жилым Овалом и оградой. По обе стороны от неё росли два старых дерева с огромными листьями и густыми кронами, дарившими приятную прохладу. В центре беседки, украшенной искусной резьбой, узорами и символами, стояли овальный стол и четыре стула. Лавв поставил поднос, сел и снял со своей формы стеклянную крышку. Тёплый пар вырвался наружу и быстро растворился в воздухе, уступив место аппетитному аромату свежеприготовленного блюда, мгновенно наполнившему беседку. Лавв с удовольствием вдохнул этот запах, налил в кружку воды, взял нож и вилку и приступил к обеду.

Плод Юна, напоминавший толстый кабачок, во время запекания раскрылся. Внутри он состоял из трёх слоёв. Первый, прилегавший к кожуре, после приготовления напоминал жареный картофель. Второй, более тонкий, по структуре был похож на огурец, а по вкусу — на сыр. Третий слой, сердцевина, служил превосходной заменой мясу — и по вкусу, и по питательным свойствам. Именно поэтому плод Юна пользовался такой популярностью по всей системе. Казалось, будто ешь настоящее мясо, хотя на самом деле это был овощ. Лавв мяса животных почти не употреблял. Этот плод полностью заменял ему всё, что обычно давало мясо, и при этом усваивался организмом значительно легче. Строгим вегетарианцем он не был: иногда, находясь в гостях или в академии, мог съесть птицу, а яйца и рыбу любил настолько, что был готов есть их хоть каждый день. Однако основу его рациона составляла растительная пища, и Юн занимал в ней особое место. На Астерре эти плоды вырастали крупнее, но из-за особенностей почвы и самой планеты уступали эрзеттским по вкусу. Всё, что привозили с удивительной синей планеты, пользовалось огромной популярностью не только по всей Солнечной системе, но и далеко за её пределами. Эрзетта давно стала настоящим знаком качества.

Закончив обед, Лавв ещё некоторое время сидел за столом, неспешно попивая родниковую воду и любуясь синим морем вдали. Затем подошёл к гамаку, натянутому между двумя деревьями, лёг в него, закрыл глаза и почти сразу уснул. Это был его неизменный ежедневный послеобеденный сон.

5. Трудовой день

Спал Лавв недолго — чуть больше получаса. Слез с гамака, потянулся, широко разведя руки в стороны и подставив грудь и лицо золотым лучам солнца. Долго бездействовать он не умел — временем распоряжался бережно и всегда с пользой. Вот и теперь уже уверенной, бодрой походкой направлялся в лабораторию.

Каждый день необходимо было снимать показания с датчиков, установленных на животных, птицах, растениях и даже некоторых рыбах. За половиной из них велось видеонаблюдение в рамках исследовательской программы, остальные представители флоры и фауны внутреннего леса являлись ценными объектами селекции и требовали более пристального внимания. Одного из них — Эпарда — вы уже знаете. Крылатый друг Лавва по прозвищу Смышлёный, который сейчас отсутствовал, также находился под постоянным контролем академии. Кроме них, ещё более тридцати особей необходимо было дважды в день проверять на наличие любых изменений. Собрав нужную информацию и составив пояснение по каждому объекту, Лавв отправил данные на Аризну. Лишь к отчёту по Смышлёному он прикрепил записку: если до следующего полудня тот не вернётся на базу, он намерен отправиться на поиски. Устное согласие учителя уже было получено, однако опыт подсказывал Лавву, что письменное подтверждение никогда не бывает лишним. Тем более накануне Игр, где каждый балл мог оказаться решающим.

Закончив работу в лаборатории, Лавв приступил ко второй части своих ежедневных обязанностей. Он направился к небольшому одноэтажному Овалу, где располагались мастерская, рабочий инвентарь, а также ангар для роботов и дронов.

В главном помещении слева стояли три постамента для наземных роботов, а над ними размещались пять зарядных платформ для летающих дронов. Справа находились два шкафа с инструментами, между которыми располагался большой металлический стол. На нём светился экран с макетом базы, где было хорошо видно, в какой точке сейчас находятся роботы и дроны и чем именно они занимаются. Нажав на символ с двумя красными ключами, Лавв запустил общую техническую проверку. Неутомимые помощники, ненадолго прервав свою работу в садах и огородах, один за другим направились в мастерскую.

Первым влетел и занял своё «гнездо» дрон-садовник №5, напоминавший крупную стрекозу. Он отвечал за обрезку лишних ветвей, листьев и травы — каждое растение на базе было доведено им до идеального состояния с помощью секатора и пилы. Лавв быстро осмотрел дрона, словно врач своего пациента, не обнаружил никаких неисправностей и, нажав на экране символ с зелёной лопатой, отпустил его. Дрон мгновенно вылетел из мастерской и вернулся к прерванной работе. Следом прилетел точно такой же садовник под номером шесть. После короткой проверки он тоже покинул Овал.

Затем на осмотр прибыли два дрона, похожие на гигантских пчёл, — под номерами семь и восемь. Именно они собирали плоды и ягоды. Последним появился дрон №9. Он получил новые усики для опыления растений и тонкий хоботок, напоминавший комариный, предназначенный для сбора вредителей.

После того как дрон-комар вновь отправился по своим делам, в мастерскую вошли два одинаковых робота, похожих на небольших козочек, — под номерами два и три. Они поднялись на свои платформы, присели на задние ноги и уставились на Лавва большими стеклянными глазами.

Этот тип универсальных роботов был широко распространён не только в Солнечной системе, но и далеко за её пределами. Их можно было встретить практически в каждом дворе. Дома, на Астерре, у Лавва таких помощников было восемь. Козочки умели выполнять практически любую хозяйственную работу и даже при необходимости становились охранниками.

Лавв особенно любил ходить с ними в дальний лес за дровами и древесиной для своих поделок. Выстроив роботов колонной, он шёл впереди, а рядом с ним неизменно бежали два бесстрашных пса и молодой лось — его закадычный друг. Найдя сухое или поваленное ветром дерево, они распиливали ствол на двухметровые части, а крупные ветви превращали в дрова. Затем спины козочек раскрывались тонкими лепестками, образуя вместительные кузова, куда укладывались дрова и брёвна. Сначала роботы выполняли работу лесорубов, затем доставляли груз домой: дрова аккуратно складывали ровными рядами, а древесину отвозили в мастерскую. Лучших помощников трудно было представить. К их голове можно было присоединить самые разные инструменты — от пил и топоров до лопат, тяпок и плуга. Здесь, на базе, козочки занимались посевом, уходом за растениями, уборкой урожая и его доставкой в транспортный Овал.

Быстро осмотрев тружениц и не найдя в их конструкции, идеально продуманной, никаких поломок, Лавв нажал для них символ зелёной лопаты, и они тут же умчались заканчивать прерванную работу.

Следующим в мастерскую вошёл самый крупный помощник — робот №4, напоминавший одновременно черепаху и паука. Он занимался обработкой почвы: пахал, рыхлил и очищал территорию от мусора. Шесть мощных ног, массивный панцирь, внутри которого располагались все основные механизмы, и четыре руки-манипулятора — две спереди и две сзади — делали его незаменимым помощником. При необходимости на панцирь устанавливались дополнительный кузов, бак с водой или измельчитель веток.

С этим роботом пришлось немного повозиться. Лавв заменил оба задних манипулятора, затем открыл переднюю часть панциря, отсоединил несколько мелких деталей и установил новые. После того как черепаха-паук отправилась продолжать свою работу, Лавв нашёл занятие и для себя. В списке дел на сегодня он отметил нужную строку символом зелёной лопаты, взял необходимый инструмент и вышел из мастерской, направляясь ко второму огороду.

Если бы сейчас снова подняться на вершину горы и посмотреть вниз, база напоминала бы восьмилепестковый цветок без трёх нижних лепестков. Именно там располагались северные ворота, где территория базы примыкала к горе. В центре находился шестиугольник, напоминавший квадрат со срезанными верхними углами, — сама база. Вокруг неё располагались пять ромбовидных участков — огороды-лепестки. Их общая площадь составляла около трёх гектаров, а вместе с территорией базы роботам и дронам приходилось обслуживать почти четыре гектара. Впрочем, для них это была вполне посильная задача: каждый был рассчитан на значительно большие объёмы работы. В хозяйстве семьи Лавва на Астерре на одну такую козочку приходилось более десяти гектаров земли, и они без труда справлялись со всеми обязанностями. Роботы могли работать круглосуточно, прерываясь лишь для подзарядки и технического обслуживания. Здесь же такой нагрузки не требовалось — вполне хватало семи часов спокойной работы в сутки.

Второй огород располагался к юго-востоку от базы и, как и остальные, был засажен самыми разными растениями — от высоких деревьев до низких трав. Противоинсектных излучателей здесь не было, и Лавв почувствовал это сразу, едва переступил через деревянные ворота с крышей. Со всех сторон на него налетели любопытные насекомые, норовившие заглянуть прямо в глаза или залететь в рот, словно искали там нечто необходимое и прежде невиданное.

В середине огорода стояли три теплицы зеленоватого цвета. Лавв зашёл в правую, где на высокой грядке ровными рядами росли шестьсот кустиков ягодной рассады. Пришло время пересаживать её в открытый грунт. Обе козочки уже ждали рядом.

Весёлая стояла у грядки, раскрыв спину наподобие цветка, готовая принимать рассаду для перевозки. Этот робот под номером три давно отличался более качественным и старательным выполнением работы. Даже статистика подтверждала: она справлялась с задачами почти на двадцать процентов быстрее и точнее, чем абсолютно идентичный робот под номером два.

Конструктивно козочки были совершенно одинаковыми, и всё же одна из них казалась более счастливой и жизнерадостной, словно работа в огороде доставляла ей настоящее удовольствие. Так бывает и у людей с одинаковыми способностями и образованием: один достигает больших успехов, потому что занимается любимым делом с радостью и вдохновением, а другой выполняет ту же работу лишь по необходимости.

Козочка под номером три, или, как называл её Лавв, Весёлая, действительно занималась тем, что ей нравилось, и это чувствовалось в каждом её движении. Иногда Лавву даже казалось, что она по-настоящему счастлива.

Чего нельзя было сказать о козочке под номером два, носившей прозвище Угрюмая. Казалось, она мечтала совсем о другой судьбе. Лавв не раз замечал в её поведении странности, которые не объяснялись никакими программами. Она могла внезапно замереть посреди работы, словно погрузившись в раздумья, или, проходя мимо ограды, надолго устремить взгляд куда-то вдаль, за её пределы, будто испытывала непреодолимое желание оказаться на свободе. В такие мгновения это странное чувство словно полностью подчиняло её электронный разум, заставляя на короткое время забывать о выполняемой задаче. Порой Лавв думал: а что, если где-то глубоко внутри действительно живёт крошечная душа — наказанная и заключённая в безжизненное тело за то, что в прошлой жизни не ценила дарованное ей, не понимала собственных желаний и поступков? Может быть, Всевышний дал ей ещё один шанс и отправил на перевоспитание в тело робота, которым эта маленькая душа пока даже не умеет по-настоящему управлять. А прежде, возможно, она носилась по лесам, горам и долинам в теле настоящей козы или Эпарда. Может быть, поэтому теперь и смотрит на лес с такой тихой тоской.

И сейчас Угрюмая вела себя необычно. Она просто стояла рядом и ждала указаний, хотя прекрасно знала, что и когда следует делать. Лавв посмотрел на неё, пытаясь понять, что происходит в её процессоре. Ему стало немного жаль эту странную козочку. Мысленно он произнёс: «Не отчаивайся. Достойно пройди путь, который тебе дан, не совершай непоправимых ошибок — и всё будет хорошо». Неожиданно Угрюмая повернулась и посмотрела на него холодным стеклянным взглядом так, как никогда прежде. Словно действительно услышала его мысли и теперь пыталась осмыслить их или ожидала продолжения. А может, наоборот, не найдя в себе силы на большее, ее маленькая душа, этот сгусток энергии, спрятался, где ни будь в глубине электронного разума, найдя для себя какое-нибудь уютное местечко и в этой зоне психологического комфорта просто плыла по течению жизни, не имея ни целей, ни устремлений, ожидая своей участи.

Лавв попытался уловить хотя бы слабый ментальный отклик. Но роботы не обладали телепатией. Для него они оставались совершенно безмолвными. Та ментальная связь, которая объединяла всё живое, у них отсутствовала, уступив место искусственным системам общения. Роботы понимали человеческую речь, могли разговаривать, а некоторые даже пели.

— Приступим. Тройка собирает рассаду, а мы с тобой, Двойка, выкапываем кустики, помещаем их в корзинки и высаживаем на участке номер пятнадцать, — громко сказал Лавв.

— Хорошо, Лавв. Всё понятно, — ответила Двойка.

Работа сразу закипела. Лавв выкапывал кустики с помощью круглой лопаты-щипцов и сразу помещал их в корзинки. Те изготавливались из смеси земли, удобрений и растительных волокон, поэтому рассаду можно было высаживать прямо вместе с ними. Такие корзинки не мешали развитию корневой системы, а наоборот, снабжали её питательными веществами и постепенно разлагались после полива, превращаясь в обычную землю. Закреплённое сбоку на лопате устройство автоматически подавало новую корзинку под каждый выкопанный кустик. Робот работал по такому же принципу — его лопата-щипцы крепилась к голове и приводилась в действие через специальные механизмы. Тем временем Весёлая собирала наполненные корзинки и аккуратно расставляла их возле подготовленных грядок.

Работа продвигалась быстро. Уже через пятнадцать минут все шестьсот кустиков были выкопаны, помещены в корзинки и доставлены к месту посадки. Затем все трое перешли на участок номер пятнадцать, где черепаха-паук заранее подготовил почву, нарезал ряды, выкопал лунки и полил их. Теперь оставалось только установить корзинки в лунки, засыпать землёй и слегка уплотнить её. Лавв оставил лопату-щипцы в теплице — работать руками ему нравилось гораздо больше.

На участке располагались двенадцать длинных рядов по пятьдесят кустиков в каждом. Лавв взял первые четыре ряда, следующие четыре достались Угрюмой, а последние четыре — Весёлой. Все трое выстроились на старте, словно спринтеры перед забегом. Лавв всегда устраивал подобные соревнования — ради интереса и для сбора статистики. Весёлая едва сдерживала нетерпение, подпрыгивая почти так же, как её живые сородичи. Угрюмая стояла спокойно, лишь изредка переступая с ноги на ногу. Лавв занял исходную позицию и громко скомандовал:

— Внимание… начали!

Все трое одновременно приступили к работе. Они быстро, без лишних движений, устанавливали корзинки в лунки, засыпали их землёй, слегка уплотняли её вокруг и формировали небольшое углубление для полива. Роботы, работая лопатами-щипцами, двигались немного быстрее человека. Лавву приходилось выполнять больше движений, из-за чего он терял драгоценные секунды, зато каждый кустик высаживал особенно тщательно.

Первой к финишу пришла Весёлая. Она высадила свои двести кустиков за тридцать минут, опередив Угрюмую почти на полряда, а Лавва — примерно на целый ряд.

Следом закончила работу и Угрюмая.

— Двойка работу закончила.

Лавв выпрямился, оглядел участок и громко произнёс:

— Благодарю. Отличная работа. Процесс завершён.

Козочки сразу разошлись выполнять следующие задания. Лавв спокойно закончил последний ряд. В итоге на всю работу у него ушло сорок минут. Очень неплохой результат. Конечно, при помощи лопаты он высаживал быстрее, но работать с землей ему нравилась больше, чем побеждать роботов.

Лавв с удовлетворением осмотрел засаженный участок. Шестьсот кустиков ровными рядами поднимались над землёй. Всё выглядело безупречно. Оставалось только полить посадки — этим уже занималась черепаха-паук, неторопливо приближавшаяся с большой бочкой воды на панцире.

Лавв неспешно направился к выходу из огорода, любуясь созданным вокруг царством растений. На сегодня работа была окончена.

6. Жемчужные поля

Лавв зашёл в жилой Овал. Прямо напротив входа находилась лестница, ведущая на второй этаж, а рядом с ней — выход на противоположную сторону здания. Проходя мимо кухонного отсека, он задержал взгляд на деревянном столе, стоявшем посреди помещения. В который раз залюбовавшись этим произведением искусства, мысленно похвалил мастера.

Слева от входа располагалась просторная комната отдыха, а в центре — санитарный отсек. Лавв подошёл к нему, и дверь бесшумно открылась. На ходу он снял испачканную землёй рубаху и бросил её в ящик для грязной одежды. После этого вышел, прошёл на кухню, достал из холодильника термофлягу, сделал несколько глотков и поставил её обратно. На этот раз брать её с собой не стал, а вместо неё закрепил на поясе ножны с большим ножом.

Выйдя на улицу, Лавв направился к северным воротам. Он шагал бодро и уверенно, как всегда пребывая в хорошем настроении. Лёгкая улыбка не сходила с его лица, а сильные мышцы красиво перекатывались под загорелой кожей, поблёскивая в лучах солнца.

Миновав ворота, он свернул налево и направился к яблоневой роще. Сорвал два крупных красных яблока и, не переставая жевать, пошёл дальше.

Обогнув гору, Лавв свернул налево на тропу, ведущую к небольшой горе на северо-востоке. Вся покрытая деревьями и кустарником, она скорее напоминала большой холм. Он стоял прямо у моря и с восточной стороны омывался бирюзовой водой. Его вершина, как и у большой горы, была каменной.

Обойдя холм с севера, Лавв оказался на его восточном склоне и на мгновение замер, словно собираясь с мыслями. Затем стремительно рванул вперёд. Быстро работая руками и ногами, поднимая за собой фонтанчики земли и сухих листьев, он со всех ног мчался на восток, оставляя холм позади. За несколько метров до густых зарослей, стоявших сплошной стеной, Лавв вытянулся горизонтально, выбросил руки вперёд и на полной скорости нырнул в зелёную гущу. Пулей проскочил между двумя толстыми ветвями, раздвигая листву в стороны, молниеносно вылетел с другой стороны и понёсся над обрывом, увлекая за собой облако сорванных листьев и мелких веточек. Пролетев около десяти метров и потеряв скорость, он начал падать вниз. Спокойно стряхнул с яблока прилипший листок, ещё раз откусил, отбросил огрызок в сторону и широко раскинул руки. Наслаждаясь свободным падением, сделал кувырок вперёд и перед самой поверхностью воды вытянул руки над головой. В воду он вошёл идеально чисто.

Нырнув с высоты более двадцати метров рядом с огромным камнем, Лавв не стал ни тормозить, ни всплывать. Наоборот, энергично заработал руками и ногами и, словно рыба, устремился в глубину.

Спустя некоторое время на его спине начали проступать красные точки, быстро складывавшиеся в большой рисунок, напоминавший два крыла бабочки, вырастающие из позвоночника. Это и был тот самый новый орган, о котором упоминал учитель Сан Тагон.

Более пяти лет назад Лавв начал выращивать в своём организме этот орган, чтобы оставаться под водой значительно дольше обычных десяти минут без какого-либо специального снаряжения. Теперь, после многих лет тренировок и совершенствования «крыльев бабочки», он мог проводить под водой долгие часы, не поднимаясь на поверхность.

Нет, земноводным он не стал и по-прежнему дышал лёгкими. От идеи вырастить жабры Лавв отказался сразу. Это потребовало бы слишком серьёзной перестройки организма, внутренних органов и даже внешнего облика. Поэтому он пошёл другим путём. Вместо перестройки всего тела он изменил часть клеток на спине, превратив их в особые клетки-амфибии, способные извлекать кислород непосредственно из воды. Эти скопления клеток активировались лишь тогда, когда организм начинал испытывать кислородное голодание при длительном

погружении. Именно в этот момент включались «крылья бабочки» и начинала работать вся система альтернативного дыхания.

В активном состоянии такие клетки проявлялись в виде множества маленьких красных пятен. Они поглощали растворённый в воде кислород и передавали его по миниатюрным трахеям, отходившим от каждого пятна к общему трахейному каналу, соединённому с главным бронхом одного из лёгких. Правое «крыло бабочки» обеспечивало кислородом левое лёгкое, а левое — правое. Так, попеременно используя то одно лёгкое, то другое, Лавв и мог дышать под водой.

Получаемого кислорода хватало даже при интенсивной физической нагрузке. Он мог часами плавать на глубине, собирать жемчуг и при этом чувствовать себя совершенно комфортно. Стоило же выйти на сушу и перейти на дыхание через нос, как «крылья бабочки» переставали работать и постепенно возвращались к естественной окраске кожи. В неактивном состоянии они были практически незаметны, напоминая лишь едва различимые следы от комариных укусов.

Лавв плыл в открытое море, любуясь красотой подводного мира. Бирюзово-голубая вода была настолько прозрачной, что даже на большой глубине можно было разглядеть краба, медленно ползущего по дну. Солнечные лучи пронизывали толщу воды, зажигая вокруг бесчисленные крошечные звёздочки. Всё, что могло отражать свет, сверкало и переливалось. Косяк мелкой рыбы, над которым он проплывал, казался россыпью драгоценных камней: каждая чешуйка сияла, а вся стая светилась так, словно кто-то открыл на морском дне ларец, наполненный изумрудами.

Он очень любил этот тихий, уютный мир и проводил под водой немало времени. Четыре года назад, впервые прибыв на Эрзетту, Лавв был очарован красотой здешних гор, лесов и долин. Но больше всего его покорил подводный мир — казалось, будто он оказался в настоящей сказке. На протяжении всех шести месяцев той первой экспедиции каждую свободную минуту он проводил в море. Два, а иногда и три раза в день погружался в этот яркий, многоликий мир, где «крылья бабочки» впервые раскрыли все свои возможности.

Исследовав всё в радиусе десяти миль, Лавв однажды обнаружил подводную гору, напоминавшую ту, что возвышалась на территории базы. Только эта целиком скрывалась под водой: лишь во время отлива её вершина выступала над поверхностью каменной глыбой высотой в несколько метров. На глубине около семидесяти метров вокруг всей горы тянулись почти горизонтальные склоны, покрытые подводными лугами из самых разнообразных растений и кораллов, похожих на деревья. Это место поражало своим величием. Именно оно стало для Лавва любимым, и сейчас он плыл именно туда.

Ещё во время своей первой экспедиции на Эрзетту Лавв разбил здесь жемчужные поля. Всё пространство вокруг горы, на её подводных лугах, было заселено двустворчатыми моллюсками самых разных цветов, размеров и форм. За четыре года колония значительно разрослась и теперь насчитывала более трёх тысяч моллюсков. Всё это время Лавв занимался развитием своих полей и почти не собирал урожай, терпеливо ожидая, пока полностью созреют первые пять сотен жемчужниц, высаженных ещё в самом начале. Более чем у трёхсот из них жемчуг уже был извлечён и заменён новыми посевами. Особенно радовали восемьдесят гигантских мидий: каждая приносила по две-три крупные жемчужины — белые, чёрные, синеватые и даже золотистые.

Лавв любил выращивать моллюсков и собирать жемчуг. Он находил с ними общий язык — и в прямом, и в переносном смысле. Дома, на Астерре, он тоже занимался жемчужным промыслом. Для этого использовались все семейные реки и озёра, а на морском побережье располагалась ферма по разведению устриц, мидий и других моллюсков. Именно там, ещё в раннем детстве, родилась его любовь к морю и всему, что было с ним связано.

Пресноводный жемчуг ценился несколько ниже морского, но тоже считался весьма достойным. А вот жемчуг с Эрзетты пользовался огромным спросом. Особенно высоко ценились ожерелья и браслеты из крупных чёрных жемчужин. Их преподносили в подарок по самым торжественным случаям, и даже избалованные принцессы центральных государств принимали такие украшения с искренним восторгом.

Однако на ювелирные изделия шло не более тридцати процентов добытого жемчуга — только самые крупные и красивые экземпляры. Всё остальное использовалось как источник энергии. Одной обычной пресноводной жемчужины хватало, чтобы обеспечивать энергией большое поместье в течение двух дней. Жемчуга, который Лавв добывал в реках и озёрах, хватало на целый год для обеспечения энергией собственного дома, а ещё оставалось для родственников, друзей и продажи. Для этого требовался лишь реактор расщепления — устройство размером со взрослого ежа, и даже внешне очень его напоминавшее. Реактор был довольно тяжёлым, поэтому его не устанавливали на дроны и небольших роботов вроде козочек. Они ежедневно заряжались от электричества, вырабатываемого такими реакторами.

Реактор расщепления прекрасно зарекомендовал себя как источник энергии для жилых домов, хозяйств, небольших предприятий и транспорта. Для колёсных машин он был практически идеален. Упаковки из пятнадцати обычных жемчужин хватало колёсному автомобилю почти на шесть месяцев, а антигравитационному транспорту — на два месяца. По объёму производимой энергии эта технология занимала почётное третье место в Солнечной системе, обеспечивая около двадцати процентов общего энергопроизводства. Зато по популярности среди жителей уверенно удерживала первое место.

Лавв проплыл уже почти половину пути, когда навстречу ему появилась большая зелёная рыба с толстыми губами и выпуклыми глазами, будто навечно застывшими в удивлении. Это был его подводный друг — обитатель жемчужных полей, выполнявший роль своеобразного хранителя и управляющего. Лавв так его и называл — Жемчуг.

Друзья постоянно поддерживали ментальную связь. Жемчуг регулярно отправлял Лавву своеобразные отчёты в виде образов и картин, рассказывая обо всём, что происходило на полях во время его отсутствия. Ещё в тот момент, когда Лавв только разбегался перед прыжком в море, он уже сообщил другу о своём скором прибытии. Обрадованный Жемчуг сразу поплыл ему навстречу, по пути непрерывно передавая новые картины тех мест, мимо которых проплывал. Лавв отвечал ему такими же мысленными «фотографиями».

Подплыв ближе, Жемчуг энергично замахал хвостом, а его пухлые губы расплылись в широкой, почти человеческой улыбке, хотя и выглядела она немного забавно. Эта счастливая мордочка всегда вызывала у Лавва улыбку. Вот и сейчас он невольно улыбнулся. Лавв ласково погладил друга по высокому выпуклому лбу, потрепал за толстые щёки, и они продолжили путь вместе.

Плывя рядом, Жемчуг то и дело стремительно вырывался вперёд, затем возвращался, описывал круг и снова занимал место возле Лавва. Под водой Лавв плавал довольно быстро, — но всё равно не мог соперничать с большой рыбой.

Когда до жемчужных полей оставалась примерно миля, Лавв заметил на дне небольшую колонию крупных мидий. Друзья направились к ней: необходимо было проверить, появились ли среди них кандидаты для переселения. Подплыв достаточно близко, Лавв передал условный сигнал-ключ, и все девять мидий одновременно раскрыли створки, демонстрируя миру своё содержимое. Повинуясь этому сигналу или просто подражая увиденному, Жемчуг тоже широко раскрыл рот. Лавв с улыбкой посмотрел на него и мысленно произнёс:

— У тебя внутри жемчуга нет. Ты сам — большой зелёный Жемчуг.

— Лавв искать жемчуг у друга тоже, — передала рыба, так и не закрывая рот.

Лавв подплыл, заглянул в широко раскрытую пасть и, не обнаружив ничего похожего на круглые шарики, ответил:

— Искал, но у друга во рту жемчуга нет.

Затем он поочерёдно подплывал к каждой мидии и внимательно осматривал её. В трёх створках оказалось по две достаточно крупные жемчужины.

— Вот эти три заберём с собой, — мысленно сказал Лавв и обернулся.

Увиденное снова заставило его улыбнуться. Жемчуг застыл с широко раскрытым ртом, старательно изображая двустворчатого моллюска. Лишь выпученные глаза смешно двигались из стороны в сторону. Лавв отменил сигнал-ключ. Мидии дружно захлопнули створки, а Жемчуг с небольшим опозданием тоже закрыл рот. Лавв уложил 3 мидии в большой сетчатый рюкзак и уже поднял его, собираясь надеть на спину, как вдруг от Жемчуга пришёл тревожный сигнал:

— Смотри. Внимание. Сзади.

— Этих мидий достаточно. Плывём дальше, — мысленно ответил Лавв.

Но почти сразу Жемчуг передал новую картину: сам Лавв — и огромный осьминог прямо за его спиной.

Лавв мгновенно выпустил мешок и попытался уйти в сторону, однако было уже поздно. Одно щупальце обвилось вокруг его правого запястья, второе — вокруг живота. Обернувшись, он встретился взглядом с огромным осьминогом, почти вдвое превосходившим его размерами. Лавв попытался отпугнуть противника ментальными образами опасности и страха, но лишь сильнее разозлил его. Осьминог раскрыл клюв, готовясь вцепиться и впрыснуть яд, крепче сжал щупальца и резко потянул добычу к себе.

На раздумья времени не оставалось. Лавв молниеносно выхватил левой рукой длинный нож и двумя быстрыми ударами отсёк оба щупальца. Хлынувшая из ран голубая кровь осьминога большими пятнами испачкала прозрачную воду.

Осознав случившееся и, вероятно, испытывая сильную боль, осьминог поспешно бросился прочь, сменив боевую окраску на маскировочную. Теперь он удирал изо всех сил — уже на шести оставшихся щупальцах.

Жемчуг немедленно бросился в погоню, с размаху ударяя беглеца своим широким лбом. После каждого удара осьминог судорожно сжимался и выпускал густые струи чернил, пытаясь отпугнуть преследователя. Добравшись до подводных скал, он быстро протиснулся в узкую расщелину между камнями. Жемчуг ещё некоторое время кружил вокруг, не оставляя попыток его обнаружить.

Лавв лишь улыбнулся про себя, собрал отсечённые щупальца и тоже уложил их в мешок. На Астерре столь крупных осьминогов не водилось, и выбрасывать почти три метра превосходного деликатеса было бы глупо. К тому же существовала давняя традиция: забирать трофей у поверженного противника. Затянув шнур мешка, Лавв направился к подводной горе. Увидев это, Жемчуг прекратил поиски осьминога, быстро догнал друга, подхватил мешок, зацепив длинную лямку за широкий лоб, и поплыл рядом.

Впереди уже вырисовывались очертания подводной горы, соединявшей морское дно с поверхностью воды. Казалось, сама земля дышала через неё. Постепенно стали различимы подводные луга, раскинувшиеся на её пологих склонах. Подплыв ближе, Лавв в который раз залюбовался этим удивительным местом. Оно поражало яркостью красок, разнообразием форм и ощущением удивительного уюта. Словно огромный подводный город, оно жило своей жизнью. Во все стороны стремительно проносились косяки разноцветных рыб, между водорослями и кораллами деловито сновали крабы и раки, расписные большие и маленькие черепахи неторопливо плыли по своим делам. А поля плоских раковин опоясывали гору сплошным кольцом, словно ожерелье из трёх тысяч разноцветных камней.

Разместив привезённые мидии на свободных участках, Лавв приступил к работе. Менее чем за два часа он проверил более двухсот раковин, извлёк свыше пятисот жемчужин и вместо них поместил внутрь крошечные кусочки кораллов.

Всё это время Жемчуг плавал рядом и указывал на те раковины, из которых, уже можно было извлекать урожай. Закончив работу с моллюсками, друзья принялись собирать обломки кораллов, красивые пустые раковины и камни необычной формы и окраски. Лавв срезал несколько видов водорослей. Из одних бабушка готовила мазь от морщин. Затем он отрезал несколько кусочков другой водоросли, росшей неподалёку, и угостил ими Жемчуга. Тот обожал, когда Лавв кормил его, и с удовольствием жадно втягивал любимое лакомство.

Сложив всё в сетчатый мешок, Лавв передал его Жемчугу, который просто обожал носить такие грузы. Пришла пора возвращаться. Они поплыли обратно: человек — с небольшим мешочком жемчуга на поясе, а рядом большая зелёная рыба, неспешно переговаривавшаяся с ним мысленными образами и символами.

Отплыв примерно на полмили, Лавв обернулся, чтобы ещё раз взглянуть на свой подводный рай. Сердце неожиданно сжала лёгкая грусть. Просто не хотелось уезжать. Усилием воли он прогнал это чувство и поплыл дальше.

В том самом месте, где они встретились по пути сюда, Лавв забрал у друга мешок, надел его на плечо, ласково погладил Жемчуга по широкому лбу, улыбнулся на прощание и поплыл к базе. Через несколько метров он снова оглянулся. Грусть ещё раз на мгновение коснулась души. Жемчуг, словно почувствовав настроение друга, остановился и тоже повернулся к нему. Лавв помахал рукой, быстро отвернулся и ускорил движение. Тогда он ещё не знал, что видит Жемчуга в последний раз. Предчувствие не обманывало его.

По пляжу неторопливо прогуливалась большая зелёная черепаха, а у самой кромки воды в песке возились два краба. Идиллия покоя и гармонии закончилась в одно мгновение. Из воды сначала показалась голова человека, затем крепкое мускулистое тело с прозрачным мешком за спиной, из которого свисало длинное щупальце осьминога с крупными присосками. Лавв вышел на берег, распугав крабов и насторожив черепаху. Та на всякий случай сразу спрятала голову в панцирь. Он поставил мешок на песок, разделся и с удовольствием лёг на белоснежный песок, широко раскинув руки. Как же хорошо было просто лежать, ощущая тепло нагретого солнцем песка, полной грудью вдыхать морской воздух и смотреть в бескрайнюю синеву океана.

Немного понежившись, словно на мягкой пуховой перине, Лавв согрелся и хорошо отдохнул после трёхчасового путешествия к жемчужным полям. Затем ещё раз вошёл в тёплую воду, смыл с себя песок и немного поплавал навстречу ленивым волнам. Искупавшись, он вышел на берег, оделся и направился к базе.

7. Вечер у костра

Лавв быстро добрался до базы и, войдя в северные ворота, первым делом отнёс мешок в свой Донк. В грузовом отсеке он разложил всю добычу по сундукам и ящикам, а мешочек с жемчугом положил в ларец к ранее собранным.

Затем направился в жилой Овал. В кухонном отсеке достал из холодильника рыбу, пойманную накануне. Дождавшись своего часа, она была готова стать ужином и восстановить его силы после долгого дня. Лавв ещё раз промыл её под холодной водой, уложил на разделочную доску посыпал приправами и слегка полил маслом. Растерев всё по поверхности, он переложил рыбу на круглую тарелку и вышел через заднюю дверь во двор.

В пяти метрах от беседки находилось выложенное камнями кострище с решёткой посередине. Вокруг стояли четыре пенька с длинными спинками и заострёнными верхушками — удобные, с мягкими подушками, прикреплёнными к сиденьям и спинкам. На них можно было сидеть почти как в креслах, нежась у костра. Рядом стоял небольшой круглый столик с идеально ровной поверхностью. Лавв поставил тарелку с рыбой и принялся разводить огонь.

Сначала он уложил в очаг кучку сухих листьев и коры, затем соорудил над ней пирамидку из дров и поджёг снизу длинной спичкой. Огонь быстро перекинулся на листья, охватил кору, прозрачным пламенем взметнулся вверх, и вскоре разгорелись дрова. Они были из твёрдой породы и горели долго, поэтому до того момента, когда пламя утихнет и останутся жаркие угли, времени было достаточно. Лавв решил использовать его с пользой.

Он прошёл в санитарный отсек, снял одежду и вместе с вещами из ящика для грязного белья отправил её в аппарат, который стирал, сушил, разглаживал и при необходимости чинил ткань. К утру всё будет чистым, выглаженным и готовым к носке. Накинув любимый тёмно-зелёный халат, Лавв снова вышел во двор.

В пятнадцати метрах от костра стоял высокий просторный душ, разделённый на три части. В первом отделении Лавв разделся, прошёл в душевую и задвинул за собой дверь. Открыл кран, и сверху крупными каплями полилась тёплая вода. Некоторое время он стоял под освежающим ливнем, смывая с кожи морскую соль, затем выключил воду, взял с полки флакон с моющим аэрозолем и опрыскал себя с ног до головы. Прозрачная жидкость, похожая на сок, соприкоснувшись с кожей, начала белеть и набухать, превращаясь в густую пену с восхитительным яблочным ароматом. Лавв снял с вешалки длинную мочалку и принялся растираться до красноты. Затем снова открыл воду и смыл пену.

Закончив с душем, он отодвинул занавес, отделявший следующее помещение, поднялся по небольшой лесенке и запрыгнул в большую глубокую бочку с водой. Сразу погрузился по самые уши. Через прозрачную верхнюю часть душевой было видно всё вокруг: огонь в костре уже затих и больше не взмывал вверх.

Лавв закрыл глаза и расслабился. Нужно было уравновесить внутреннюю силу и восстановить гармонию энергетических потоков. В тёплой воде это получалось легко и с особым удовольствием. Добавленное в неё масло прекрасно тонизировало, придавало коже приятный аромат и очищало поры. Погрузившись с головой, он принял позу эмбриона и, словно зародыш в материнской утробе, медленно вращался в просторной бочке: то опускаясь головой вниз, то снова поднимаясь, то поворачиваясь на север, то на юг.

Прежде чем от нехватки кислорода успели активироваться «крылья бабочки», Лавв высунул голову из воды и глубоко задышал. В душевой царил сказочный аромат: спелое яблоко смешивалось с эфирными маслами, едва уловимыми испарениями древесной смолы и свежестью вечерней воды.

Прерывать купание совсем не хотелось, но за полчаса дрова прогорели и превратились в угли. Пора было выкладывать рыбу на решётку. Лавв ухватился обеими руками за края бочки,

подтянулся и медленно выпрямился в стойку вниз головой. Сделав кувырок назад, он приземлился на ноги. Не спеша вытерся, надел просторные шорты и халат и, чистый и благоухающий, направился к огню.

Отрегулировав решётку по высоте, Лавв уложил на неё рыбу. Капли сока зашипели на раскалённых углях, и в воздухе поплыл аппетитный аромат. Пока рыба готовилась, он сходил в кухонный отсек, вдоволь напился родниковой воды из термофляги и приготовил салат из трёх крупных овощей. Вернувшись к костру с салатом и кувшином воды, накрыл на стол, перевернул рыбу и уселся в кресло-пенёк, созерцая раскалённые угли.

Время было позднее. Солнечный диск уже касался линии горизонта, отделявшей тёмно-зелёную сушу от голубой небесной тверди. Насладиться видом помешал сигнал Амулета — изумруд замигал. Лавв коснулся камня, и из нижней части устройства вырвались лучи, образовавшие экран. На нём появились три человека, сидевшие за столом в беседке.

— Доброго вам утра, — с улыбкой произнёс Лавв.

— Доброго тебе вечера, сын, — ответил мужчина средних лет с аккуратной бородкой на улыбчивом лице шутника и балагура. Это был Дист, его отец.

— Здравствуй, отец! Вы, как всегда, ни свет ни заря уже на ногах.

— Так и есть. Сегодня убираем урожай с двух дальних полей и сразу отправляем его на склад общины.

— Помню. Через неделю на очереди горох и фасоль у озера — будем убирать вместе. Послезавтра к ужину я уже буду дома.

— Отлично, — довольно произнёс отец и слегка хлопнул ладонью по столу.

Когда глава семьи закончил, в разговор вступила его жена.

— Здравствуй, сынок. Доброго тебе вечера, — сказала мать Тайлис, всё это время смотревшая на Лавва глазами, полными любви и нежности.

— Доброе утро, мама.

— Как ты? Всё хорошо? Ты так загорел и будто немного похудел. Ничего, вернёшься — мы с Тамин тебя откормим.

— Да, мам, всё хорошо.

— Привет, братик, — быстро проговорила его старшая сестра Тамин, молодая красивая девушка.

— Привет, сестра. Как вы? Как мои племянники, не обижают их?

— Этих сорванцов разве обидишь? Они сами кого угодно обидят. Такие же озорники, каким ты был в их возрасте, — весело ответила Тамин.

— Представляешь, Лавв, прилёг я после обеда отдохнуть, буквально на пятнадцать минут. Пока спал, эти сорванцы нарисовали мне усы. Говорят, бабушка сказала, что с усами мне лучше, — весело произнёс отец, снова хлопнув ладонью по столу и покосившись на жену.

— Тебе и правда с усами лучше, — категорично ответила она.

— Вот видишь, сын, откуда ветер дует, — улыбаясь сказал отец и жалобно добавил: — Только усы мне мешают — нос щекочут.

Он демонстративно отвернулся от супруги, показывая, насколько сильно расстроен и обижен. Все дружно рассмеялись. Проблема с усами у Диста была давней и постоянной: он то отращивал их, то снова сбривал. Соседи по посёлку подшучивали над ним и называли Безусым. Это прозвище закрепилось за ним даже в совете общины, почётным членом которого он состоял.

— Ладно, уговорили — отращу. Вот увидите, обещаю: к свадьбе Лавва у меня будут усы, — серьёзно заявил он.

Лавв смущённо опустил голову и виновато почесал за ухом. Мать укоризненно посмотрела на мужа, но, разгадав его хитрый план, расплылась в улыбке и закивала. Тамин весело рассмеялась.

— А почему бы и нет, Лавв? Учёбу закончил, твёрдо стоишь на ногах, работа хорошая — самое время обзавестись семьёй. Да и наши девчонки постоянно спрашивают, когда ты вернёшься, — то ли всерьёз, то ли в шутку сказала Тамин.

— Нет, с нашими поселковыми у Лавва семьи не получится: половина — наши родственницы, а остальные, мягко говоря, не красавицы. Вот в Новом Поле у управляющего общинными погребами две дочери на выданье — и красавицы, и умницы, — серьёзно сказал отец.

— Не получится, отец. У нас многожёнство запрещено, — пошутил Лавв, пытаясь сменить тему.

— Так не нужно сразу на обеих жениться. Выбери одну получше и создай с ней семью, — не уловив сарказма, на полном серьёзе возразил отец и мечтательно добавил: — Хотя две жены, наверное, тоже неплохо.

Мать, не поверив своим ушам, очень серьёзно посмотрела на него. Поняв, что проговорился, отец быстро схватил со стола кусок пирога, начал откусывать его большими кусками, запивать чаем и одобрительно кивать, демонстрируя всем выпечку в своей руке. Все рассмеялись.

— Вижу, у вас, как всегда, весело. И вкусные пироги, — произнёс Лавв.

— Это Тамин постоянно балует нас свежей выпечкой, — сказала мать и показала Лавву поднос, полный всевозможной сдобы.

Тамин с мужем были пекарями и снабжали родственников всем, что производилось в их пекарне, — от обычного хлеба до праздничных тортов. Каждое утро она приносила родителям любимые пироги. Муж тем временем развозил заказы родственникам и покупателям по всем сёлам общины.

— Дети ещё спят, муж в дороге, вот я и воспользовалась свободным часом, чтобы посидеть с родителями за чашкой чая, — довольно сказала Тамин.

— Я тоже собираюсь подкрепиться. Сегодня на ужин рыба на углях и салат, — сказал Лавв и направил экран на очаг.

— А это что, такой красивый закат? — спросила сестра, заметив за костром заходящее солнце.

Лавв повернул экран на запад. Солнце уже наполовину скрылось за горизонтом.

— Да, закат.

— Как красиво! Сразу вспоминается наша поездка на Эрзетту, — мечтательно произнесла мать.

— Да, хорошая была поездка. И отдохнули, и здоровье поправили. Спасибо Лавву за его баллы, а то нам, простым крестьянам, пришлось бы долго ждать очереди и разрешения, — с лёгкой грустью сказал отец.

— Мы тоже мечтаем побывать на Эрзетте. Хоть ненадолго, хотя бы на неделю. Конечно, если Лавв немного поможет с бонусами, — намекнула Тамин.

Бонусы, или очки опережения, начислялись за особые заслуги. В системе и во всём Союзе Метрополий существовала особая группа людей, более развитых физически, духовно и умственно и заметно опережавших остальных. Лавв тоже относился к их числу. Уже в двенадцать лет он был физически сильнее взрослого мужчины, значительно превосходил сверстников в умственном развитии и с первой попытки поступил в одну из лучших академий системы. Когда он совершал что-то, выходившее за рамки профессионального долга, например создавал полезное изобретение, его поощряли бонусами. Использовать их можно было по-разному: как в случае с родителями — для бесплатной и внеочередной поездки на Эрзетту. Очки опережения ценились дороже денег и открывали значительно больше дверей.

— Хорошо. Вернёмся к этому разговору через месяц, после Игр.

— Сохрани свои бонусы для себя. Поедешь в свадебное путешествие на Эрзетту или в Метрополию. Да и Тамин в ближайшее время вряд ли сможет покинуть планету, — сказал отец.

На молчаливый вопрос Лавва ответила мать:

— Тамин в положении. Они ждут ребёнка.

— Отличная новость! Ещё один племянник или племянница. С меня ожерелье из чёрного жемчуга, — повеселел Лавв.

— Не нужно, брат. Это же очень дорого.

— Не переживай, сестра. Я собрал достаточно жемчуга, чтобы самому изготовить для тебя ожерелье, — сказал Лавв, снимая готовую рыбу с решётки.

— Хорошо, Лавв. Обо всём подробнее поговорим, когда приедешь. А сейчас спокойно поешь, не будем тебя отвлекать. Приятного аппетита и до встречи, сын, — твёрдым голосом произнёс глава семьи.

Это означало, что разговор окончен.

Попрощавшись, Лавв отключил связь.

Он подбросил в костёр несколько небольших поленьев, поставил на решётку металлический чайник и принялся за ужин. Любуясь остатками заката, неспешно ел рыбу, тщательно обгладывая каждую косточку, и заедал её овощным салатом. Покончив с едой, убрал со стола, поудобнее устроился в кресле-пеньке и стал молча смотреть на огонь, ожидая, пока закипит вода.

Солнце полностью скрылось за горизонтом, оставив после себя алое зарево. Завтра будет жарко. Всё лето здесь стояла жара.

После разговора с родителями и сестрой на душе стало особенно тепло. Лавв вспоминал, как они с отцом и братьями обрабатывали поля и собирали урожай, как он играл с племянниками, как по вечерам все вместе сидели за большим, щедро накрытым столом и разговаривали. Сам он больше любил слушать, чем говорить, и с удовольствием внимал рассказам старших о временах, когда всё только начиналось — на Астерре и во всей системе.

Чайник закипел. Лавв насыпал в кружку сухих измельчённых трав, залил их кипятком и ещё около часа просидел у костра, маленькими глотками потягивая зелёный чай и глядя на звёзды. Где-то там, далеко, молодая зелёная планета летела вокруг своей звезды, а на ней суетились люди, занятые повседневными делами. Кто-то развозил вкусные пироги, а кто-то собирал урожай на полях.

Допив чай, Лавв затушил костёр, накрыв его железным куполом, и отправился в жилой Овал. Войдя в спальню, он забрался под одеяло, положил голову на мягкую подушку и почти сразу уснул.

8. Новый день

Лавв открыл глаза и по-детски потянулся. Скинув покрывало, быстро поднялся с кровати, подошёл к окну и распахнул его. Глубоко вдохнул свежий утренний морской воздух. Подышав по системе 8—8—8, он выглянул наружу и посмотрел на восток — солнце уже полностью поднялось над водной гладью.

Вдоволь налюбовавшись ярким восходом и синим морем, Лавв мысленно поприветствовал всех своих друзей и весь мир. Жемчугу он передал образ взошедшего солнца и морской поверхности. В ответ пришла картина подводной горы, пронизанной длинными солнечными лучами.

Накинув халат, Лавв спустился в кухонный отсек. Достал из холодильника термофляжку и допил оставшуюся воду. Затем вынул коробку, в которой лежала половина пирога с фруктовой начинкой, густо посыпанного ягодами и очень похожего на те, что по утрам приносила Тамин. Одну четверть он достал из герметичной прозрачной упаковки и поставил в печь, чтобы разогреть.

Пока готовился завтрак, Лавв вышел во двор, быстро сложил дрова в очаг и разжёг огонь, поставив на решётку чайник с водой. После этого принял холодный душ, окунулся в ещё тёплую воду бочки, вытерся насухо и вернулся в жилой Овал. Сняв халат и ночные шорты, он переоделся в выстиранную с вечера одежду.

Закончив утренние приготовления, Лавв принёс с улицы закипевший чайник и заварил чай. Достал тарелку с пирогом и поставил её на стол рядом с кружкой. Усевшись на мягкий стул, произнёс:

— Вечерние новости столицы.

Из устройства на стене, похожего на небольшой светильник, вырвался пучок лучей и за несколько мгновений сформировал экран размером с большую картину. Зазвучала заставка вечерних новостей. На экране сменяли друг друга сцены: на фоне планет проносились космические корабли, из голубых морских вод выпрыгивала стая дельфинов, наперегонки устремлявшихся вперёд, а затем на фоне живописных гор появилась маленькая девочка в белой шляпке, державшая цветок, на который опускалась большая расписная бабочка.

Затем возникло изображение главной студии. Посередине стоял длинный высокий стол, за которым расположились четверо ведущих. Всё пространство позади них занимала стеклянная стена, открывавшая вид на заснеженные горы и океан с портом на побережье. На передней панели стола появлялись изображения планет и названия новостей, которые обсуждали ведущие.

Первым прозвучало сообщение о том, что доблестные воины Союза Метрополий разгромили превосходящие силы противника. Вражеская армада из пяти тысяч эсминцев и двухсот материнских кораблей понесла непоправимые потери и отступила в глубь своей территории. Союз одержал победу в тяжёлой битве, защитил восемь обитаемых планет от полного уничтожения.

Война шла на противоположной стороне союзных территорий, почти в десяти тысячах световых лет от Астерры, однако новости с передовой по-прежнему оставались главными. В рядах союзных войск сражалось более ста тысяч добровольцев из Солнечной системы. Крупных военных сил сама система не имела: согласно мирному договору, заключённому после последней галактической войны, ей разрешалось содержать лишь незначительные оборонительные подразделения, базировавшиеся преимущественно на Армасте. Особой необходимости в большой армии и не было. В этой части галактики почти пятьсот лет не происходило крупных войн, а Солнечная система находилась под полной защитой Союза Метрополий — одной из самых могущественных держав своего региона.

Предыстория конфликта была такова. После распада великой державы-соперницы, разгромленной Союзом совместно с одной из центральных держав в последней галактической войне, её осколки — множество средних и малых держав — не успокоились, а начали воевать между собой и с бывшими союзниками. На этот раз малая держава, состоящая из пятисот миров, условно обозначенная как МД-500, решила совершить набег на соседнюю МД-300. Однако вместо лёгкой добычи получила столь мощный отпор, что была вынуждена отступить к средней державе СД-4000 и просить помощи. Эта средняя держава была опасным противником и не дожидаясь нового набега МД300 попросила защиты у Метрополий, пообещав, что после победы вступит вместе с завоеванными мирами в Союз.

Союз, превосходивший противника более чем в 20 раз, не воспринял угрозу всерьёз и недооценил её. Противник же с самого начала перевёл экономику на военные рельсы и начал готовиться к затяжному конфликту. Одни эксперты настаивали на полной мобилизации, другие опасались, что она спровоцирует вступление в войну более крупных держав. Так продолжалось уже пятый год, и главной новостью по-прежнему оставалась сводка с фронта.

Следующей темой стали успехи великанов с континента Эвирия. Этот народ тридцатиметровых исполинов был переселён на Астерру с другой части галактики после их поражения в последней галактической войне. Им выделили небольшой континент в средней полосе планеты, где проживало более пяти миллионов великанов и 50 миллионов их уменьшенных копий, искусственно созданных с помощью генной инженерии по просьбе самих исполинов. Мини-великаны были ростом с обычного жителя системы и могли свободно передвигаться по всем континентам и планетам. Большинство из них жило на отдельном острове Друя рядом с Эвирией.

Главным занятием великанов было растениеводство. Они привезли с собой семена исполинских деревьев и других гигантских растений, занимались их выращиванием и селекцией. Особое место отводилось разведению деревьев, стволы которых использовались для строительства домов, кораблей и других крупных сооружений. Ствол диаметром до двадцати метров и длиной до пятисот метров распиливали на части, удаляли изнутри лишнюю древесину и получали готовое помещение, выточенное из цельного куска дерева.

Нынешний сюжет был посвящён новому успеху эвирийских селекционеров — каменному дереву. Его предполагалось использовать при строительстве горных, подземных и подводных туннелей, а также труб любого диаметра. Производство отличалось экологичностью, готовые изделия легко утилизировались, а под воздействием влаги каменное дерево становилось только прочнее.

— Десять лет назад на острове Друя было построено сто тридцать километров туннелей различных типов и размеров. Сегодня, после завершения десятилетнего испытательного периода, можно с уверенностью сказать: каменное дерево полностью выдержало проверку и оправдало ожидания учёных, — звучал за кадром женский голос, пока на экране сменялись кадры. Двое улыбающихся великанов спиливали огромное дерево, грузили ствол на речное судно, а затем оно выходило в открытое море и направлялось к острову Друя.

— Мы находимся на острове Друя, где из стволов гигантских деревьев производится готовая продукция. Насколько хорошо продаются изделия из каменного дерева? — обратился репортёр к управляющему производством.

— После успешного завершения испытаний мы получили лицензию и патент. Теперь готовы обеспечить более половины потребностей всей системы. На сегодняшний день производство загружено заказами на три года вперёд, мы работаем на полную мощность. В ближайшем будущем планируется строительство ещё двух заводов по обработке каменного дерева. Тогда мы полностью обеспечим Солнечную систему и начнём поставки в Метрополии, — медленно и веско произнёс коренастый представитель мини-великанов с крупным круглым носом и густыми бровями.

— И напоследок — назовите три главных преимущества вашей продукции.

— Экология, доступная цена и качество, — ответил эвирианец и, подняв руку, демонстративно сжал кулак.

— Благодарим вас и желаем дальнейших успехов, — произнёс репортёр.

Дрон поднялся высоко над заводом, показывая всю его территорию. Рабочие радостно махали руками.

— Это был сюжет о новом производстве на Эвирии, — подвёл итог статный ведущий с аккуратными усами и бородой.

Изображение на передней панели стола сменилось, а стеклянная стена за спинами ведущих превратилась в огромный экран. На нём замелькали кадры Игр Системы трёхлетней давности: переполненный молодёжью зал, наставники и секунданты, ликование победителей и церемония награждения.

— Уже через две недели в главном зале столицы состоится финальная часть Игр Системы — объявление результатов и церемония награждения. В этом году участников как никогда много: зарегистрировалось уже более восьмидесяти тысяч человек. До окончания приёма заявок остаётся всего несколько дней. Если вы успешный молодой специалист — поспешите. Напоминаем: за неделю до финала главный ЭР системы отберёт шесть тысяч финалистов по сумме достижений и накопленных баллов за всю карьеру. У вас ещё есть время улучшить свои результаты и зарегистрироваться. Желаем удачи! — сказал темнокожий ведущий в яркой разноцветной рубашке.

— Отключить, — произнёс Лавв.

Экран исчез, и отсек вновь погрузился в тишину. В одиночестве Лавв всегда ел молча. Он взял ложку и неторопливо стал отделять кусок за куском от сладкого медового пирога. Минут через десять тарелка опустела. Допив чай, он откинулся на спинку стула.

— Местонахождение Смышлёного?

— В двадцати пяти километрах к северо-западу от базы. В долине реки, на правом берегу, — ответил ЭР.

— Прослеживается ли тенденция к возвращению?

— За последние десять часов объект Смышлёный удалился от базы ещё на три километра.

Лавв прибрал со стола и направился в лабораторию. За два часа выполнил все текущие дела, затем отправил в академию сообщение о том, что намерен отправиться на поиски Смышлёного и удалится от базы примерно на тридцать километров. В ответ пришло подтверждение от ЭР академии: уведомление внесено в систему, а также стандартный перечень предписаний — не вступать в контакт с аборигенами, использовать систему маскировки «Невидимый» и переносные излучатели отпугивания. Лавв подтвердил получение сообщения.

После этого он начал собираться. Уложил в рюкзак сканирующее устройство для бабочки, запасную одежду, сухой паёк на один день, воду в специальной упаковке и остаток пирога в герметичном контейнере. В боковом кармане уже лежали палатка и спальный мешок на случай ночёвки. На стуле были приготовлены специальные штаны и походная рубаха. Рядом лежали шляпа, обеспечивавшая невидимость для человеческого глаза, и пара ботинок. Немного подумав, Лавв добавил большой нож и раскладной посох, верхняя часть которого могла использоваться как лазерное оружие. Следом положил два браслета с переносными излучателями страха. Теперь всё было готово.

До выхода оставался ещё час, и Лавв решил сделать привычный обход базы. Захватив термофляжку, он быстро обошёл гору с севера, по дороге заглянув в яблоневую рощу. Через десять минут уже набирал воду из родника, напился прямо из маленького водопада и умылся, повторив вчерашний ритуал.

Затем спустился к пляжу, прошёл вдоль берега — на этот раз там никого не было — и зашагал по тропе, поднимавшейся к длинной сопке с тремя плоскими каменными вершинами. Поднявшись примерно на сто метров над уровнем моря, он окинул взглядом всю территорию базы и огородов, где даже с такого расстояния были хорошо различимы снующие роботы и дроны.

Оставив трёхглавую сопку позади, Лавв вышел к озеру. Обогнув его с юга, начал подъём на вторую сопку — такую же длинную, но более изогнутую, с единой каменной стеной высотой около тридцати метров и длиной почти полкилометра. Он любил это место: часто поднимался на вершину и неспешно гулял по её широкой ровной поверхности, словно по городскому бульвару, любуясь окрестностями. В некоторых местах скала была настолько гладкой, что ему не раз приходила мысль однажды станцевать здесь медленный танец со своей будущей избранницей.

Но сегодня времени на восхождение не было. Лавв прошёл вдоль подножия каменной стены, затем спустился и вновь углубился в лес. Где-то неподалёку обитал хозяин внутреннего леса — молодой Эпард. Пересекая небольшую равнину, он снова начал подъём и вскоре вышел к северным воротам базы.

На территории базы и пяти огородов вовсю шла уборка очередной части урожая. Раз в две недели заполненный Овал-хранилище забирали и заменяли пустым. Роботы и дроны непрерывно наполняли его всем, что успевало созреть. Если оставалось свободное место, туда укладывали саженцы и рассаду. Лавв прошёл мимо хранилища, даже не заглянув внутрь. Он решил вернуться к этому вопросу вечером: транспортные Овалы забирали только ночью, под покровом темноты, а значит, времени было достаточно.

Вернувшись в лабораторию, Лавв переоделся в походную одежду, прикрепил к поясу ножны и термофляжку, надел рюкзак и шляпу, а в правую руку взял посох. В таком виде он вышел из лаборатории и направился на запад.

Через пять минут Лавв стоял у западного обрыва. Там, замаскированный под дерево, нависавшее над пропастью, находился механизм для спуска и подъёма. По его команде трос, похожий на толстую лиану, быстро размотался до самой земли. Лавв легко соскользнул вниз, плавно затормозив у поверхности, встал на ноги и вскоре исчез в густых джунглях.

9. В поисках Смышлёного

Оказавшись за пределами базы, Лавв сразу надел оба браслета. Первый настроил на радиус десяти метров — для отпугивания животных, рептилий, птиц и людей. Второй, предназначенный для защиты от насекомых и им подобных существ, — на пять метров. Молодой учёный не хотел нарушать гармонию леса, поэтому устанавливал излучатели на минимальную дальность, достаточную для эффективного отпугивания во время ходьбы или лёгкого бега.

Не будь на Эрзетте строгих правил пребывания, он отправился бы на поиски друга налегке — так же, как поступал на Астерре, уходя на пятьдесят километров в глубь свободных территорий с одной термофляжкой и лишь изредка с ножом. Но Астерра была планетой людей, а Эрзетта — спорной территорией. Именно этот статус предписывал совершенно иное отношение к ней.

Лавв хорошо понимал: благодаря особому положению и действующим правилам Эрзетта оставалась прекрасной, почти нетронутой планетой-заповедником с уникальными флорой, фауной и зарождающимся независимым человечеством. Правда, учёные Системы и Метрополий, в большинстве своём материалисты, утверждали, что местные аборигены являются лишь частью дикой природы, а их мозг не имеет перспектив для дальнейшего развития. Лавв думал иначе. Для него даже растения и животные были разумными существами, не говоря уже о прямоходящих двуногих, так похожих на него самого.

Аборигены заселяли более половины пригодной для жизни суши. В двадцати километрах от базы обитало довольно крупное по местным меркам племя — более трёхсот добродушных и трудолюбивых жителей саванны. Они строили вигвамы из веток и сырой глины, накрывая их большими листьями. Пользовались копьями с каменными наконечниками, топорами и простейшими орудиями труда. Занимались собирательством, охотой и рыбалкой, готовили пищу на огне и жили в гармонии с окружающим миром.

Не желая вносить в их жизнь ни малейшую сумятицу, Лавв надел шляпу-невидимку. Теперь человеческий глаз не мог его разглядеть. К тому же он решил обойти поселение стороной, сделав крюк почти в пять километров.

Спустившись с горы, Лавв сразу направился на северо-запад и уже через полчаса вышел к реке. Средняя по размеру, она текла издалека и впадала в океан севернее базы. По её берегу он собирался идти к тому месту, где Смышлёный проводил свои брачные игры.

Поначалу приходилось двигаться прямо по берегу — джунгли были слишком густыми для быстрого передвижения. Примерно через час лес начал редеть, постепенно уступая место саванне. Река теперь текла с северо-запада, огибая поселение аборигенов. Лавв вышел из воды и побежал вдоль берега, распугивая крокодилов и зверей, пришедших на водопой и не понимавших, что происходит. На одного крокодила он даже случайно наступил. Почувствовав действие излучателя, тот по привычке бросился к реке и оказался прямо у него под ногами.

Пробегая мимо места, где аборигены ловили рыбу, Лавв заметил удаляющуюся группу людей с уловом и даже небольшим крокодилом. До их поселения отсюда было около трёх километров. Это место он хорошо знал: бывал здесь неоднократно и даже снимал документальный фильм о племени.

Мини-дроны в форме птиц и летающих насекомых вели съёмку с близкого расстояния и даже проникали внутрь жилищ. Поначалу собранный материал предназначался лишь для личного просмотра, но позднее Лавв вместе с учителем Сан Тагоном написал книгу и множество статей, дополнив их видеосюжетами. Некоторые из них показали даже в главных новостях.

Материалы настолько понравились жителям Системы, что в студии академии решили смонтировать из них цикл документальных фильмов. Одна из информационных компаний взялась транслировать его по всей Системе и даже в Метрополиях. Так продолжалось почти год,

пока не вмешались правозащитники. Они добились запрета на показ многосерийного фильма, а заодно и на съёмку аборигенов в любых целях.

После того как поселение осталось позади, река начала поворачивать сначала на запад, затем на юго-запад, а потом и на юг, описывая полукруг вокруг стойбища. С начала похода прошло почти три часа.

Всё это время он телепатически передавал Смышлёному желание встретиться, но получал в ответ лишь просьбы дать ещё немного времени и восторженные образы его избранницы. Смышлёный вёл себя как влюблённый юноша, для которого всё остальное отошло на второй план.

Лавв не осуждал его. Чего можно было ожидать даже от очень сообразительного насекомого, если сами люди, влюблённые по уши, вели себя ничуть не лучше? Некоторых смело можно было называть сошедшими с ума от любви. Они просто, от всего сердца, наслаждаются каждой минутой, проведенной рядом со своей любовью.

Лавв ещё ни разу не влюблялся по-настоящему и с искренним любопытством наблюдал за тем, что происходило с живым существом в такой период жизни. Достав небольшой экран с картой местности, он увидел медленно двигавшуюся красную точку, всё дальше удалявшуюся от базы. Отойдя от реки в сторону саванны, вскоре увидел небольшой пруд, окружённый крупными цветами. Над ними, перелетая с одного на другой, порхала бабочка удивительной красоты, а за ней следовал Смышлёный. Таких узоров, такого многообразия цветов и оттенков Лавв ещё никогда не встречал. Подойдя ближе к пруду, он отключил излучатели страха, чтобы не спугнуть влюблённую пару.

Словно знатные особы в нарядных бальных платьях, две большие бабочки кружились над цветами в замысловатом танце среди мух, пчёл, стрекоз и более мелких бабочек. Влюблённые не обращали на них никакого внимания, всецело погружённые в атмосферу счастья и взаимопонимания.

Лавв подошёл к поваленному дереву, достал из рюкзака сканер и установил его рядом со стволом. Затем вынул крупное яблоко, разломил пополам и положил обе половинки перед устройством. Всё было готово. Оставалось лишь привлечь Смышлёного и его спутницу к угощению.

Лавв снял шляпу, вновь стал видимым и мысленно пригласил обеих бабочек полакомиться яблочным соком. Смышлёный очень любил его и именно поэтому поселился в яблоневой роще. Он сразу отозвался согласием, но его спутница не желала отрываться от цветов и, проявляя капризный характер, присущий многим красавицам, продолжала порхать над прудом.

Смышлёный терпеливо пытался увлечь её в сторону поваленного дерева. Пролетев за ним немного, бабочка, словно строптивая невеста, возвращалась обратно. Он повторил попытку, но и на этот раз, не долетев до сканера совсем немного, она вновь повернула к цветам. Лишь с третьей попытки Смышлёному удалось добиться успеха.

Пара удивительной красоты приблизилась к Лавву, облетела вокруг него и на мгновение опустилась на ладонь. Затем бабочки перелетели к стволу и вместе уселись на одну половинку яблока. Лавв терпеливо подождал, после чего поднёс к ним второй кусок сочного плода, приглашая самку пересесть. Но вместо неё на яблоко перелетел Смышлёный.

Лавв осторожно отвёл друга в сторону, быстро отсканировал его избранницу и прикрепил к её туловищу крошечный незаметный передатчик, такой же, как у Смышлёного. Теперь она тоже стала объектом наблюдения академии. Передатчик блокировал действие излучателей страха, а значит, бабочка могла свободно залетать на территорию базы.

Убрав яблоко с его подругой в сторону, Лавв поместил перед сканером вторую половинку со Смышлёным. Несколько раз тщательно отсканировав, он вернул его ей и положил оба куска рядом. Пара продолжила трапезу, не обращая на человека никакого внимания. Лишь изредка

бабочки перебирались на соседнюю половинку, словно сравнивая вкус, а затем возвращались обратно. Насытившись, она взмахнула расписными крыльями, взмыла в воздух, ещё раз присела на ладонь Лавва, словно благодаря за угощение, и улетела к цветам.

Немного помедлив, поднялся в воздух и Смышлёный. Сначала он опустился на левое плечо Лавва, затем перелетел на указательный палец. Лавв поднёс руку ближе к лицу и заглянул в его фасеточные глаза. Смышлёный замер на несколько секунд, принимая от человека частицу его естества и большой поток информации. Затем Лавв поднял руку вверх и произнёс:

— Лети, друг мой, к своей любимой. До встречи на базе.

Смышлёный тут же взмыл в воздух, пролетел над головой человека и на крыльях любви устремился вслед за своей красавицей. Лавва снова накрыло странное облако грусти — пронзительной и ноющей, словно он навсегда прощался с очень дорогим существом. Усилием воли он прогнал наваждение.

Достав экран с картой, Лавв проложил обратный маршрут. Он находился в пути уже более четырёх часов и преодолел около тридцати километров, поэтому решил сократить дорогу на 5 километров: не возвращаться вдоль реки, а идти напрямую, обходя поселение с юга.

Не спеша скопировав полученные данные на Амулет, он убрал сканер в рюкзак и достал сухой паёк и упаковку воды. Затем отошёл подальше от поваленного дерева, над которым уже роились мухи, привлечённые ароматом яблока. Сев на траву, Лавв принялся за еду, любуясь жёлто-зелёными оттенками саванны и прудом, над которым всё ещё порхали две сказочные бабочки.

Отдохнув и подкрепившись, он достал большое яблоко, закинул рюкзак на спину и отправился в обратный путь. Включил оба излучателя, надел широкополую шляпу и мгновенно исчез из виду. Лишь хруст яблока и следы примятой травы выдавали, что Лавв по-прежнему находится здесь.

10. Ученик шамана

Три километра Лавв прошёл по саванне быстрым шагом, затем перешёл на лёгкий бег. Нужно было как можно скорее миновать территорию, прилегающую к деревне аборигенов, избежав даже малейшего контакта с ними. Хоть все меры безопасности были предприняты, но как правильно сказала учитель Сан Тагон что местные жители могли быть опасны и недооценивать их нельзя.

Лавв осторожно бежал по открытой местности, местами поросшей высокой травой и небольшими рощами невысоких деревьев. Когда до деревни оставалось не больше километра, растительность заметно загустела. Трава местами доходила почти до человеческого роста, а кустарник больше напоминал молодые деревья.

Буйной растительностью этот участок саванны был обязан небольшому ручью, текущему с юга на север прямо через поселение аборигенов и впадавшему через несколько километров в большую реку — там, где Лавв видел рыбаков с уловом. Сам ручей был невелик: около двух метров в ширину и полуметра в глубину. Однако он орошал оба берега и снабжал жителей питьевой водой.

Когда до ручья оставалось совсем немного, из высокой травы в пяти метрах перед Лаввом вдруг вскочили перепуганные дети аборигенов. С громкими криками они бросились в сторону, противоположную деревне. Девочки пищали так пронзительно, что их было слышно далеко вокруг. Лавв сразу понял: их напугал излучатель страха.

Не останавливаясь, он пробежал ещё несколько метров и остановился там, где браслет уже не доставал малышей своим воздействием. Обернувшись, он увидел троих детей, затаившихся в траве и рыдавших навзрыд. Они крепко прижимались друг к другу и лишь ждали своей участи. У Лавва сжалось сердце.

Со стороны деревни сразу поднялись крики и вой. Показалась группа мужчин с копьями и топорами. Они бежали в его сторону, громко завывая. Лавв уже начал разворачиваться, как краем глаза заметил, что в шестистах метрах с противоположной стороны вдруг ожила трава. Вглядевшись, он увидел притаившихся там аборигенов. Они поднимались во весь рост, вскидывали топоры, копья и дубинки и двигались навстречу защитникам, готовясь к бою.

Было похоже, что на деревню пришли с войной. Жители поднялись не только из-за криков детей — они заметили противника в траве и бросились ему навстречу. Оставался один вопрос: что делать с детьми? Защитники деревни находились почти вдвое дальше, чем нападавшие, и не успевали добраться до них первыми. Лавв чувствовал свою вину: именно из-за него трое малышей оцепенели от ужаса и не могли убежать к своим. Уйти и бросить их означало обречь на гибель или плен.

Но вмешательство в жизнь аборигенов было строжайше запрещено, и наказание грозило не только ему, но и его роду, и академии. Уходить или спасать детей? Решение нужно было принять немедленно.

Лавв сбросил рюкзак и зашвырнул его в кустарник. Только теперь он заметил, что к детям на полной скорости несутся три огромные гиены. Ещё мгновение — и они разорвут беспомощных малышей.

Лавв изо всех сил бросился к детям, на ходу отключая излучатель страха. Он рассчитывал подхватить их на руки, спрятать под куполом невидимости и укрыться в зарослях.

Когда до детей оставалось всего десять метров, на интуитивном уровне пришёл сигнал об опасности. Лавв пригнулся именно в тот момент, когда пущенное со стороны деревни копьё должно было поразить его в затылок. Оно пролетело над головой, сбило шляпу-невидимку и отбросило её в сторону, а затем воткнулось в землю в пяти метрах справа от детей.

План пришлось менять на ходу. Останавливаться и подбирать шляпу означало позволить гиенам первыми добраться до малышей. Лавв принял решение вступить в бой, отогнать животных, а затем подобрать шляпу и спрятать детей.

Он вошёл в состояние Воина.

Время словно замедлилось. Движения стали стремительными и точными, тело, а особенно руки, — твёрдым как камень. Никакой магии в этом не было. Ещё в раннем детстве Лавв научился входить в осмысленный транс. В таком состоянии мозг многократно увеличивал активность, мобилизовал все силы организма и выбрасывал в кровь огромное количество адреналина и других необходимых гормонов. Превратившись в совершенную боевую машину, он имел лишь одну цель — победить. Сосредоточенный разум помогал ему в этом.

Лавв шагнул вправо, выхватил правой рукой копьё, торчавшее из земли, и, размахнувшись им словно топором, прыгнул наперерез гиене.

Старшая девочка, прижимавшая к себе двух совсем маленьких детей, подняла голову и встретилась с ним взглядом. Он успел подмигнуть ей, и в следующее мгновение древко обрушилось на толстую шею гиены всего в пяти метрах от детей. Животное взвизгнуло, перекувырнулось и полетело прямо на малышей. Лавв успел поймать его за хвост, остановив в воздухе. Гиена, зависнув в воздухе всё ещё пыталась дотянуться до детей, щёлкнула своей пастью прямо перед лицом девочки, провожающей взглядом Лавва. Та вскрикнула и снова опустила голову.

Лавв молниеносно развернулся и швырнул хищника во вторую гиену — самку, бежавшую следом. Бросок оказался точным. Животные столкнулись с такой силой, что разлетелись в разные стороны, оглашая саванну жалобным воем.

Третья гиена, самая медлительная, попыталась напасть сзади. Но вместо этого зверь сначала получил по голове древком копья, а затем отхватил сильный удар ногой по своей открытой пасти, от чего она быстро захлопнулась, теряя зубы. Животное опрокинулось на бок, попыталось подняться, замерло на мгновение и рухнуло на спину, задрав лапы.

Полежав несколько секунд, гиена всё же вскочила и неуклюже бросилась к детям. Лавв поймал её за загривок и швырнул в сторону двух других. С четвероногими противниками было покончено: две гиены, хромая, удирали прочь, а третья осталась лежать на земле, жалобно скуля.

Пока шёл бой с гиенами, аборигены-агрессоры преодолели больше половины расстояния. Не теряя времени, Лавв подхватил вцепившихся друг в друга детей, добежал до зарослей и усадил плачущих малышей в небольшое углубление за колючим кустом. Затем он подобрал шляпу и успел накрыть ею испуганных детей, но сначала он погладил каждого из них по голове и показал пальцем на свой рот, после чего он закрыл его рукой. Дети последовали его примеру закрыли себя свои маленькие ротики своими ручками. Лавв быстро отошёл от того места, чтобы летящие копья и камни случайно не попали по детям.

Встав на небольшом пригорке, он принялся терпеливо ждать. Пребывая в состоянии Воина, Лавв уже не думал о том, чтобы спрятаться. Теперь ему было интересно сразиться, пусть и вполсилы. Стоя на месте и без труда уворачиваясь от всего, что в него метали, он был похож на бесстрашного воина, готового встретить целую армию.

С юга приближались аборигены-агрессоры — по всей видимости, два разных племени общей численностью около ста пятидесяти воинов. Половина из них — темнокожие, крупного телосложения. Вторая половина — более светлокожие, невысокие, но мускулистые, с длинными волосами. Все босые и почти голые, лишь набедренные повязки прикрывали тела. Некоторые, видимо более высокого ранга, носили ещё и короткие жилетки без рукавов. Лица были покрыты боевой раскраской, в руках — копья, топоры или дубинки.

С другой стороны быстро приближались защитники деревни — племя, которое Лавв хорошо знал. Конечно, за два года многое у них изменилось, но вождь и его окружение были всё те же. По сравнению с агрессорами, они выглядели более ярко, одежда у них была разри-

сована различными узорами разных цветов. Вождь и главные войны имели головные уборы, украшенные костями и перьями. Оружие и одежда у них было такое же, как и у двух других племен. Отличие, которое сразу бросалось в глаза — это их поведение, одной сплоченной и упорядоченной группой в 100 человек они приближались быстро и решительно, рассекая своими телами поле высокой травы. Впереди бежал вождь по имени Ор, заражая соплеменников отвагой и решимостью.

Лавв оказался между двумя группами, опьянёнными яростью и предвкушением битвы, рискуя вступить в бой с двумя сотнями воинов.

Первым добежал крупный темнокожий воин с приплюснутым носом. В одной руке он держал длинное копьё с острым наконечником, в другой — каменный томагавк. За несколько метров до Лавва он выставил копьё вперёд, намереваясь пронзить его насквозь, одновременно замахиваясь топором для добивающего удара. За мгновение до столкновения Лавв развернулся боком, шагнул навстречу и выставил вперёд правую руку, согнутую в локте. Налетев на неё на полном ходу, здоровяк отлетел в сторону, выронив копьё и отправив топор со свистом мимо цели. Абориген потерял сознание и остался лежать.

Следом в бой вступили двое молодых воинов — видимо, сыновья или братья поверженного. Не приближаясь, они метнули копьё и топор. Лавв развёл руки в стороны, уклонился от копья, развернулся и поймал его правой рукой, и древком отбил летящий топор. Один из нападавших замахнулся своим копьём сверху вниз, но, не обнаружив вдруг оказавшегося рядом противника, получил древком по переносице и сразу отключился. Второй пробежал мимо, попытался достать Лавва топором, промахнулся, замахнулся снова — и получил удар древком под колено. Упал, попробовал подняться, метнул топор — и был остановлен ударом колена в висок.

Ещё восьмерых воинов Лавв отключил столь же быстро, используя древко копья и собственные руки и ноги: кому-то прилетел кулак в нос, кому-то — тыльная сторона ладони в висок. Тем временем все воины двух племён-агрессоров выстроились полукругом. Одни метали камни, копья и топоры, другие шли врукопашную. Вышедший большой и толстый воин получил тупым концом копья прямо в середину лба, после чего смешно сдвинул глаза к переносице и будто деревянный рухнул назад, разбросав руки в стороны.

В этот момент агрессоры неожиданно отступили и, ощетинившись копьями и дубинками, заняли боевую стойку. Многие из них уже были повержены, а некоторые приходили в себя и возвращались в строй.

Сзади подоспели защитники деревни. Остановившись неподалёку от Лавва, они приготовились к бою. Он стоял на пригорке в самом эпицентре назревающего столкновения. Силы были примерно равны, а большое сражение неизбежно обернулось бы тяжёлыми потерями.

Скорее всего, Лавв помешал племенам-агрессорам дождаться темноты и напасть на спящую деревню. Дети, напуганные излучателем страха, подняли тревогу. Затаившиеся в траве воины решили, что их обнаружили, и вышли из укрытия, рассчитывая воспользоваться хотя бы преимуществом внезапности. Но незнакомец сначала отбил нападение трёх гиен, затем раскидал дюжину лучших воинов, а теперь спокойно стоял посреди поля, даже не думая уходить.

Перестав орать друг на друга, вожди племён стали выяснять отношения, пока-что, споря и ругаясь. Видимо более сильный и авторитетный предводитель защитников в большом головном уборе, был и лучшим из них оратором. Он вынудил оппонентов оправдываться, завладев инициативой.

Лавв понимал их язык достаточно хорошо, чтобы уловить суть разговора. Вождь защитников обвинял противников в нарушении договора о мире: без объявления войны они вторглись на земли племени Белая Вода. Те в ответ клялись, что всего лишь мирно прогуливались, а когда увидели, как чужак напал на детей, героически пришли им на помощь. Услышав о детях, вождь защитников Ор сильно разволновался, видимо они были ему близки. Он предложил

разойтись с миром, если ему вернут малышей. Тогда вождь длинноволосых ткнул копьём в сторону Лавва и заявил, что тот их съел.

Вождь Ор уставился на Лавва, подошёл ближе и изобразил на лице самое грозное выражение, на какое только был способен.

— Где дети? — сурово спросил он.

К тому времени Лавв уже воткнул копьё в землю, облокотился на него и всем своим видом показывал, что происходящее его нисколько не интересует. Он лениво разглядывал ногти, словно это было куда увлекательнее назревающей битвы. На самом же деле ему было очень любопытно, чем всё закончится.

Он повернулся к вождю и лениво произнёс:

— Ах, дети.

Затем показал рукой рост девочки на уровне пояса, а после ещё дважды — пониже. Вождь удивлённо обернулся к своим, затем снова злобно посмотрел на Лавва и громко произнёс:

— Ууу.

Это означало: «Да»

Лавв ничего не ответил. Он лишь погладил живот круговыми движениями — жестом, который у аборигенов означал: «Очень вкусно».

Племя защитников взвыло от горя и ярости, требуя немедленно наказать обидчика. Из рядов выбежал проворный воин и во весь опор бросился к Лавву. Следом устремились ещё трое — видимо, его друзья или подчинённые. Лавв отступил от воткнутого в землю копья, чтобы оно не мешало, и спокойно приготовился к бою.

Проворный оказался хорошим бойцом: он не стал безрассудно бросаться вперёд, а взял копьё двумя руками и, подбежав, принялся наносить быстрые колющие удары. От первого Лавв увернулся, второй отбил ногой, третий поймал рукой и начал тянуть копьё к себе. Абориген упёрся и изо всех сил потянул обратно. Тогда Лавв резко толкнул древко вперёд и отпустил его. Воин вместе с копьём отлетел на землю. Пока тот поднимался, Лавв быстро разобрался с тремя его товарищами: первого сильно оттолкнул — тот, кувыркаясь, улетел назад; второй получил удар ногой в грудь, третий — жёсткую оплеуху и сразу отключился. На всё ушло не более двух секунд. Проворный снова поднялся и атаковал, на этот раз целясь в левое плечо. Лавв просчитал движение, мгновенно сократил расстояние и одновременно ударил правым плечом в грудь и локтем в живот. Воин отлетел и, скорчившись на земле, тяжело задышал.

Увидев это, вождь Ор выхватил у одного из своих воинов большое копьё и с боевым криком бросился на Лавва. Тот дождался удара, поймал древко левой рукой и правой, словно топором, перебил его примерно на четверть длины. Шагнул вперёд, снова перехватил копьё и отсёк ещё часть. Затем, развернувшись вокруг своей оси, ударил левой рукой сверху, правой снизу — и от копья осталась лишь короткая четверть древка. Всё произошло за одно мгновение. Оставшись с жалким обломком в руке, вождь отлетел назад, словно подхваченный порывом ветра: Лавв всего лишь молниеносно толкнул его ладонью в грудь. Ор потерял головной убор, упал, но тут же вскочил и взмахом руки поднял воинов в атаку.

Со стороны защитников деревни сразу же полетели копья, камни и топоры. Лавв сначала уклонялся, затем поймал одно копьё и завертелся сам при этом быстро раскручивая копье стал им отбивать все что к нему подлетало. Племена агрессоров тоже начали атаковать, когда увидели, что войны другой стороны не могут попасть по незнакомцу, решив, наверное, что у них точно получится.

Опережающий разум Лавва без труда просчитывал траекторию и время подлёта каждого предмета. Ему оставалось лишь оказаться в нужном месте в нужный момент. Он эффектно выполнял финты, раскручивал копьё с такой скоростью, что оно превращалось в едва различимый диск, и отбивал даже то, что летело мимо него.

Вождь Ор неожиданно поднял руку, останавливая атаку. Его примеру последовали вожди двух других племён. Все понимали: силы для схватки друг с другом ещё пригодятся, и тратить их понапрасну незачем. Лавв исполнил ещё несколько молниеносных финтов, отбил последние летевшие в него камни, резко остановился, поставил копьё рядом с собой и отбросил его в сторону.

Вождь смотрел на него с изумлением и даже с восхищением. Лавву тоже был симпатичен этот умный и храбрый воин — ещё с тех пор, когда он снимал о нём документальный фильм. Наступила пауза. Аборигены переговаривались вполголоса, не сводя глаз с незнакомца.

Лавв вспомнил, что у воинов существует обычай завершать битву поединком лучших бойцов. Он повернулся сначала к защитникам, сжав два кулака, затем — к двум другим племенам.

Немного погодя со стороны длинноволосых к нему направился высокий детина с длинным носом и тёмно-каштановыми волосами, собранными в хвост. Следом от другого племени двинулся уже знакомый толстый воин с круглой опухшей шишкой на лбу. Со стороны защитников деревни шёл войн среднего роста с большой челюстью и смазанными глиной волосами, желтыми как осенние листья. Все трое были без оружия — лишь в набедренных повязках.

Перейдя с шага на бег, они издавали устрашающие вопли, совершенно не производившие впечатления на противника. Первым подбежал длинноволосый и нанёс удар нижней частью кулака сверху вниз, словно собирался вбить голову Лавва в плечи. Тот поймал его руку, резким движением завернул её на болевой приём. Воин закричал, был отпущен — и тут же получил удар в голову, после которого рухнул без чувств.

Следующий — со слипшимися жёлтыми волосами — оказался проворнее. Он быстро работал руками и несколько раз атаковал ногами, что было совершенно нетипично для аборигенов. Лавв красиво уклонялся, а на последний удар ответил блоком правой руки и открытой левой ладонью ударил противника прямо в нос. Воин потрогал разбитый нос, вытер кровь и снова бросился в атаку, но уже через полшага обмяк и уткнулся лицом в траву. Лавв хорошо знал этого аборигена: его семья была одной из тех, о которых снимались сюжеты для документального фильма. Не желая причинять лишнего вреда «звезде экрана», он отключил его точным ударом ребра ладони в висок.

Толстяк, уже однажды побывавший в беспамятстве после удара копьём в лоб, с разбега бросился на незнакомца, намереваясь накрыть его своим телом. Лавв поймал противника двумя руками прямо на лету, поднял над головой и с силой швырнул на землю. Тот громко рухнул на спину, и в рядах аборигенов с обеих сторон послышались удивлённые возгласы. Над местом падения поднялась туча пыли. Толстяк потерял сознание.

Лавв спокойно отошёл к копью, торчавшему из земли. Но толстяк быстро пришёл в себя, поднялся и неуверенно потрусил следом. Лавв видел его боковым зрением, однако никак этого не показывал. Он неторопливо подошёл к копью и опёрся на него — древко заметно согнулось. Дождавшись, пока толстяк приблизится и потянется схватить его сзади, Лавв шагнул в сторону, будто собираясь сорвать цветок в траве. Распрямившееся древко с силой ударило неудачника прямо в лоб. Тот снова свёл глаза к переносице и рухнул навзничь.

В рядах аборигенов сначала послышались смешки и даже хохот. И действительно, получилось забавно: второй раз за день один и тот же воин пострадал от одного и того же древка. Рядом со старой шишкой теперь красовалась новая огромная гематома почти во весь лоб.

Лавв огляделся. Аборигены стояли и чего-то ждали. Поняв это по-своему, он вытащил копьё из земли и, подойдя к лежащему толстяку, воткнул его между рукой и туловищем, изображая смертельный удар в сердце. Этим жестом Лавв хотел поставить точку в поединке.

Но аборигены восприняли происходящее буквально. Воины всех трёх племён яростно взвыли и одновременно бросились на незнакомца.

Лавв понял, что просчитался.

Нужно было выбрать одно из трёх решений. Первое — просто убежать, подобрать шляпу и рюкзак, а затем со всех ног мчаться к базе. Второе — принять долгий кровопролитный бой до полной победы одной из сторон, с большими потерями и, возможно, жертвами. Первое решение задевало лишь самолюбие Лавва, оставляя племена целыми — по крайней мере до тех пор, пока они не начнут сражаться друг с другом. А они непременно начнут: слишком уж были разъярены. Этот вариант Лавв сразу отверг, как и второй. Оставался третий.

Он решил применить магнитный толчок — приём, который освоил для отпугивания стай хищных акул и других крупных животных. Серьёзных увечий он не причинял, но действовал очень эффективно. Лавв развёл руки и начал раскручиваться вокруг своей оси — всё быстрее и быстрее, пока не оторвался от земли и не завис в воздухе. Когда войны приблизились совсем близко, он резко опустился, выдохнул с громким криком:

— Хаа!

И стремительно развёл руки в стороны, словно отталкивая невидимую толпу. Волна магнитного толчка ударила по набегавшим аборигенам мощным воздушным потоком. Все воины, словно высокая трава под порывом ветра, были одновременно сбиты с ног и отброшены назад. Одни остались лежать, другие пытались подняться, охая и постанывая.

Аборигены медленно поднимались, помогая друг другу, и нестройной толпой двинулись к Лавву. Впереди, прихрамывая, шёл вождь Ор. Остановившись в десяти метрах, он посмотрел на незнакомца одним глазом — второй заплыл от удара. Двое воинов пришедших сразится с Лавом на кулаках уже пришли в себя и стояли неподалеку, разглядывая своих соплеменников, не понимая, что произошло. Зашевелился и третий, он довольно легко для своей комплекции поднялся и остался сидеть на земле, мотая головой и осторожно трогая свой лоб. Когда аборигены увидели, что толстяк жив, они сначала замерли, не веря своим глазам, а затем облегчённо загалдели.

Настал момент вернуть детей. Лавв подошёл к колючему кусту, пошарил рядом рукой, нашёл шляпу и отключил режим невидимости. Дети сидели неподвижно, по-прежнему зажав ротики ладошками. Лавв погладил каждого по голове, снимая мысленную установку. Малыши убрали руки и удивлённо посмотрели на него. Он улыбнулся — и они улыбнулись в ответ. Затем помог выбраться из ямки старшей девочке, а двух маленьких — девочку и мальчика, похожих друг на друга, — взял на руки. Вместе они направились к вождю Ору.

Увидев эту картину, вождь от изумления раскрыл рот, а затем радостно закричал, подзывая кого-то. Проворный — первый воин, атаковавший Лавва, — чуть прихрамывая, бросился навстречу детям. Старшая девочка подбежала к нему и прыгнула в объятия. Воин опустился на одно колено и крепко прижал её к себе. Лавв поставил на землю малышей, и те семенящими шажками побежали к отцу. Пока Проворный, словно ребёнок, радовался, обнимая своих детей, девочка подошла к вождю и обняла его за ногу. Ор ласково погладил её по голове и принялся расспрашивать. Девочка быстро затараторила, показывая пальчиком то на Лавва, то на высокую траву, то на куст, за которым они прятались. Лавв молча наблюдал за происходящим, радуясь за детей и их родителей.

Дослушав внучку, вождь тихо посовещался с приближёнными и направился к Лавву. Подойдя, он произнёс несколько фраз, приложил руку к сердцу и склонил голову. Его примеру, оставаясь рядом с детьми, последовал и Проворный. Они благодарили великого колдуна за то, что он не съел детей и спас их от гиен.

Вождь что-то крикнул в сторону племён-агрессоров, затем сел на траву, скрестив ноги. Лавв понял: сейчас начнутся переговоры. Он тоже сел. Рядом с вождём расположились два старших воина и стали что-то тихо говорить ему на ухо, не сводя глаз с Лавва. Тем временем от обоих племён-агрессоров отделилось по три человека и направились к поляне. Вождь темнокожих пришёл вместе с крепким воином и шаманом. Вождь длинноволосых тоже взял с собой шамана и знакомого уже воина с длинным носом.

Лавва удивило, что шаманы обоих пришлых племён находились здесь, а не остались в своих стойбищах, как это было принято.

Подойдя ближе, гости поздоровались, приложив руки к груди, расселись и принялись внимательно разглядывать чужеземца. Лавв тоже с интересом рассмотрел каждого из них.

Первым заговорил вождь Ор. Лавв знал множество языков и обладал способностью быстро улавливать смысл даже малознакомой речи. Язык этих аборигенов был ему хорошо знаком: он неплохо понимал его, хотя раньше разговаривать на нём ему было не с кем. В переводе на современный язык слова вождя звучали примерно так:

— У нашего племени Белая Вода был договор с племенами Длинные Волосы и Большой Бык. Мы поклялись не охотиться на чужих землях и не воевать друг с другом. Ещё два племени, давших такую же клятву, сейчас здесь не присутствуют, но они подтвердили бы мои слова. Вы нарушили договор и пришли на наши земли, — спокойно проговорил Ор и замолчал.

Он сердито уставился на представителей других, не сдержавших обещания, племён. Ответил шаман длинноволосых. Судя по всему, именно шаман у них вёл переговоры и решал важные вопросы, тогда как вождь оставался главным воином.

— О уважаемый вождь племени Белая Вода, разве тебе не известно, что тех племён, поддержки которых ты ждёшь, больше нет? Со стороны высокого солнца пришло сильное и многочисленное племя. Их воины напали на племена Лесной Олень и Острый Камень и победили их. Незнакомца, — шаман кивнул в сторону Лавва, — мы приняли за одного из них и потому пустили на него гиен.

— Какая у них одежда и оружие? Расскажите подробнее, — произнёс Лавв, до этого момента молчавший.

— О великий воин и колдун, ты понимаешь наш язык? — удивлённо спросил вождь Ор.

— Да, понимаю. Немного, — ответил Лавв.

— Ты знаешь, о ком говорит шаман племени Длинные Волосы? — с уважением спросил Ор.

— Нет, вождь. Я их никогда не встречал.

— Кто же ты, незнакомец, и откуда пришёл на наши земли? — спросил Ор, широким жестом обводя пространство вокруг.

— Моё имя — Лавв. Я пришёл издалека. Мой народ живёт за большой водой, — ответил Лавв и показал рукой на север.

— Велико ли ваше племя Народ? — спросил шаман.

— Народ — это не племя. Если ваши племена объединятся, станут жить и охотиться вместе, то через много лет их союз превратится в народ — большой народ, как наш.

— Сколько же воинов у вашего народа, уважаемый Лавв? — с почтением спросил шаман племени Длинные Волосы.

— Их больше, чем деревьев на берегах этого ручья, — ответил Лавв, оглядываясь вокруг.

Присутствующие удивлённо заохали, представляя бесконечные орды воинов, похожих на Лавва.

— Скажи, уважаемый Лавв, кто ты в своём народе? — спросил до сих пор молчавший шаман племени Большой Бык.

— Я сразу понял, что уважаемый Лавв — великий воин, — произнёс вождь племени Большой Бык тоном, в котором читался намёк на недогадливость шамана.

— Нет, вождь. Да, я обучен сражаться, но не принадлежу к числу воинов. Я… — Лавв задумался подыскивая понятное для туземцев обозначение слова ученый, — я ученик шамана. И скоро сам стану шаманом.

Оба шамана переглянулись и одобрительно закивали, признав Лавва своим. Теперь им стало понятно, откуда у него умение колдовать.

— Уважаемый ученик шамана Лавв из великого народа, ты великий воин и в одиночку можешь победить целое племя. Мы просим твоей помощи. В наши края со стороны высокого солнца пришло большое племя. Племена Лесной Олень и Острый Камень вместе пошли на них войной, но потерпели поражение. Их племён больше нет, а на их землях теперь охотятся чужаки. Уцелевшие пришли к нам и всё рассказали. Мы попробовали сразиться с захватчиками, но наши воины не смогли одолеть воинов чужаков. Наши племена покинули свои земли и сейчас находятся там, — вождь длинноволосых показал рукой на заросли, где они недавно прятались. — Мы просим тебя, Лавв, и тебя, вождь племени Белая Вода: помогите нам вернуть наши земли и прогнать захватчиков.

Вождь Ор выразил соболезнования почти полностью уничтоженным племенам и заверил, что поможет всем, чем сможет. Он также разрешил изгнанникам оставаться на землях племени Белая Вода до тех пор, пока они не прогонят захватчиков или не найдут себе новое место для жизни.

— Я ученик шамана, и мне запрещено вмешиваться в чужие войны и лишать людей жизни. В схватке с вами я никого не убил, потому что для меня отнять жизнь у человека — великое зло. Шаманы ваших племён тоже не участвуют в сражениях. Они понимают, о чём я говорю, — сказал Лавв.

Шаманы понимающе закивали. Расстроенный вождь длинноволосых уныло опустил голову. Повисла тишина.

— Сражаться с вашим врагом я не буду. Но могу показать вам, как стать сильнее и попытаться победить. А если победить не удастся, научу, как выжить. Нужна ли вам такая помощь? — задумчиво произнёс Лавв.

Вожди и шаманы переглянулись, утвердительно кивнули друг другу и повернулись к нему.

— Мы принимаем твою помощь, уважаемый Лавв, и готовы слушать, — уверенно сказал Ор.

— Сначала расскажите всё, что знаете о чужаках, — сказал Лавв.

— Мы знаем, что племя чужаков велико. Воинов у них больше, чем у всех наших племён вместе взятых. Если мы объединимся, на каждого нашего воина придётся вот столько их, — вождь длинноволосых показал три пальца. — И они сильнее нас. Мы не смогли убить ни одного, а они убили многих.

— Воины чужаков несут перед собой круг, который помогает им в бою. Другие мечут много маленьких копий, и те летят очень далеко, — добавил вождь племени Большой Бык.

Лавв задумался. По всему выходило, что пришельцы с юга стояли на ступень выше в развитии — по крайней мере в вооружении. Они умели делать луки и стрелы, а в бою использовали щиты. Если к этому добавить хотя бы начальные знания тактики, пять местных племён были обречены даже с его помощью. Что же он мог им дать?

— Вы правильно сделали, что ушли со своих земель. В нынешнем состоянии победить чужаков невозможно. Я покажу вам, как делать круги для защиты и маленькие копья, которые летят далеко. А ещё научу двигаться в бою так, чтобы вас было труднее победить, — сказал Лавв.

Вожди переглянулись. Каким образом они смогут сами изготовить такое оружие, было пока неясно, но услышанное их обнадёжило.

— Уважаемый Лавв, я приглашаю тебя и всех присутствующих в нашу деревню. Там, в главном вигваме, мы сможем продолжить разговор и разделить трапезу, — с достоинством произнёс вождь Ор и поднялся.

— Я принимаю твоё приглашение, вождь. Пусть там будут и те, кто уцелел из побеждённых племён. Мне нужно их расспросить, — ответил Лавв.

— Их приведут, уважаемый Лавв.

— И ещё: пусть придут пять воинов от племени Длинные Волосы, пять от племени Большой Бык и десять от племени Белая Вода. Я буду показывать им, а они передадут знания остальным.

— Возьмём лучших, — сказал вождь длинноволосых и обернулся к своим.

Его примеру последовал вождь племени Большой Бык. Ор тоже начал отдавать распоряжения приближённым.

— Уважаемый Лавв. Прошу, идём в деревню, — сказал Ор.

Все поднялись. Однако вместо того, чтобы сразу направиться к деревне, Лавв пошёл к зарослям кустарника, где спрятал рюкзак. Он быстро нашёл его и вернулся. Вожди и шаманы уже начали недоумённо переглядываться, но, увидев Лавва, тут же успокоились. После этого все вместе зашагали к деревне.

11. Пять племён

Лавв в окружении вождей и шаманов шёл в деревню. За ними следовали воины, отобранные для обучения. Остальные аборигены занялись выполнением поручений своих предводителей.

После недолгого пути по заросшему берегу ручья они подошли к окраине деревни племени Белая Вода. Здесь нужно было перейти на левый берег — именно там находились главный вигвам и основная часть поселения. Ручей можно было пересечь по двум широким камням или просто перепрыгнуть. Аборигены так и сделали. Лавв, следуя примеру вождя, осторожно ступил на камни. Обратив внимание на цвет камней и песка, он сразу понял, почему племя называлось Белая Вода: ручей казался белым, хотя вода в нём была прозрачной и очень чистой.

Сама деревня оказалась живописной. На фоне окружавшей её однообразной саванны она выглядела настоящим оазисом — ярким, разноцветным и пёстрым. Окраины были засажены широкой полосой разнообразных деревьев и кустарников, среди которых преобладали веерные пальмы с большими зелёными листьями. Ими аборигены накрывали свои жилища.

За два года деревня сильно изменилась. Раньше она тянулась вдоль ручья хаотичным скоплением вигвамов. Теперь в её планировке чётко прослеживались округлые контуры улиц и тропинок. Небольшая — около пятисот метров в диаметре — деревня имела форму круга. Улицы также располагались кольцами и делились на отдельные участки. В центре каждого участка стояло жилище, рядом с которым обязательно росло хотя бы одно дерево.

Ручей отделял от основной части деревни примерно четверть её территории, а широкая тропа, проходившая с севера на юг вдоль берега, отсекала треть. В центре поселения стоял вигвам племени. Вокруг него располагался малый круг — своего рода деревенский центр. Главная тропа проходила рядом с ним, касаясь его восточной стороны.

— У вас красивая деревня, вождь Ор, — похвалил Лавв.

Вожди и шаманы других племён, с интересом осматривавшие всё вокруг, были удивлены не меньше и закивали, присоединяясь к похвале. Ор гордо поднял голову и приложил руку к груди.

— Благодарю тебя, уважаемый Лавв. Благодарю и вас, гости нашего племени.

— Сколько семей живёт в вашей деревне?

— В большом круге — две руки двух рук, а в малом — две руки и ещё две руки семей, — ответил Ор.

Получалось около ста двадцати семей — примерно семьсот человек. По местным меркам это было довольно крупное поселение: деревни в этих краях обычно были вдвое меньше. Небольшая численность населения объяснялась засушливым климатом. Люди селились возле источников воды, которых здесь было немного, если не считать большую реку.

Дворы крайней, самой длинной улицы были особенно просторными. Они примыкали к зелёным насаждениям, окружавшим деревню, и в самих дворах росло немало разнообразных растений. По всей видимости, здесь жили те, кто выращивал плоды и деревья для строительства и заготовки дров.

Вторая улица напоминала рыбацкую деревушку: почти в каждом дворе на тонких ветках сушилась рыба. С дальней стороны она соприкасалась с третьей улицей, а от первой была отделена широкой тропой.

Третья улица — самое малое кольцо большого круга — граничила с центром деревни. Здесь жили охотники. Об этом свидетельствовали шкуры животных и крокодильи кожи, развешанные на длинных шестах.

Малый круг населяли воины и местные начальники — всего четырнадцать дворов. За ними открывалось круглое пространство диаметром около восьмидесяти метров, в самом цен-

тре которого возвышался большой вигвам племени. Вокруг него тянулась широкая тропа. Остальная территория была разделена на восемь частей: семь дворов с жилищами и один свободный участок, выходивший к ручью и главной дороге, — нечто вроде площади.

Вождь указал на вигвам, возле которого стояли трое мужчин. Когда делегация свернула с дороги, они поспешили навстречу. Оказалось, это были шаман, старейшина и хранитель племени. Все обменялись приветствиями, не забыв и представителей двух других племён. Вождь представил Лавва как уважаемого ученика шамана из племени Народ.

Затем все прошли в главный вигвам. Это было высокое и просторное сооружение из длинных, примерно восьмиметровых круглых жердей, вкопанных в землю по кругу и связанных наверху в единый пучок. Вигвам был накрыт большими листьями, а изнутри украшен крокодильими кожами, разноцветными птичьими перьями и красивыми шкурами животных.

На земле лежали толстые шкуры. Вдоль стен стопками были сложены более тонкие — по всей видимости, они служили одеялами. Посередине круглого помещения диаметром около семи метров находился полусферический очаг, внутри которого горел небольшой костёр. Его стенки были толстыми, поэтому на края можно было ставить различные предметы. При необходимости над огнём подвешивали рыбу или мясо. Дым уходил вверх через четыре треугольных отверстия у самого купола. Они открывались и закрывались с помощью длинных верёвок.

Лавв сел у дальней стены лицом к выходу, примерно в метре от очага. Представители двух племён разместились справа от него, хозяева заняли всё остальное пространство. Места по обе стороны от Лавва остались свободными — аборигены не решились сесть слишком близко к незнакомцу.

Когда все расселись, повисла пауза. Восемнадцать пар глаз молча разглядывали Лавва — спокойного и уверенного в себе. Он тоже не спеша осматривал присутствующих. Некоторые аборигены красовались разбитым глазом, опухшим носом, губой или лбом. Особенно выделялся толстый воин из племени Большой Бык с двумя шишками на лбу, полученными от одного и того же древка. Он был слегка ошарашен важностью момента и всем пережитым за сегодняшний день. Его глаза распахнулись до предела, и он стал похож на удивлённого ребёнка. Лавв задержал на нём взгляд и, не удержавшись, сначала улыбнулся, а затем тихо рассмеялся. Аборигены один за другим тоже посмотрели на толстяка и начали смеяться. Вскоре смех перерос в общий хохот. Все стали показывать друг на друга пальцами и демонстрировать свои раны: опухшие носы, заплывшие глаза, разбитые губы и отсутствующие зубы. Даже вождь Ор, весело хохоча, прикрывал ладонью заплывший глаз и половину лица. Постепенно все отсмеялись и успокоились.

— Есть ли более серьёзные травмы? — всё ещё улыбаясь, спросил Лавв.

— В нашем племени таких нет, — первым ответил Ор.

— Наши воины могут сражаться, — сказал вождь длинноволосых.

— В племени Большой Бык только лёгкие раны, — с улыбкой добавил шаман, поглядывая на толстяка.

Затем Ор вкратце пересказал своим соплеменникам ход боя с Лаввом. Момент с магнитным толчком, или «ударом ветра», как назвал его вождь, особенно заинтересовал шамана. Он спросил, сможет ли Лавв научить их создавать такой удар.

— Нет, шаман. Этому нужно учиться очень долго. Даже не все шаманы нашего народа смогли освоить «удар ветра», хотя усердно обучались много лет, — ответил Лавв.

— Уважаемый Лавв готов показать нам, как делать круги для защиты и пускать маленькие копья, чтобы победить пришлых, — сказал Ор.

— О каких пришлых ты говоришь, вождь? — спросил шаман.

— О них лучше расскажут наши гости, — ответил Ор, сделав им знак.

— Три ночи назад к нам пришли люди из племён Лесной Олень и Острый Камень. Они были сильно напуганы и рассказали, что большое племя со стороны высокого солнца напало

на их деревни и победило их. Захватчики заняли их земли и поселения. Все, кому удалось уцелеть, пришли к нам за помощью, — тихо проговорил вождь длинноволосых.

— Наши воины и воины племени Длинные Волосы отправились на помощь, но потеряли много людей и вернулись ни с чем. Потом мы заметили чужаков неподалёку от наших деревень. Тогда решили спрятаться и откочевали на земли племени Белая Вода, чтобы объединить силы. Люди побеждённых племён тоже находятся с нами, — добавил вождь племени Большой Бык.

— Их скоро приведут, и мы сможем расспросить всех вместе, — сказал Лавв.

— Хорошо, уважаемый Лавв. А сейчас прошу тебя и остальных отведать нашей еды и подкрепить силы, — произнёс шаман Вок и кому-то кивнул.

Сразу же начали вносить яства, завёрнутые в пальмовые листья. Их разложили по краю очага, после чего каждому раздали подобие небольшого подноса — плоский камень, который аборигены клали себе на колени, словно маленький столик. Лавв последовал примеру остальных: взял зелёный свёрток и развернул пальмовый лист. Внутри оказались запечённая рыба, кусочки плодов и мясо.

Все с удовольствием принялись за еду, особенно представители пришлых племён. Было заметно, что они голодны и подобное угощение кажется им настоящим чудом. Они тщательно обгладывали каждую косточку, а затем облизывали пальцы.

Лавв тоже ел с удовольствием. Блюдо было приготовлено весьма неплохо. Окажись он сейчас на Астерре, Армасте или на небесном городе Аризне, вполне можно было бы подумать, что еду доставили из ближайшего ресторана. Рыба оказалась очень вкусной, а кусочки запечённых овощей и фруктов — просто сказочными.

Его поражало, как сильно изменились деревня и племя за два года. Во время съёмок фильма здесь всё было иначе: поселение имело другую форму, вигвамы были меньше и хуже сделаны, семьи не имели отдельных дворов, а ставили жилища хаотично, где придётся. Не существовало ни таких каменных подносов, ни полусферических очагов, ни почти идеального порядка — ни многого другого.

Что же произошло за эти два года? Возможно, все племена разом изменились? Нет, соседи оставались на том же уровне, на котором племя Белая Вода находилось два года назад. Каменный век: босые ноги, жилища из палок и листьев, шкуры вместо постелей. И всё же здесь ощущалось нечто иное — присутствие своеобразного духа цивилизации, изменившего уклад именно этой деревни, именно этого племени, прославившегося по всей системе и за её пределами. Миллионы людей смотрели фильмы о них, мысленно подсказывали и наставляли своих любимцев. Эти мысли, слившись в коллективную мыслеформу, проникли в сознание аборигенов, и те с лёгкостью и даже удовольствием приняли новшества, изменившие привычный уклад.

Оставалось найти того, кто стал проводником этих перемен, — человека, чей разум принял посланные мыслеформы и по мере понимания воплощал их в жизнь. Лавв начал транслировать на своём языке простую мысль, меняя её структуру, но сохраняя смысл: «Кто много ест, тот много съест. Кто много съест, тому долго придётся опорожняться». Он повторял её про себя снова и снова, незаметно наблюдая за присутствующими.

Вдруг один из аборигенов улыбнулся, не доев свою порцию, снял каменный поднос с колен и поставил его на край очага. Это был хранитель племени Пат — невысокий пожилой человек с доброй улыбкой и умными глазами.

Лавв тоже отставил поднос и переключился на язык аборигенов. Сначала шаман, а за ним и вождь Ор засмеялись и тоже убрали еду.

— Воин, набивший живот доверху, уже ослаб и неопасен, — заметил Ор.

— А пока он будет гадить, его ужалит змея, — добавил шаман племени Длинные Волосы.

Каждый понял вложенную в его сознание мысль по-своему. Аборигены дружно рассмеялись и начали подшучивать над толстяком, который никак не мог выпустить из рук поднос с

едой. Сидевший рядом соплеменник в шутку попытался отобрать у него угощение, чем вызвал новую волну всеобщего смеха.

Лавв молча улыбался, поглядывая на хранителя Пата.

— Скажите, вождь Ор, что означает хранитель племени и чем он занимается? — спросил Лавв.

— О уважаемый Лавв, у хранителя Пата очень много работы. Он хранит запасы нашего племени, а ещё он очень умный и придумывает разные новые вещи, — ответил вождь Ор.

— А этот очаг тоже сделал он? Мне ещё не приходилось видеть ничего подобного.

— Да, это его работа. Хранитель Пат собрал много камней, сложил их вместе, промазывая мокрой землёй, а затем разжёг вокруг большой костёр, — ответил шаман Вок.

Всё верно. Именно хранитель Пат принимал мыслеформы от невидимых друзей племени Белая Вода и, скорее всего, считал возникавшие в его голове идеи своими. Лавв и сам неоднократно посылал аборигенам мысленные советы во время съёмок фильма. Но тогда никто не улавливал их и не воплощал в жизнь.

В вигвам вошли женщины, собрали каменные подносы и унесли их. Вскоре они вернулись с двумя большими подносами, на которых стояли пиалы, выточенные из скорлупы орехов. В них была налита горячая жидкость, а на дне лежали сушёные фрукты. Расставив пиалы на широком краю очага, женщины молча вышли.

— Уважаемый Лавв, разве в вашем народе нет хранителей? — спросил шаман Вок.

— Наш народ во много раз больше вашего племени, поэтому у нас много людей, выполняющих работу хранителя, — коротко ответил Лавв и тут же сменил тему. — Есть ли у вашего племени запасы еды?

Вождь Ор и шаман Вок переглянулись, не понимая, к чему он клонит.

— Есть. Если тебе нужна еда, мы с радостью поделимся, — сказал Ор.

— Нет, вождь, ваша еда мне не нужна.

Лавв достал из рюкзака два сухих пайка, вскрыл их и передал вождю и шаману племени Белая Вода.

— Это наша дорожная еда. Она не очень вкусная, но хорошо утоляет голод, — пояснил он.

Затем достал оставшийся кусок пирога и положил его на край очага, чтобы немного согреть. Аборигены внимательно осмотрели сухпайки, после чего стали осторожно пробовать содержимое — понемногу из каждой ячейки — и передавали упаковки дальше. Деревянная ложка, лежавшая внутри, так и осталась нетронутой: ели по привычке руками. По выражению лиц было видно, что такая пища им не особенно нравится. Лавв и сам её не любил, пользуясь ею лишь тогда, когда совсем не оставалось времени на нормальную еду. Когда все аборигены испробовали еду незнакомца и сухпайки очутились у толстяка, он с удовольствием уплетал и её, доедая всё до последнего зернышка. Его соплеменники снова подшутили над ним и посмеялись.

Лавв снял пирог с очага, ножом срезал верхнюю часть упаковки, разрезал четверть пирога на девятнадцать кусочков и показал пример: взял один и положил в рот. Затем упаковка пошла по кругу. Каждый брал только по одному кусочку. Пирог понравился всем. Аборигены довольно кивали, пробуя сладкое медовое угощение с фруктами и ягодами.

— Мне не нужна ваша еда, потому что сегодня после заката я покину вас и вернусь к своему народу, — продолжил Лавв.

Аборигены растерянно переглянулись.

— О уважаемый Лавв, если мы чем-то тебя обидели, прими наши извинения. Мы думали, ты останешься с нами, чтобы научить нас побеждать пришлых и делать новое оружие, — сказал вождь Ор.

— К сожалению, вождь, у меня мало времени. Я ученик шамана, и если не успею на последний урок, то ещё долго не стану шаманом, — ответил Лавв.

Он говорил правду. Через два дня заканчивалось его обучение. Для него лично почти ничего не изменится: он и дальше будет работать в академии, но уже в новом статусе.

— Я покажу вашим воинам, как лучше сражаться и как делать оружие. Времени нам хватит. А после, как только стемнеет, сразу уйду, — добавил Лавв.

— Но идти ночью опасно. Дороги не видно, а многие звери выходят на охоту, — предостерёг шаман Вок.

— Я умею видеть в темноте и могу освещать себе путь.

Чтобы не объяснять устройство фонарика, очков ночного видения и излучателей страха, Лавв воспользовался эффектом светящихся глаз — навыком, который освоил ещё в детстве во время развития зрительного аппарата. Его глаза засияли мягким светло-голубым светом.

Аборигены сильно удивились, но, судя по всему, уже давно признали в нём колдуна со сверхъестественными способностями, поэтому дело ограничилось лишь восхищёнными взглядами.

— Уважаемый Лавв, ты не только великий воин, но и великий колдун. Мы тебе верим, — воодушевлённо произнёс Ор, приложив руку к груди.

— Мы дадим тебе еды в дорогу, — сказал шаман Вок.

— Благодарю, но мне не нужна еда. Я спрашивал о ваших запасах не для себя. Лучше поделитесь ими с племенами Длинные Волосы и Большой Бык. Им пришлось покинуть свои земли, и сейчас они нуждаются во всём, особенно в пище, — объяснил Лавв.

Шаман Вок тихо сказал что-то хранителю Пату. Тот поднялся и вышел. Вскоре он вернулся со стопкой пальмовых листьев и с поклоном подал их Лавву.

— Это всё, что у нас есть, — сказал он.

Лавв принялся внимательно рассматривать листья. На них острым предметом были нанесены различные знаки: фигуры, символы, палочки, одна рука, две руки — нечто вроде примитивной системы счёта. На одном листе было изображено древко копья и рядом указано его количество. На другом — готовые копья. Были и листы с обозначениями кожи, сырой рыбы, сушёной рыбы, плодов и множества других запасов.

— Что вы взяли с собой из своих деревень? — спросил Лавв у представителей племён, покинувших родные земли.

— Всё, кроме вигвамов: оружие, шкуры и еду на два дня, — ответил вождь длинноволосых.

— Мы тоже забрали всё, только еды у нас осталось на один день, — сказал шаман племени Большой Бык.

Лавв посмотрел на вождя Ора, несколько секунд помолчал и спросил:

— Вы готовы заключить союз или каждый останется сам за себя?

— Но мы уже договорились о дружбе, уважаемый Лавв, — ответил шаман Вок.

Представители других племён закивали, подтверждая его слова.

— Союз племён — это нечто большее, чем договор о дружбе. Вы станете одним большим племенем, состоящим из пяти частей, но продолжите жить в своих деревнях. У каждого племени останется свой вождь, однако один из них станет главным и будет командовать всеми. Вы станете помогать друг другу, вместе воевать с врагами и вместе праздновать. А если придётся покинуть эти земли и искать новый дом, сообща сделать это будет легче. Вам нужно выбрать главного вождя и создать круг из вождей, шаманов, первых воинов, старейшин и хранителей. На этом круге представители всех пяти племён будут обсуждать важные вопросы и принимать общие решения — так же, как мы делали сегодня, — сказал Лавв.

— Но племён всего три, уважаемый Лавв. Двух других больше нет, — возразил вождь длинноволосых.

— Остался ли в племенах Лесной Олень и Острый Камень хотя бы один мужчина?

— Да, остался, — ответил вождь, не понимая, к чему тот клонит.

— Если в племени есть хотя бы один мужчина, значит, оно ещё живо, — уверенно произнёс Лавв.

Аборигенам эти слова очень понравились. Они согласились, что племён по-прежнему пять, и решили заключить союз, выбрать главного вождя и создать круг племён.

К этому времени трапеза подошла к концу. Все допили горячий напиток и съели фрукты, лежавшие на дне пиал. Перед тем как выйти из вигвама, Лавв обратился к представителям племени Белая Вода:

— Я бы посоветовал отдать союзным племенам треть ваших запасов и попросить людей Белой Воды принести часть того, чего у них в избытке. Пусть завтра всё снесут на поляну перед ручьём, а хранитель Пат распределит припасы. Нужно, чтобы у каждого племени был запас еды на десять дней. Пусть хранитель сам решит, кому и сколько отдать. Он мудрый человек и сможет служить всем пяти племенам.

Все присутствующие согласились с его предложением. Затем они вышли из вигвама. Пока вожди и шаманы отдавали распоряжения, Лавв в сопровождении старейшины и хранителя Пата отправился осматривать малый круг.

Они прошли по часовой стрелке вокруг главного вигвама. Первым располагался двор шамана Вока, состоявший из трёх вигвамов: один служил рабочим помещением, где шаман принимал соплеменников, два других предназначались для его семьи. Следом находились дворы старейшины и хранителя. Далее располагался просторный участок с двенадцатью вигвамами разной величины, к которым вели аккуратные тропинки. Это было хранилище племени. Пятым по счёту стоял двор воина, охранявшего запасы и постоянно находившегося на месте. За ним следовал двор первого воина, который всегда сопровождал вождя. Замыкал круг двор самого Ора: три вигвама, как и у шамана, расположенные на краю круга возле дороги и площади.

Всё было тщательно продумано и аккуратно устроено. Лавв ещё раз мысленно похвалил аборигенов за трудолюбие и за уважение, с которым они относились к старшим и своим предводителям. Все поручения выполнялись быстро и без промедления.

Пройдя мимо двора вождя, Лавв вышел на площадь. Возле двух костров сидели воины, ожидавшие начала обучения. На противоположном краю стояла группа аборигенов, рядом с которой переговаривались вожди и шаманы. В середине поляны расстелили шкуры, образовав большой круг с незастеленным участком в центре, предназначенным для костра.

— Уважаемый Лавв, вот новые вожди племён Лесной Олень и Острый Камень, — сказал Ор, когда тот подошёл ближе. — А это то, что осталось от их племён.

Он указал на группу аборигенов у края поляны. Новоизбранные вожди склонили головы и приложили руки к груди. Вождём племени Лесной Олень стал пожилой старик, а племя Острый Камень возглавил невысокий мужчина средних лет. Сами аборигены выглядели растерянными и испуганными. Они с трудом понимали, что происходит, переводя взгляды с Лавва на вождей других племён, а затем на своих соплеменников. Лавв поприветствовал их, приложив руку к груди.

— Нам нужно, чтобы вы рассказали, что произошло с вашими племенами, — сказал он.

— Да, уважаемый, — согласился старик.

— Вождь Ор, пусть все займут места в круге, — обратился Лавв к Ору.

Когда все уселись на шкуры, стало ясно, кто к какому племени принадлежит. За стариком, ставшим вождём племени Лесной Олень, сидели десять человек: пожилая женщина, женщина средних лет, раненый юноша, молодая девушка, четыре девочки разного возраста и два мальчика лет восьми. Вот и всё, что осталось от ещё недавно многочисленного племени.

От племени Острый Камень уцелело ещё меньше. За их вождём сидели женщина с младенцем, старик, пожилая женщина, две маленькие девочки и мальчик лет десяти. Вместе с вождём — всего 8 человек.

Остальные племена расположились по тому же принципу: впереди сидел вождь, за ним — первый воин и шаман, дальше — остальные в соответствии со своим положением. От племени Белая Вода в круге присутствовали 16 человек, от двух других — по восемь.

Лавв прошёл к своему месту и сел между вождём Ором и вождём длинноволосых, напротив главы племени Лесной Олень. Теперь круг делился на шесть равных частей, и только за Лаввом никто не сидел.

— Мы сочувствуем вам, племена, потерявшие свои земли. Но другую землю ещё можно найти. Мы сочувствуем вам, потерявшим своих людей. Однако племя продолжает жить, пока в нём остаётся хотя бы один мужчина. Если вы захотите присоединиться к одному из присутствующих здесь племён и стать его частью, это ваше право. Только хорошо обдумайте решение. Полагаю, вожди возражать не станут, — сказал Лавв и вопросительно посмотрел на предводителей.

Все трое в знак согласия приложили руки к груди и почтительно кивнули.

— Это решение можно принять позже, не сейчас. Сейчас мы хотим вас выслушать. Расскажите подробно всё, что произошло и что вы видели, когда на ваши племена напали чужаки. Начнём с племени Лесной Олень, — сказал Лавв и посмотрел на их вождя.

— Три дня назад к нашим землям приблизились воины большого племени. Храбрые воины наших двух племён во главе с вождями вышли им навстречу. Произошёл бой, но о нём мы ничего не знаем. Утром следующего дня к нам пришли люди из племени Острый Камень и рассказали, что их деревню захватили чужаки. Ни один из наших воинов не вернулся. Пока мы решали, что делать, чужаки напали и на нашу деревню. Наши мужчины пытались дать им отпор, но ничего не вышло. Нас окружили с трёх сторон и быстро победили. Они хватали людей, связывали им руки и сгоняли в группы: стариков отдельно, женщин отдельно, детей отдельно. Тех, кто не мог идти, убивали. Все, кто сидит за мной, жили в дальней части деревни. Туда чужаки пришли последними, поэтому нам удалось убежать и спрятаться в лесу. На следующее утро мы направились к друзьям и по дороге встретили людей из племени Острый Камень. Вместе мы пришли к племени Длинные Волосы. Теперь мы здесь, — грустно поведал старик.

— Прошу вождя племени Острый Камень рассказать, как всё произошло у них, — произнёс Ор.

— Мы тоже жили на краю деревни. После того как наши воины ушли сражаться, прибежал один раненый и закричал, чтобы все уходили и прятались. Мы не сразу покинули деревню — только когда увидели чужаков. Они пришли с двух сторон и начали убивать. Мы убежали, спрятались, а утром отправились к друзьям. По дороге встретили людей из племени Лесной Олень. Вместе пришли к племени Длинные Волосы, а сегодня оказались здесь, — рассказал вождь.

Лавв задумался, глядя вдаль. Одно было ясно: это не обычные аборигены. Они думали иначе и воевали по-другому. Попытки выйти с кем-нибудь из них на ментальный контакт ни к чему не привели — их сознание было словно кусок льда.

— Видел ли кто-нибудь из вас, что чужаки делали с захваченными людьми? — спросил Лавв.

Аборигены молча переглянулись. Вдруг послышался тихий голос молодой девушки из племени Лесной Олень. Она что-то говорила юноше, сидевшему рядом. Тот выслушал её и негромко произнёс:

— Я видел.

— Подойди ближе, юноша, и расскажи, — сказал вождь Ор, указав на место рядом со стариком.

Парень поднялся с помощью девушки и, опираясь на неё, с трудом добрался до указанного места. Правую руку он поддерживал левой. Девушка была молодой и красивой, с хорошей фигурой, но её лицо покрывали сажа и пыль. Похоже, она не умывалась с самого бегства из деревни и всё это время заботилась о юноше.

— Что с тобой, воин? Ты ранен? — спросил Лавв.

— Уважаемый Лавв, у него сломана рука, — ответил за юношу вождь длинноволосых таким тоном, словно зачитывал приговор.

— Я Лавв, ученик шамана. Я знаю, как лечить сломанные руки. Нужна ли тебе моя помощь? — спросил Лавв, соблюдая право свободного выбора.

— Да! — выкрикнула девушка.

— Не трать на меня время. Победить чужаков важнее моей жизни, — ответил юноша голосом человека, уже смирившегося со своей участью.

— Это не займёт много времени, — сказал Лавв.

— Тогда я согласен принять твою помощь, уважаемый Лавв.

Лавв поднялся, подошёл к юноше, осторожно ощупал опухшую руку и вернулся на своё место.

— Мне нужны палки длиной в полруки и длинная тонкая верёвка, — обратился он к хранителю Пату.

Тот сразу вышел. Далеко идти не пришлось: воины уже натаскали кучу бамбука, палок и верёвок. Пат взял всё необходимое и положил перед Лаввом.

— Пока я готовлюсь, расскажи, что ты видел, — попросил Лавв.

— Когда чужаки напали на нашу деревню, я вместе с другом пытался с ними сражаться. Их было слишком много. Меня ударили дубиной по руке, и она стала мягкой. Другу ударили по голове, и он упал. К нему подбежали воины чужаков и стали держать. Тогда их главный воин распорол ему живот, начал отрезать куски мяса и есть. Потом давал мясо своим воинам, и они тоже ели. Я очень испугался и, пока чужаки были заняты, убежал в лес, — рассказал юноша голосом человека, пережившего страшное потрясение.

Аборигены зашумели, не в силах поверить услышанному. Лавв тем временем нарезал палки нужной длины, вырезал на них в двух местах канавки для верёвки и связал восемь палок так, что получилась конструкция, похожая на короткую верёвочную лестницу. На одной из них он сделал тридцать насечек. Затем подошёл к раненому и вложил ему в рот короткую палку, чтобы тот мог её закусить.

— Держите его, — сказал он девушке и старику.

Девушка обняла юношу сзади, а старик крепко ухватил его за левую руку. Лавв взял сломанную конечность, выровнял кость и обернул руку самодельной шиной, туго закрепив её верёвками. Затем набросил перевязь на шею юноши, отрегулировал длину и подвесил зафиксированную руку.

— Видите эти зарубки? Каждый день на закате делайте под одной из них ещё одну. Когда у каждой зарубки появится пара, снимите шину. Рука будет целой. До этого времени ею нельзя шевелить и ничего делать, иначе придётся начинать сначала. Следи за своим мужчиной и не позволяй ему тревожить руку, — сказал Лавв, обращаясь к девушке.

— Он мой двоюродный брат. Наши отцы были братьями. Я буду следить за ним и помогать ему, — сказала девушка, ласково глядя Лавву в глаза.

Лавв кивнул, убрал нож в ножны и вернулся на своё место.

— Уважаемый Лавв, теперь юноша здоров? — спросил Вок.

— Ещё нет. Я выровнял кость и зафиксировал её. Он молод и крепок, поэтому теперь его тело само себя вылечит. Для этого нужны время и покой, — ответил Лавв.

Аборигены вдруг заулыбались, глядя на Лава, а вождь Ор посмотрели грозно. Спасенные Лавом дети пришли и уселись за ним. Он тоже улыбался. Маленькая девочка подошла к нему и

уселась на колено. Лавв кивнул вождю давая ему понять, что всё нормально, он обнял девочку и посадил её себе на плечо.

— Дети — моё племя! — улыбаясь сказал Лавв.

Внучка вождя гордо восседала, обнимая Лава за голову.

— Вождь Ор, могли бы вы принять в своей деревне людей из племён Лесной Олень и Острый Камень? — спросил Лавв.

— Мы готовы приютить их у себя, — важно произнёс вождь и с достоинством склонил голову.

— Участок на другом берегу ещё свободен. Устройте там два двора и проложите между ними тропинку, ведущую к дороге. На каждом участке поставьте по два жилых вигвама и по одному вигваму племени. Снабдите их всем необходимым. Для вас это будет гораздо проще, чем для племён, потерявших свои земли.

— Да, уважаемый Лавв, ты прав. Мы примем их и дадим всё необходимое, — сказал вождь.

Оба новоизбранных вождя склонили головы и приложили руки к груди в знак благодарности.

— Теперь поговорим о пришлых, которые оказались ещё и людоедами. Сталкивались ли вы прежде с подобными племенами?

— Нет, мы никогда о таких не слышали, — ответил шаман Вок.

— А ты, Лавв, встречал такие племена? — спросил Ор.

— Нет, вождь, но слышал о них. Люди других племён для них — всего лишь пища. Если людоеды сильнее вас, они никогда не сядут с вами в один круг, потому что считают себя выше. Они убивают людей так же, как вы убиваете животных и птиц, — просто потому, что им это нужно и нравится, — сказал Лавв.

Аборигены громко запротестовали. Некоторые стали грозить невидимому врагу кулаками и даже топорами. Помрачневший Ор поднял руку, призывая всех успокоиться.

— Уважаемый Лавв, значит, у нас остаётся только один путь — война. Мы должны победить чужаков и прогнать их за горы, — решительно произнёс он.

Аборигены встретили слова вождя криками и призывами к сражению.

— Это ваша земля и ваши племена, поэтому только вам решать, как жить и что делать. Я могу лишь дать совет и рассказать, как поступил бы на вашем месте. Но прежде предлагаю рассмотреть три возможных пути. Прошу хранителя Пата записать.

Первый путь — тот, который вы хотите выбрать. После того как изготовите щиты, луки и стрелы и соберёте силы, вы пойдёте войной на чужаков. Возможно, вам удастся освободить одну деревню, но при этом вы потеряете много воинов. Освободить вторую, скорее всего, уже не сможете. Их слишком много, а вас слишком мало. Если вы потерпите поражение, ваши женщины и дети останутся без защиты, — сказал Лавв.

— О великий воин Лавв, ты сказал, что нам придётся освобождать деревни по одной. Но мы видели только один отряд чужаков. Он напал сначала на одну деревню, затем на другую. Если мы победим их, обе деревни станут свободны, — сказал до сих пор молчавший вождь племени Большой Бык.

— Нет, вождь, это не так. Чужаков намного больше, чем вы думаете. Они разделились. Один большой отряд сначала разгромил воинов обоих племён, а затем атаковал первую деревню с двух сторон. Немногим удалось спастись, и сейчас они сидят перед нами. Второй отряд направлялся к деревне племени Лесной Олень, но не успел добраться до неё до темноты и заночевал в пути. Утром, свежие и отдохнувшие, они легко захватили вторую деревню, оставшуюся без защиты, — объяснил Лавв.

— А если в деревню племени Лесной Олень пришли те же чужаки, которые сначала захватили деревню Острый Камень? — спросил Ор.

— Нет. Они не могли сразу покинуть захваченную деревню. Им нужно было охранять пленников и добычу, а также отдохнуть. Скорее всего, они устроили праздник, а на следующий день отправились домой с захваченным, — ответил Лавв.

— С двумя отрядами нам будет трудно справиться, если два объединённых племени не смогли одолеть даже один. А племя Лесной Олень было самым большим из пяти, — сказал Ор.

— Да, вождь. На открытом поле победить их не получится. Кроме того, у чужаков наверняка есть и другие воины. Эти два отряда — лишь часть их сил, остальные остались охранять племя, — сказал Лавв.

В кругу повисла тишина. Аборигены осмысливали услышанное.

— Первый путь — самый опасный. Он может привести к полному истреблению ваших племён. Второй путь — постоянно кочевать и искать новые земли. Но и там вас будут преследовать, и рано или поздно всё равно придётся принять бой, — продолжил Лавв.

— Мы не боимся ни боя, ни смерти. Если понадобится, все как один отдадим жизни за нашу землю и наших людей, — уверенно произнёс Ор.

— Я знаю, вождь, что вы не боитесь смерти и что погибнуть в бою для воина — лучшая доля. Но если вы погибнете, кто позаботится о ваших детях, женщинах и стариках? Страшно даже представить, что сделают с ними людоеды. Можно оставаться гордым воином и мечтать о героической гибели, когда знаешь, что твои дети находятся в безопасности. Но когда под угрозой само существование племён, необходимо любым способом сделать так, чтобы выжили они, — сказал Лавв, указав на девочку, сидевшую у него на плече, и на остальных детей.

— Есть ли у тебя дети, уважаемый Лавв? — тихо спросил Ор.

— Нет, вождь. Я ещё ученик шамана. Когда стану шаманом, смогу жениться и заведу много детей. Отец уже подыскивает для меня невесту, — с улыбкой ответил Лавв, вспомнив разговор с отцом и предложенных им кандидаток.

— Твой отец — воин или шаман?

— Простой земледелец. Он выращивает растения, плоды и деревья.

— Почему же ты не стал таким, как он?

— Всему своё время. Возможно, когда-нибудь и стану. А пока должен принести своему народу столько пользы, сколько способен, — ответил Лавв.

Вождь Ор опустил голову и уставился на шкуру перед собой. Спустя несколько секунд он вновь уверенно поднял взгляд.

— Что же ты посоветуешь нам, уважаемый Лавв?

— Если бы я оказался на вашем месте, то выбрал бы третий путь и поступил так же, как поступили чужаки, — сказал Лавв, удивив всех, и сразу пояснил: — Я посоветовал бы вашим племенам уйти с этих земель и найти новые.

— Ты думаешь, чужаки покинули свои земли ради спасения детей?

— Да, вождь. Я в этом уверен. Мне доводилось видеть земли, откуда они пришли: богатые леса, реки и озёра, полные рыбы. Они ушли оттуда, потому что сами спасались. Видимо, более сильное племя или союз племён прогнали их.

— Но куда нам идти? Везде люди, везде чужие земли, — спросил Ор.

— Не все земли заняты, вождь. Если вы переправитесь через большую реку и будете долго идти туда, где не бывает высокого солнца, то найдёте хорошие свободные земли. Чем дальше, тем холоднее. В сезон дождей там с неба падают капли воды, превратившиеся в холодный белый пух. Он покрывает землю, и всё вокруг становится белым. Но когда возвращается высокое солнце, этот пух тает, превращается в воду и уходит в землю или ручьями стекает в реку. Тогда там становится так же тепло, как здесь, — сказал Лавв.

— Почему же там нет племён, если земля свободна?

— Потому что люди ещё не научились там жить. В холодное время нужно носить много шкур, укутывать ноги кожей и мехом, чтобы сохранять тепло. Вигвамы придётся строить из

толстых брёвен и часто топить очаг. Если вы отправитесь туда, возьмите как можно больше шкур, мехов и кожи. Сделайте одежду, которая будет закрывать всё тело, ноги и голову. Похожую на мою, — ответил Лавв.

— Ваш народ тоже живёт на холодных землях?

— Да, очень далеко отсюда, за большой водой. Мне там нравится. Нравится холод и нравится, когда после времени снегов приходит тепло, всё оживает и расцветает. Это очень красиво, — ответил Лавв.

Затем он объяснил аборигенам, как построить деревянный или каменный дом, сложить простую печь и перекинуть мост через реку. Хранитель Пат тщательно зарисовывал всё на пальмовом листе.

Следующий лист посвятили устройству союза племён. Главным вождём единогласно избрали Ора. Под его началом оказались все триста воинов. Двести составляли основную силу под непосредственным командованием Ора и его первого воина. Вождь племени Длинные Волосы возглавил разведывательный отряд из сорока воинов. Вождю племени Большой Бык поручили охрану деревень, выделив ему шестьдесят воинов. Шаманы, старейшины и хранитель Пат взяли на себя изготовление оружия и подготовку к переселению. Были также согласованы правила совместной жизни, порядок в союзе и учреждён совет племён.

— Теперь я покажу вам, как делать оружие и щиты. Хранитель Пат всё отметит на третьем листе, — сказал Лавв и принялся за дело.

В центр круга принесли заготовленные материалы: палки, верёвки, лианы и бамбук. Вместе с помощниками Лавв изготовил четыре щита. Затем из подходящих веток и верёвки сделал лук и несколько стрел. Из лиан сплёл верёвку и смастерил пращу для метания камней. После этого показал, как пользоваться каждым видом оружия. Когда воины освоили основы, он продемонстрировал несколько приёмов рукопашного боя и заставил их повторять снова и снова. Затем объяснил основные принципы тактики и стратегии: как передвигаться, запутывать следы и уходить от преследования.

Когда обучение завершилось, аборигены разошлись по своим делам. У одних костров готовилась еда, в дальнем конце площади продолжали тренироваться воины.

Вождь Ор обратился к оставшимся:

— Мои соплеменники, наши гости и уважаемый Лавв. Сегодня вечером, перед закатом, мы отпразднуем объединение племён и поблагодарим тебя за помощь и мудрые советы. Перед тем как ты покинешь нас, мы преподнесём тебе подарок.

После этого делегация вождей, шаманов и старейшин направилась к племенам Лесной Олень и Острый Камень. Для них уже подготовили по три вигвама, разложили шкуры и принесли провиант. Немногочисленные уцелевшие обживали новое место: разглаживали шкуры, разводили костёр между жилищами, устраивали места для сна. Несмотря на то что совсем недавно они потеряли близких и сами чудом спаслись, держались они спокойно. Для этих людей жизнь и смерть были двумя сторонами одного целого.

К Лавву подошла девушка — сестра раненого юноши. Она склонила голову и приложила руку к груди.

— Хочу поблагодарить тебя, уважаемый Лавв, за то, что помог нам и спас моего брата. Прими этот подарок от всех нас. Я сделала его сама.

На раскрытой ладони лежал кожаный браслет.

— Благодарю тебя красавица, но грязнуля. Если ты хочешь хорошего мужа, тебе нужно следить за собой и почаще умываться, — с улыбкой сказал Лавв.

Она и в самом деле была вся в саже и пыли, хотя даже это не могло скрыть её красоты. Однако аборигены почему-то не засмеялись. Девушка, которую звали Ари, удивлённо посмотрела на Лавва, затем на вождей. Не найдя, что ответить, она смущённо улыбнулась, кивнула и быстро убежала.

Лавв принялся рассматривать браслет. Тем временем вожди начали многозначительно переглядываться и посылать своих людей с какими-то поручениями. Лавв надел кожаный браслет с изображением дерева на левое запястье.

Затем к нему подошёл вождь племени Острый Камень с двумя маленькими девочками и мальчиком.

— О уважаемый Лавв, прими от нас этот дар в знак благодарности.

Маленькая девочка протянула обе ладошки. На них лежал каменный нож. Деревня этого племени находилась возле большой острой скалы, откуда и произошло его название. Жители славились искусством обработки камня. Нож был изготовлен из цельного куска: длинное лезвие напоминало наконечник копья, а сверху располагалась круглая рукоять. Работа была выполнена очень искусно, с правильными пропорциями. Лавв с благодарностью принял подарок.

Затем вся группа во главе с Ором и Лаввом обошла малый круг. Хозяева с гордостью рассказывали гостям, как размечали улицы, начиная от места, где теперь стоял вигвам племени. Осмотрев центральную часть деревни, все вернулись на поляну, где уже собралось немало людей.

Вождь Ор подвёл Лавва к группе молодых людей и указал на девушку:

— Моя внучка Ади.

Девушка лет шестнадцати улыбнулась, склонила голову и приложила руку к груди. Лавв ответил на приветствие. Затем вожди племён Длинные Волосы и Большой Бык поочерёдно подводили к нему молодых девушек и представляли их.

«Прямо как смотрины, — подумал Лавв. — Только отца не хватает. Он обожает подобные мероприятия».

По всей поляне уже разносились запахи жареного мяса, рыбы и фруктов. Женщины хлопотали вокруг костров. Людей становилось всё больше: кто-то уже притоптывал в такт музыке, остальные наблюдали.

— Уважаемый Лавв, прошу тебя занять место в круге племён. Мы хотим преподнести тебе дары и испить с тобой из чаши мира.

— Хорошо, вождь. Только позволь мне сначала сходить в вигвам. Я тоже хочу сделать вам подарки.

Обрадованный Ор кивнул. Лавв в сопровождении старейшины дошёл до вигвама, попросил его подождать снаружи и вошёл.

Внутри никого не было. Лавв сел спиной к выходу рядом с рюкзаком и первым делом включил Амулет. Подключившись к спутнику, он просканировал местность в радиусе пятнадцати километров. Всё было в норме, за исключением двух больших групп людей в трёх километрах выше по ручью. Это были союзные племена.

Затем Лавв увеличил радиус сканирования. В деревне племени Длинные Волосы никого не оказалось. Зато на окраине деревни племени Большой Бык находилось около тридцати человек. Он уточнил параметры: почти половина из них — дети.

Что это могло означать? Чужаки? Но зачем им дети и почему они находятся на окраине, а не внутри деревни? Скорее всего, это беглецы из захваченных поселений.

Лавв отключил Амулет, открыл рюкзак, отобрал подарки и сложил их в небольшую сумку. Рюкзак оставил в вигваме, шляпу повесил повыше и включил режим маскировки.

С сумкой в руках он вернулся на поляну и занял своё место. Вождь поднял руку, и все сразу затихли.

— Сегодня наши пять племён объединились, чтобы стать сильнее и вместе противостоять чужакам. В этом нам помог уважаемый друг наших племён Лавв. Скоро он покинет нас, поэтому мы хотим преподнести ему дары. От себя и от племени Белая Вода я дарю тебе это копьё, украшенное камнями, — сказал Ор и вручил Лавву красивое оружие.

Лавв поблагодарил его и достал свои подарки.

— Лично тебе, вождь, я дарю свой нож с ножнами. Племени Белая Вода — термофляжку для воды. А твоим внукам — маленький вигвам.

Он положил перед Ором все три подарка. Вождь внимательно осмотрел нож и ножны, а затем с помощью Лавва прикрепил их к поясу. После этого изучил термофляжку, выслушал объяснение и передал её шаману Воку.

Третий подарок поставил Ора в тупик. Небольшой сферический предмет совсем не походил на вигвам. Лавв потянул за шнур, и палатка мгновенно раскрылась. Он потянул ещё раз — она снова свернулась в компактную сферу. Некоторые аборигены вскрикнули от неожиданности. Ор сам несколько раз раскрыл и сложил палатку и даже успел посидеть внутри.

Вождь племени Большой Бык преподнёс Лавву короткую кожаную куртку и бубен, а взамен получил широкий ремень и складной нож. Вождь длинноволосых вручил красивый топор. Лавв подарил его племени небольшую подзорную трубу и запасную пару обуви. Вождю племени Острый Камень достались молоточек для обработки камня и огниво, а вождю племени Лесной Олень — ножницы, иглы для вышивания и спальный мешок.

Вожди принялись рассматривать подарки и показывать их друг другу. Особенно всем понравился большой нож.

— Как вы уже знаете, я ученик шамана и умею разговаривать с духами. Они поведали мне, что в деревне племени Большой Бык пока нет чужаков, но там находятся люди из племён Лесной Олень и Острый Камень. Они прятались в лесу, а потом пришли в деревню в поисках помощи. Среди них много детей. Всего там около тридцати человек. Их нужно забрать и привести сюда. Пусть вождь племени Длинные Волосы со своими воинами отправится туда завтра на рассвете и найдёт их. Нужно спешить, пока чужаки не заняли деревню, — сказал Лавв.

Вожди вопросительно посмотрели на шаманов. Те закатили глаза и забили в бубны. Спустя некоторое время все трое подтвердили слова Лавва. Представители племён, чьи люди скрывались в деревне, радостно зашумели.

— Хорошо, уважаемый Лавв. На рассвете мы отправимся туда, — сказал вождь длинноволосых.

Затем начался праздник. Принесли угощения, запечённые на огне. Люди ели, пили и танцевали. Танцы аборигенов больше напоминали боевые упражнения. Была и музыка — своеобразная: люди стучали палками, хлопали в ладоши и ритмично улюлюкали.

Лавв сидел в кругу, разговаривал с вождями и ел запечённые фрукты и овощи. Затем принесли хмельной напиток — забродивший сок каких-то плодов. Все заметно оживились. Лавв уже не раз пробовал травяные настойки и вино и хорошо переносил хмельное, поэтому выпил не раздумывая. Ему сразу налили ещё. Он пожелал племенам победы и богатых новых земель, после чего осушил вторую пиалу. Вскоре почувствовал, как становится весело и легко.

— Расскажи нам, уважаемый Лавв, про те земли, о которых ты говорил, — попросил его вождь Ор.

— Я вам могу показать те места, где я живу, — сказал весело Лавв.

— Ты возьмёшь нас с собой? — удивился Ор.

— Нет, вождь. Я же почти шаман. Ты что, забыл? — спросил захмелевший Лавв.

— Нет, нет, мы помним, — ответил Ор, уже тоже в похожем состоянии.

Остальные радостно закивали, улыбаясь во всё лицо.

— Вы же видели, как у меня светятся глаза. Так вот, я могу вам показать то, что видели мои глаза. Только не сходите со своих мест, когда я начну светить, и не становитесь впереди меня, а то можете ослепнуть, — сказал Лавв.

Он поднялся и отошёл к краю поляны так, чтобы все оказались у него за спиной. Оглянулся — впереди никого не было. Затем расстегнул три верхние пуговицы рубахи и раздвинул её, чтобы Амулету ничего не мешало. Сбоку устройство всё равно оставалось незаметным.

Лавв включил Амулет и тихо прошептал на своём языке:

— Показать сюжеты из личного архива. Тематика: времена года. Краткий фильм от первого лица продолжительностью в один год. Исключить всё техническое, особенно роботов. Начать показ. Максимальный размер экрана. Без звука.

Из Амулета вырвались разноцветные лучи, и одновременно засияли глаза Лавва. Тем, кто стоял сзади и сбоку, казалось, будто свет исходит прямо из них. На расстоянии десяти метров возник огромный экран. Краем глаза Лавв заметил, как один из аборигенов лишился чувств и рухнул на землю.

— Не бойтесь. Это лишь игра света. Того, что вы видите, здесь на самом деле нет, — предупредил Лавв.

На экране появился мужчина с аккуратной бородкой, одетый в зимнюю одежду. В него прилетели два снежка: один попал в голову, другой — в руку. Мужчина улыбнулся и тоже начал бросаться снегом в двух маленьких детей.

— Это мой отец, брат и сестра. А всё белое вокруг — тот самый холодный пух, — объяснил Лавв.

Затем показали деревянный дом снаружи и изнутри. Человек подошёл к печи и заглянул внутрь — там горел огонь.

— В таких жилищах мы живём зимой. Внутри находится очаг, который согревает дом даже в сильный холод.

Следом появились сюжеты с замёрзшей рекой, по льду которой бегали дети. Потом пришла весна: снег таял, превращаясь в воду, лёд трескался и плыл по реке большими глыбами. Пробивалась трава, распускались цветы. На фоне леса и зелёного луга люди весело плескались в реке. Затем наступала осень, начиналась уборка урожая. После вновь выпадал снег, и всё вокруг становилось белым. В завершение показали, как строят дома из дерева и камня.

Лавв комментировал каждый сюжет, стараясь объяснять увиденное понятными для аборигенов словами. Затем тихим шёпотом отключил Амулет, спрятал его под рубахой и повернулся к людям.

Сказать, что аборигены были удивлены, — значит не сказать ничего. Они молча стояли, уставившись в то место, где только что находился экран.

— Вот так мы живём. Если вы уйдёте в такие земли и научитесь там выживать, ваша жизнь тоже со временем станет похожей на нашу, — сказал Лавв, возвращая всех в настоящее.

После этого посыпались вопросы. Вожди, шаманы и простые аборигены наперебой расспрашивали его об увиденном. Лавв терпеливо отвечал каждому.

Праздник продолжился. Снова принесли хмельной напиток. Люди пили, ели и плясали. Лавв тоже не отказывался от угощения, а когда начались общие танцы, присоединился к ним, подражая движениям аборигенов. Его окружили представители всех пяти племён. Они плясали рядом и громко восхваляли его.

Лавву было хорошо, и не только из-за хмельного напитка. Он чувствовал себя частью этого мира, единым целым с людьми пяти племён. Он радовался тому, что сумел им помочь и, возможно, уберёг от полного уничтожения.

Лавв улыбался окружающим, и они отвечали ему тем же.

Он поднял голову и посмотрел в ночное небо. Там в своём ритме плясали миллионы звёзд — то подмигивая, то исчезая, то рождаясь вновь.

12. Ожерелье из четырёх жемчужин

Лавв открыл глаза и увидел над собой купол вигвама, утопающего в зелёном свете. Солнце уже взошло и просвечивало пальмовые листья.

«Почему я не ушёл на базу? Что произошло? Ничего не помню. Помню танцы, помню — принесли хмельной напиток, снова танцевали…» — думал Лавв.

Только сейчас он в полной мере осознал, сколько правил и запретов нарушил вчера. За одно лишь вмешательство в жизнь аборигенов, обучение их и вручение подарков можно было потерять место в академии и лишиться всех достижений и статусов. А ещё показал аборигенам фильм. За себя Лавв не тревожился — но из-за него мог пострадать учитель Сан Тагон, и родителям пришлось бы выслушивать немало нелестного о сыне. С другой стороны, пройти мимо и не помочь детям он тоже не мог.

Нужно было как можно скорее добраться до базы. Лавв приподнялся и сел. На мускулистом теле не было ничего, кроме Амулета. Он скинул с себя кусок шкуры и огляделся.

То, что он увидел, превращало все вчерашние выходки в детскую шалость.

В вигваме кроме него спали три совершенно голые девушки, лишь чуть прикрытые шкурами и мехами. Это были те самые, кого вчера ему представляли вожди трёх племён: Ади — внучка вождя Ора, Эна — из племени Большой Бык, и Иси — дочь вождя длинноволосых. Три красивые и молодые девушки. Следы на их телах и пятна на подстеленных шкурах не оставляли сомнений в том, что с ними произошло этой ночью — и в том, что именно он был тому причиной. Лавв закрыл от досады глаза, опустил голову и несколько секунд недоумённо качал ею из стороны в сторону. Затем закрыл лицо руками и заставил себя взять себя в руки. Вернул внутреннее спокойствие и холодный ум и начал думать.

Всё сразу стало понятно. Вожди не могли решить, кто из них породнится с Лаввом, — в итоге сговорились, подпоили его и отправили к нему всех трёх девушек. Остаться с ними Лавв не мог и не хотел. Если его раскроют как нарушителя правил пребывания на Эрзетте — одно дело. Но если станет известно то, что произошло этой ночью, — последствия будут совсем другими. Нужно срочно возвращаться: только так можно попытаться избежать больших неприятностей для себя и близких. Полностью скрыть вчерашнее не получится — при прохождении карантина в его биополе обнаружат следы близости с аборигенами. А учитывая, что и девушки, и он сам впервые в жизни занимались этим, следы будут очень отчётливыми и незамеченными не останутся.

Мысли сменяли одна другую мгновенно. Опережающий мозг Лавва за несколько секунд перебрал множество вариантов и обозначил лучший путь из этой западни.

Лавв тихо встал, чтобы не разбудить девушек и не привлечь внимания аборигенов снаружи, и принялся собирать одежду, выискивая её под шкурами. Подняв одну, он увидел ещё одно пятно на жёлтой шкуре.

«Это четвёртое пятно, а девушек всего трое», — подумал он.

Самым удивительным в этой мысли оказалось слово «всего». Значит, одна из ночных гостий уже ушла.

Девушки начали просыпаться. Лавв быстро приблизился к ближайшей, приложил руку к её голове и отправил обнажённую красавицу обратно в мир сновидений. Тем же приёмом погрузил в сон вторую, а третьей продлил его на всякий случай. В его распоряжении было не больше получаса.

Закончив одеваться, Лавв нашёл рюкзак и шляпу. Проверив содержимое, с сожалением констатировал: исчезли сканер и раскладная трость с лазерной установкой. Плохо думать о возможных новых родственниках он не стал — просто добавил пропавшее в список подарков. Управлять этими устройствами мог только тот, у кого есть ключ-кольцо с разрешением.

Для аборигенов сканер и трость были всего лишь непонятными штуками. К его радости, всё остальное оказалось на месте — включая оба браслета-излучателя.

Лавв достал из маленького кармашка рюкзака четыре нити для ожерелья и четыре жемчужины среднего размера. Специальным прибором, похожим на шариковую ручку, проделал в каждой жемчужине отверстие. Внутрь вживил датчик местонахождения, микросканер с излучателями вибрационных волн разного диапазона и ячейку памяти — на неё перенёс большое количество информации из своего Амулета. Настроил каждую жемчужину на нужную частоту, установил необходимые программы. Запаял отверстия, проделал дырочки для нити, нанизал на каждую плетёную изоляцию, полностью скрывшую под собой композитную нить. После этого надел ожерелья из одной жемчужины на каждую из трёх девушек, намертво припаяв концы нитей друг к другу.

Теперь Лавв мог отслеживать местонахождение своих подопечных даже с Астерры. Чтобы не привлекать внимания к исходящему от жемчужин сигналу, он настроил их на один импульс в сутки, а по возвращении на базу собирался внести эти датчики в базу данных академии как объекты для возможного изучения. Электронный разум и учёные академии не смогут начать изучение подобных объектов без его согласия.

Второе устройство в каждой жемчужине сканировало физическое состояние носительницы и работало с вибрационными волнами для лечения некоторых болезней и недугов. При сильном испуге — когда в крови резко вырастал уровень соответствующих гормонов — жемчужина на короткое время становилась излучателем страха, защищая носительницу. Кроме того, девушки с этими ожерельями могли беспрепятственно проходить через зону действия любых излучателей страха — в том числе на базе Лавва или любой другой базе.

Встроенный в жемчужину мини-ЭР хранил знания и информацию тысяч книг. И самое главное — в нём было записано послание тому, кто когда-нибудь сможет его прочитать. Лавв и сам не собирался надолго исчезать из поля зрения пяти племён: в его планах было навещать своих друзей — и, возможно, детей — хотя бы раз в полгода. Законное основание для таких посещений он заложит, когда внесёт данные четырёх жемчужин в базу академии. Как говорится — ничего личного, только работа.

Закончив все манипуляции, Лавв заботливо укрыл каждую девушку мехами и шкурами, сделал фото и короткую видеозапись. Срезал у каждой по небольшому локону волос и убрал в отдельные пронумерованные пакетики. Прядь четвёртой девушки он нашёл рядом с пятнами — светлую. Лавв сразу понял, кто была она. Кроме того, взял пробу крови каждой из троих.

Закинув рюкзак на спину, направился к выходу. У стены лежали подарки аборигенов — уложил их в рюкзак, взял в руки копьё, включил невидимость и вышел из вигвама.

На дворе было ещё почти пусто. Несколько женщин неспешно разводили огонь, готовясь к утренней стряпне. Лавв осмотрелся и направился ко двору племени Лесной Олень. Пройдя через площадь, вышел на поляну, где вчера проходили гуляния. На земле он сразу заметил раскуроченный сканер — похоже, кто-то из аборигенов разобрал его копьём. Собрал остатки и убрал в рюкзак. Раскладной трости нигде не было — она, видимо, понравилась больше, чем непонятный прибор.

Миновав поляну и ручей, Лавв подошёл к территории племени Лесной Олень. Заглянул по очереди во все вигвамы. Светловолосой красавицы нигде не было. Подошёл к костру, у которого сидели старая женщина, упитанная женщина средних лет и юноша с зафиксированной рукой — жевали что-то, запивая фруктовым чаем. Лавв сел рядом с юношей и отключил невидимость. Аборигены оцепенели, увидев рядом с собой незнакомца, но быстро пришли в себя и поприветствовали его. Лавв ответил тем же.

— Как рука, воин?

— Благодарю тебя, уважаемый Лавв. Намного лучше. И спал хорошо.

Женщина подала Лавву горячий фруктовый чай. Он принял пиалу и сделал несколько глотков.

— Благодарим тебя, уважаемый Лавв, за помощь нашему племени, за то что вылечил руку моему внуку и за то, что выбрал Ари, — сказала старуха.

— Она была со мной этой ночью?

— Да. Она хорошая девушка и очень рада, что ты был её первым мужчиной.

— Где она? Я хотел попрощаться с ней и надеть ей на шею вот это ожерелье, — сказал Лавв и показал его.

— Ари ушла с воинами вождя племени Длинные Волосы. Она единственная из нашего племени, кто осилит дорогу и узнает своих людей. Вождь племени Острый Камень тоже ушёл с ними, — ответил юноша.

— Передайте ей это ожерелье. Пусть носит его на шее — тогда я смогу помогать ей и защищать её.

Он объяснил аборигенам, как надевать ожерелье: нужно расправить концы нити раскалённым углём из костра и прижать их друг к другу. Затем передал мини-Амулет юноше, попрощался, встал и пошёл. Зашёл за вигвам и включил шляпу — исчез из виду. Юноша вышел вслед посмотреть, куда делся его спаситель, но увидел лишь пустоту. Мирно улыбнулся и решил для себя: посвятить жизнь тому, чтобы стать похожим на Лавва.

Лавв вышел из деревни по той же дороге, что и вошёл вчера. Включил оба излучателя страха и перешёл на бег, устремившись к базе. Добежав до реки, остановился, выпил упаковку воды и включил Амулет. Группа из сорока воинов прошла уже половину пути к деревне, где прятались беглецы. Чужаков нигде не было, тридцать человек оставались на прежнем месте. Выключив Амулет, он продолжил путь по берегу реки.

Лавв бежал и снова и снова прокручивал в голове всё, что произошло за последние сутки. Каждый момент, когда всё пошло не так, как он планировал.

Начиная с решения срезать путь и заканчивая пробуждением этим утром — он замечал в своём поведении что-то странное. Он действовал не так, как всегда: не обдумывал каждый шаг, а двигался, будто в полусне — лишь частично владея собой, будто кто-то другой принимал решения вместо него. Этот кто-то другой был он — но не такой, как обычно. Он не размышлял, он просто делал.

И, пожалуй, предложи ему сейчас вернуться во вчерашний день — в тот самый момент выбора дороги, — он, несмотря ни на что, повторил бы всё.

Действуя больше на уровне инстинкта, он спас троих детей от гиен, остановил вражду между племенами, возможно убедил их уйти — и тем самым уберёг от уничтожения. И ночь с четырьмя аборигенками — о которой он не помнил почти ничего — и мысль о том, что он может стать отцом и дать жизнь новым людям, грела сердце, несмотря на все стоявшие впереди неприятности.

Быстро преодолев расстояние до отвесной стены, он активировал систему подъёма. Толстый трос спустился вниз и поднял Лавва на гору. Он зашагал к северным воротам и вскоре вошёл в них.

13. Пламенный танец

Первым делом Лавв зашёл в лабораторию, чтобы закончить главное дело, ради которого уходил. Он перенёс результаты сканирования Смышлёного и его спутницы со своего Амулета в ЭР базы, а затем составил отчёт о походе. К нему приложил объяснение, почему задержался до утра. Лавв ничего не соврал — просто рассказал не всё. Согласно отчёту, он двигался по саванне, используя все предписанные меры предосторожности: оба излучателя страха и систему невидимости. Неожиданно в него прилетело копьё, которое чудом не попало в голову, но сбило шляпу. Выяснилось, что два враждующих племени начали сражение, и он оказался между ними. Пришлось дождаться утра, чтобы не попасть в новую переделку. Когда всё утихло, Лавв продолжил путь. Главное — он остался цел и невредим. Навыки, полученные в академии, позволили ему не пострадать самому и не причинить вреда аборигенам. Единственной потерей стал сканер, вышедший из строя после удара копья.

Отправив отчёт, Лавв занялся повседневной работой: передал данные с датчиков наблюдаемых объектов и селекционных животных. Быстро закончив с этим, он зашёл в Донк-Систему, выгрузил подарки пяти племён, а также собранные образцы и локоны четырёх девушек, аккуратно разложив всё по местам в отсеке-хранилище. Затем принял душ, переоделся в обычную одежду и снова вернулся в Донк. Нужно было заполнить всё свободное место, чтобы не возвращаться домой полупустым. Он взял рюкзак и две большие сумки и отправился в яблоневый сад.

Неторопливая прогулка по саду, совмещённая со сбором яблок, доставляла удовольствие. Несколько крупных спелых плодов Лавв съел прямо на ходу. Рюкзак и сумки вскоре наполнились доверху. Вместе с теми яблоками, что уже лежали в грузовом отсеке Донка, их общий вес превышал пятьсот килограммов. Часть урожая он собирался раздать коллегам в академии и учителю Сан Тагону, остальное отвезти родителям. Обычно они половину раздавали родственникам и друзьям, а из оставшегося готовили пироги, варенье и даже настойку, которую отец в шутку называл «Из яблок с Эрзетты».

Разложив яблоки по ящикам, Лавв направился в жилой Овал. В кухонном отсеке он поставил в печь припасённый накануне плод Юна на тарелке под прозрачной крышкой и включил таймер. Пока еда готовилась, отправился во внутренний лес. Как раз прозвучала сирена, созывавшая его обитателей на водопой. Пройдя по тропе через густые заросли, он вышел к плантации Юнов. Хищника поблизости не оказалось. Лавв быстро наполнил обе сумки и рюкзак спелыми плодами, вернулся на базу и выгрузил урожай в грузовом отсеке Донка. Теперь все запасы были собраны.

Достав из печи готовый запечённый плод, он поставил его на деревянный стол. Ел молча, а мыслями снова был в деревне аборигенов, где остались его друзья и, возможно, будущие родственники. Узнает он об этом лишь через девять месяцев. До этого времени ещё нужно было дожить, а в условиях, в которых оказались пять племён, сделать это будет непросто. Помочь им больше, чем он уже сделал, Лавв не мог — разве что бросить всё и остаться с ними. Но такой, на первый взгляд благородный, поступок лишь ухудшил бы положение и его самого, и аборигенов. При сканировании местности его быстро обнаружат, даже если он избавится от Амулета. Это автоматически сделает его преступником. Все жители системы обязаны носить Амулеты с рождения. Когда стражи выйдут на след беглеца, они неизбежно проверят и ближайшие племена аборигенов, а то, что они там обнаружат, ничем хорошим не закончится. Оставался единственный выход: оставить всё как есть и навещать племена, когда появится возможность.

Закончив обед, Лавв прибрался и взглянул на часы. До отлёта оставалось одиннадцать часов. Прежде всего следовало поспать хотя бы четыре часа. Он вышел из жилого Овала, подошёл к гамаку, лёг в него и почти сразу уснул.

Проспал Лавв чуть больше двух часов, затем проснулся и больше уже не смог заснуть. Тревожное предчувствие не давало покоя — то самое, которое он испытывал при расставании с Жемчугом и Смышлёным. Прислушавшись к себе, он решил больше не пытаться уснуть. В ближайшие часы могла решиться его судьба, и гораздо разумнее было подготовиться к прохождению карантина. Именно там станет ясно, продолжит ли он карьеру или будет наказан за вмешательство в жизнь аборигенов. Главной уликой, способной вызвать проверку, оставались следы в биополе, оставшиеся после прошедшей ночи. Лавв знал, как устранить подобные следы, но для этого требовались либо время, либо специальное оборудование. Ни того, ни другого в достаточном количестве у него сейчас не было. Ещё немного полежав в гамаке и глядя на переплетение ветвей над головой, он окончательно продумал дальнейший план действий и сразу приступил к его выполнению.

Собрав в рюкзак всё необходимое, Лавв вышел через северные ворота. Он решил совместить полезное с приятным — или, точнее, необходимое с обязательным, — свернул направо и направился в обход южной части территории базы.

Как и накануне, он прошёл по длинной трёхглавой сопке, спустился с неё и обогнул озеро с юга. Затем тропа снова пошла вверх, ко второй длинной сопке. Именно это возвышение и было целью его похода. Лавв подошёл к отвесной скале и, не торопясь, начал подъём, цепляясь пальцами за небольшие выступы и трещины в граните. Он уже не раз поднимался сюда и хорошо знал каждый уступ, но на этот раз за спиной висел тяжёлый громоздкий рюкзак. Поэтому подъём оказался немного медленнее обычного. Впрочем, вскоре Лавв уже стоял на широкой плоской вершине, вытянутой, словно гигантская барная стойка.

Пройдя около ста метров на восток, он остановился на своём любимом месте и сбросил рюкзак. Отсюда открывался широкий обзор почти во все стороны света — только на севере горизонт закрывала главная гора. Этот участок вершины был самым ровным, словно его специально выровняли.

Лавв начал доставать оборудование. Сначала собрал шесть высоких подставок на тонких трёхпалых ножках и расставил их по кругу в четырёх метрах от центра. На каждую установил небольшой аппарат, напоминавший гранёный камень, — все они отличались цветом. Между подставками поставил переносные факелы и зажёг их. Затем включил аппараты и отошёл в центр круга.

Медленно разведя руки в стороны, Лавв начал вращаться вокруг своей оси. Постепенно скорость увеличивалась, пока ноги не оторвались от поверхности скалы, а он сам не завис в воздухе. Пламя факелов заметалось, отклоняясь в разные стороны. Затем огонь всех шести факелов вытянулся вслед за вращением Лавва и сомкнулся в единое огненное кольцо. Оно становилось всё плотнее и шире. Когда пламя коснулось аппаратов на подставках, из них вырвался светлый плазменный огонь, смешавшийся с обычным пламенем. Вокруг Лавва выросло сияющее плазменное кольцо. Оно набухало, внутри него вспыхивали миниатюрные молнии и пробегали ослепительные вспышки. Когда кольцо достигло предела плотности, оно внезапно лопнуло и растеклось по гранитной площадке сверкающим ковром. Потоки искр каскадами сорвались с обеих сторон скалы, словно живая светящаяся скатерть, и угасли, так и не долетев до земли.

Лавв постепенно замедлил вращение, остановился и мягко опустился на гранит. Вены на его руках вздулись и мерно пульсировали. Лицо, перепачканное сажей, оставалось совершенно неподвижным, а взгляд излучал спокойствие и умиротворение. Он пребывал в состоянии полной безмятежности — ни о чём не думал, ни о чём не тревожился. Он просто был.

— Танец влюблённых, — едва слышно прошептал Лавв.

Амулет уловил его слова, и зазвучала музыка для медленного танца. В воображении Лавв кружился с любимой девушкой. Они были одеты в праздничные одежды, нежно обнимали друг друга, улыбались и не сводили глаз. Лицо девушки растворялось в сиянии света и счастья. Лавв

вёл её в танце: то приближаясь к самому краю скалы, то снова возвращаясь к центру, где они кружились в потоке мягкого романтического света.

Когда музыка стихла, видение постепенно растаяло, возвращая его в действительность.

Лавв быстро собрал оборудование, уложил его обратно в рюкзак, закинул его за плечи и неспешно направился по вершине сопки к западному склону. Он шёл то вдоль южного края, то вдоль северного. Достигнув конца скалы, легко спустился вниз, перепрыгивая с камня на камень, и спокойным шагом направился к базе.

После огненного очищения ему уже никуда не хотелось спешить. Не было желания никому ничего доказывать. Лавв просто шёл вперёд, сохраняя внутреннюю безмятежность и ощущая готовность встретить всё, что приготовила судьба.

Вернувшись на базу, он отнёс рюкзак в лабораторию и разложил оборудование по местам. Затем обошёл все пять огородов, посмотрел, как подрастают кустики, высаженные два дня назад. Всё работало безупречно. ЭР базы чётко управлял всеми процессами.

Закончив обход, Лавв перенёс часть вещей в Донк-Систему и аккуратно разместил их по местам. Его служебный межпланетный корабль давно стал для него домом — после родительского поместья, квартиры на Аризне и самой базы. Именно Донк соединял все эти места, перевозя хозяина и его грузы из одного уголка системы в другой. За годы учёбы Лавв вместе с учителем Сан Тагоном и коллегами облетел всю Астерру, побывав на каждом её континенте и множестве островов. Они изучали флору и фауну, участвовали в научных проектах, заглядывали в жерла вулканов и спускались глубоко под поверхность планеты.

За эти годы Донк стал для Лавва настоящим другом, рядом с которым было просто хорошо находиться. И сейчас он пришёл к нему не затем, чтобы что-то сделать, спросить или проверить. Ему хотелось лишь немного побыть рядом и набраться сил перед новым, очень важным этапом своей жизни.

14. Последний вечер на Эрзетте

До отлёта оставалось шесть часов. Всё необходимое было уже сделано, поэтому оставшееся вечернее время Лавв решил провести в своё удовольствие. Пока светило солнце, он собирался полежать на пляже и ещё раз окунуться в морскую воду.

Покинув Донк, Лавв направился на восток, как всегда выйдя через северные ворота. По дороге он зашёл к роднику. Вдоволь напившись ключевой воды, разделся по пояс, снял мокасины и встал под струю водопада. Наслаждаясь прохладой живой воды и чувствуя необыкновенный прилив сил, он смотрел на мир сквозь прозрачные потоки. Вода играла и переливалась, то искривляя пространство, то удаляя и приближая предметы, то показывая всё таким, каким оно было на самом деле.

Ещё немного побродив босиком, Лавв поблагодарил воду за то, что она утолила жажду и охладила тело после огненного обряда. Поблагодарил великую стихию за очищение, за силу, которой она всегда наполняла его, за то, что была частью его самого и всего окружающего мира.

Взяв в руки рубаху и мокасины, Лавв зашагал вниз по склону к морю. Там, на без преувеличения райском уголке мироздания, он раскинулся на горячем песке, подставив тело лучам родной звезды, чтобы они согрели его и наполнили светом. Он катался по песку, бежал навстречу волнам, снова ложился и осыпал себя белым тёплым песком. Тот прилипал к загорелой коже, а затем приятными крупинками осыпался с неё, быстро высыхая на солнце.

Потом Лавв бродил по пляжу, собирая красивые ракушки и камешки. Снова входил в море, чтобы встретить набегающую волну, нырнуть под следующую и полюбоваться прибрежным подводным миром: разноцветными рыбками, яркими кораллами и лучами света, пронизывавшими воду до самого дна. Затем выходил на берег и просто лежал на песке, любуясь голубым небом, вдыхая морской бриз и слушая шум прибоя.

Вволю насладившись отдыхом, он ещё раз окунулся, надел рубаху на мокрое тело и пошёл вдоль берега. Недалеко от северного края пляжа на берег выбрались уже знакомые черепахи с оранжевыми пятнами на панцирях. Чтобы не спугнуть их, Лавв обошёл животных стороной и помахал им издали.

Затем он поднялся по тропинке и, миновав малую гору, направился к вершине большой. Забравшись на каменный пьедестал, Лавв встал лицом к миру и принялся глубоко дышать, наполняя себя чистым свежим воздухом.

Некоторое время он просидел на вершине, внимательно разглядывая и стараясь запомнить окружающий пейзаж. Отсюда хорошо были видны база, внутренний лес, сопки и озеро, блестевшее словно зеркало. Вокруг воды снова собрались обитатели леса. Они по очереди подходили к берегу, пили и растворялись в густых зарослях.

Спустившись с горы, Лавв направился к базе. Проходя мимо яблоневой рощи, он не упустил возможности сорвать любимый фрукт. Не торопясь шёл к северным воротам, наслаждаясь видами и откусывая от спелого яблока.

Время близилось к закату. Над лесом, окружавшим территорию базы, и особенно над восточным склоном горы уже сгущались сумерки, но тропинка всё ещё была хорошо видна. Северные ворота, как и полагалось, были заперты, но при приближении Лавва замок автоматически открылся вместе с ними.

До отлёта оставалось три часа. Это время он решил провести у костра. Лавв зашёл в жилой Овал и сложил на поднос графин с водой, большую миску, несколько разных овощей, приправу, пакетик чая, сушёные фрукты с мёдом и кухонный нож. Затем вышел к очагу.

Роботы уже пополнили запас дров, и Лавв мысленно поблагодарил их. Он уложил половину поленьев в очаг и поджёг. Пока костёр разгорался, нарезал овощи, добавил приправу и удобно устроился в кресле.

Лавв ел свежий салат, поглядывая то на огонь, то на закат. Опустошив миску, он ещё некоторое время любовался золотистым солнцем и покрасневшим горизонтом. Когда светило полностью скрылось в голубых водах океана, Лавв отправился в душ.

Сначала он тщательно вымылся с мочалкой, ополоснулся и забрался в бочку. Просидел там довольно долго. Накупавшись, Лавв выбрался привычным способом: опёрся руками о края бочки, сделал кувырок назад и приземлился на ноги.

Он ещё раз ополоснулся под душем, вытерся, оделся и вернулся к костру. Добавив в очаг дров, налил воду в чайник и поставил его на решётку. Когда вода закипела, заварил любимый чай в любимой кружке и принялся терпеливо ждать.

Вокруг было необыкновенно уютно: лёгкий морской ветерок, птичьи голоса из внутреннего леса и тихое потрескивание дров.

Вдруг Амулет издал сигнал и замигал зелёным светом. Лавв включил связь. На экране появился молодой мужчина, чуть старше него. Он сидел в кресле пилота, закинув правую ногу на подлокотник.

— Здорово, брат. Ты как? — просто спросил он.

— Привет, брат. Всё хорошо. Через час вылетаю на Аризну, — ответил Лавв.

— Отлично. Как там Эрзетта? Всё цветёт и хорошеет?

— Это точно, Крин. Как всегда прекрасна. Какие у тебя планы? Когда домой?

— Слушай, Лавв, я как раз поэтому и связался. Мне удалось получить груз на день раньше. Немного ускорился, и через шесть часов уже буду в системе. Осталось всего несколько световых лет. Хотел попросить: если завтра получится сдать груз, забери меня с Армасты. Очень хочется попасть на твою вечеринку, да и по жене и детям соскучился, — сказал Крин.

— Хорошо, брат. Залечу на Армасту. Сначала закончу все дела в академии и сразу отправлюсь к тебе.

— Отлично. Ещё свяжусь, когда войду в систему, а то из-за этой задержки сигнала нормально поговорить не получается. Пока, Лавв.

— Пока, брат, — ответил Лавв и отключил связь.

Крин был прав: при такой задержке сигнала общаться было непросто.

Лавв взял приготовленный чай, сделал несколько глотков и зael сушёными фруктами с мёдом. Наедаться перед полётом он не любил, к тому же вечером дома его ждала большая пирушка в честь возвращения. Наверняка и учитель Сан Тагон, как обычно, пригласит к себе на обед.

Мысленно Лавв уже находился дома, среди родных и друзей. Сначала, как и планировалось, он на полдня прибудет на Аризну и отчитается о проделанной за полгода работе. Затем состоится официальное назначение на новую должность — переход в статус академика. Последние часы он ещё оставался учеником, а с завтрашнего дня сможет сам набирать учеников, несмотря на то что ему всего девятнадцать лет. Для опережающих это было вполне нормально.

Теперь главным было пройти карантин. В противном случае о новом статусе можно забыть. Лавв старался не думать о прошлой ночи, чтобы воспоминания не усиливали следы в его полевой структуре. Да, он прошёл обряд очищения огнём, но этого было недостаточно для полного очищения биополя. Лавв понимал это, однако смирился и доверился судьбе. Всё, что мог, он уже сделал. Если ему суждено закончить карьеру и стать земледельцем, значит, так тому и быть.

Он допил чай, ещё немного посидел, глядя на тлеющие угли, затем прибрался и залил костёр водой. После этого в последний раз обошёл базу, проверяя, всё ли в порядке. Убедившись, что всё находится на своих местах, Лавв зашёл в жилой Овал, поднялся в спальню, снял халат и переоделся в чистое нижнее бельё и костюм ученика академии. Затем надел ботинки.

В кухонном отсеке он сел за деревянный стол и неспешно застегнул браслет на запястье. Потом на несколько минут замер, прислушиваясь к интуитивным ощущениям. Встал, отошёл на несколько шагов и обернулся, ещё раз взглянув на стол. Лавв сделал его собственными руками два года назад.

Тогда, находясь в отпуске у родителей, он вместе с отцом, двумя братьями и мужем сестры решил изготовить кухонные столы. Лавв с козочками-роботами нашёл в нейтральных лесах подходящие стволы. После сильной бури там осталось много поваленных деревьев, не выдержавших порывов ветра. Весь процесс описывать не стану, скажу лишь, что этот стол Лавв считал лучшим из всех десяти. Получился небольшой шедевр. Такое случается, когда человек занимается делом с любовью и вкладывает в него частицу души. Похожий стол стоял и в его квартире на Аризне.

Лавв пересёк двор, направляясь к своей Донк-Системе, и решительно взбежал по трапу. Пройдя через весь корабль, он оказался в переднем отсеке управления. Помещение было небольшим. В центре стояло кресло с широкими подлокотниками, камнем управления для правой руки и джойстиком для левой.

Лавв опустился в удобное кресло и коснулся пальцами полукруглого гранёного камня, напоминавшего изумруд. Тот сразу засветился изнутри разными цветами, а справа возник экран.

Лавв активировал левый блок управления, взявшись за джойстик и коснувшись большим пальцем его плавающей верхней части. Слева появился второй экран с изображением Донка. Проведя последнюю проверку всех систем перед стартом, он включил освещение для ночного полёта и произнёс:

— Запустить систему межпланетного движения. Цель — центр прохождения карантина. Фахта. Старт.

Корабль плавно поднялся над землёй.

15. Замена

Мужчина лет сорока в красивом оранжевом комбинезоне обходил двухместный квадроцикл. Четыре мощные гусеничные установки с крупными загребающими шипами были прикрыты сверху и со стороны водителя эффектными крыльями, по форме напоминавшими птичье оперение. Весь квадроцикл походил на необычное существо с четырьмя крыльями и головой хищной птицы между ними. В этой «голове» располагалось кресло пилота, а сразу за ним — место пассажира. Руль напоминал бычьи рога.

В ангаре находились ещё семь человек в таких же комбинезонах, предназначенных для выхода в безвоздушное пространство. Они тоже хлопотали возле своих квадроциклов: протирали корпуса, открывали и закрывали панели двигателей, переговаривались, весело улыбаясь и смеясь.

— Привет, Атол! Сегодня ты ведущий группы. Возражений нет? — спросил командир группы Кару, чей квадроцикл стоял рядом.

— Привет, Кару! Возражений нет. Готов! — ответил Атол.

— Отлично. Готовность — две минуты. Ведущий — Атол, я замыкающий, — громко объявил Кару, чтобы его услышали все, и хлопнул в ладоши. — Погнали!

Все сразу принялись надевать шлемы-скафандры, соединяя их с системами подачи кислорода, вентиляции и обогрева. Атол быстро опустил на голову шлем с двумя небольшими крылышками по бокам, состыковал его с комбинезоном и включил внутренний экран. На прозрачном забрале появилась защитная зеркальная плёнка. Он сел на место водителя и запустил двигатель.

— Первый готов.

— Второй готов, — отозвался пилот соседнего квадроцикла, появившись в верхней части экрана.

Один за другим подтвердили готовность и остальные шестеро участников.

— Выход в трубу, — скомандовал Атол.

Выездные ворота ангара раскрылись, и все, следуя за ведущим, въехали в длинное полукруглое помещение, напоминавшее трубу. Когда последний квадроцикл оказался в накопительном туннеле, задние ворота закрылись, а передние начали медленно открываться.

Слева зажглись пять жёлтых фонарей, расположенных один над другим. Нижний сменил цвет на зелёный. Пока пилоты ждали, происходила разгерметизация: воздух откачивался из помещения. На это указывали слегка раздувшиеся комбинезоны и появившееся ощущение лёгкости в теле.

Сквозь прозрачные стенки туннеля было видно, как из соседних накопителей выезжают другие группы. Справа на просторы Фахты вырвались мотоциклы. Слева группа на больших автомобилях уже перевалила через дюну и один за другим скрылась за ней.

Зелёным загорелся третий фонарь. Над воротами появилось число «2».

— Едем по второму маршруту: сначала к Большому каньону, затем к метеоритной пушке и возвращаемся. Хорошего заезда, — произнёс Атол.

Группа ответила рёвом моторов. Атол тоже прибавил газу. Когда зелёным загорелся четвёртый фонарь, все переключились в скоростной режим, продолжая удерживать тормоза. Как только засветился пятый, Атол отпустил тормоз и на полном ходу вырвался из туннеля, приподняв переднюю часть квадроцикла. Группа устремилась к Большому каньону.

Атол мчался впереди, поднимая за собой пыль и разбрасывая камни. Первое препятствие — небольшой бугор — он преодолел, не снижая скорости. Взлетел с него, словно с трамплина, и приземлился в мягкий песок. С той же стремительностью помчался дальше, радостно закри-

чав от ощущения свободного полёта, возбуждения и мощи, рвавшейся наружу и уносившей его вперёд. Остальные пилоты тоже начали кричать. В эфире стоял гул счастливых голосов.

Вскоре группа поднялась по высокой дюне. Издалека она казалась гораздо круче, чем была на самом деле. Квадроциклы легко взобрались на вершину и скрылись за песчаной горой. Выбравшись на ровную поверхность, любители скорости и экстрима помчались дальше, огибая крупные валуны и глубокие ямы. Они с азартом догоняли и обгоняли друг друга, выбрасывая из-под гусениц фонтаны камней и песка.

Атол вовремя пригнулся. Крупный булыжник пролетел над его головой, слегка задев шлем. Он машинально зажмурился, а когда открыл глаза, увидел прямо перед собой большой валун. Камень торчал из лунного грунта и до последнего мгновения оставался скрытым пылью, поднятой гусеницами обогнавших его квадроциклов.

Атол резко вывернул руль влево, но по инерции машина всё же зацепила валун задней правой гусеницей. Квадроцикл развернуло, и он начал кувыркаться, сбросив водителя. Атол рухнул на каменистую поверхность и так сильно ударился головой, что забрало шлема треснуло и начало пропускать воздух.

Ехавшие следом немедленно остановились.

— Всем остановиться! Первый врезался в камень, — прозвучал голос Кару.

Он первым подбежал к лежавшему без сознания Атолу и прижал ладонь к треснувшему забралу. Подоспели остальные, предлагая помощь и пытаясь поднять пострадавшего. Кару запретил трогать его до прибытия спасателей, которые уже вылетели из ангара.

Он несколько раз окликнул Атола и осторожно потряс за плечо. Тот почти сразу пришёл в себя и сел.

— Как ты, первый?

— Терпимо. В ушах немного звенит.

— Что произошло? Почему не объехал?

— Не успел. Пыль закрывала обзор. Когда заметил камень, попытался уйти влево, но машину занесло, — грустно сказал Атол.

Пока они разговаривали, рядом приземлился спасательный Донк. Атол поднялся и при поддержке двух человек прошёл в летательный аппарат.

— Кару, отправьте мой квадроцикл в ангар. Я обязательно его восстановлю, — попросил Атол на ходу.

Его доставили в больницу Тарны, где врачи, к своему удивлению, не обнаружили ничего, кроме лёгкого сотрясения мозга. Получив необходимую помощь, уже через полчаса Атол покинул клинику и пешком направился домой по подвесной пешеходной дороге.

Сеть таких дорог опоясывала весь город и переходила из одной сферы в другую на высоте сорока метров. Ими пользовались те, кто не хотел пробираться по узким улицам густонаселённого мегаполиса.

Столица Тарна являлась центром округа Эрзетта и располагалась на Фахте — крупнейшей луне голубой планеты. Спутник не имел атмосферы, поэтому все города находились внутри огромных стеклянных сфер, наполовину погружённых в грунт.

В Тарне проживало около шести миллионов человек. Город состоял из одной центральной сферы диаметром пять километров и десяти меньших сфер, расположенных вокруг и примыкавших к ней. От малых сфер в разные стороны расходились полупрозрачные туннели круглой или овальной формы, также наполовину утопленные в грунт.

В верхней части туннелей проходили дороги для колёсного и антигравитационного транспорта. В нижней располагались железнодорожные линии и основные коммуникации. Туннели делились на три основных типа: двадцатиметровые соединяли столицу с крупными городами, двенадцатиметровые вели к пригородам и промышленным зонам, а восьмиметровые использовались повсеместно.

Кроме сфер и туннелей существовали цилиндры — промышленные зоны, частично погружённые в грунт или полностью возвышавшиеся над поверхностью. Из этих трёх архитектурных форм разных размеров складывались города, посёлки и дороги, опоясывавшие весь спутник.

Всего на Фахте проживало около двадцати пяти миллионов человек — это была самая густонаселённая территория округа. На двух других лунах и на самой Эрзетте насчитывалось чуть больше миллиона жителей. Вокруг планеты вращался ещё и искусственный спутник, где, помимо прочего, располагался центр пропуска, досмотра и карантина закрытой планеты Эрзетта. Именно здесь Атол работал ревизором: досматривал прибывающие и отправляющиеся корабли, пассажиров и грузы.

Работа ему нравилась и хорошо оплачивалась. Его смена закончилась пять часов назад. После неё он немного поспал и сразу отправился на заезд — своё любимое развлечение. Семьи у Атола не было, поэтому домой он никогда не спешил. Зато была любимая женщина. Она всю неделю работала на планете, и лишь по выходным они жили как муж и жена: либо она прилетала на Фахту, либо он сам отправлялся к ней.

Атол неторопливо шёл по подвесной дороге, разглядывая родной город сквозь прозрачные стены перехода. От клиники в одной из малых сфер до квартиры было три километра. Больше половины пути он уже прошёл и как раз пересекал границу между малой и центральной сферами, когда на Амулет поступил вызов. Атол коснулся голубого камня.

— Добрый день, Атол! — произнёс пожилой мужчина, на ходу шагая по коридору большого здания.

— Здравствуйте, командир.

— Знаю, что у тебя сегодня заезд, но всё же хочу попросить о помощи. Ревизоры третьей смены заболели: один выбыл надолго, второй сможет выйти только в первую смену, если ты согласишься отменить отдых и заменить его сегодня ночью, — осторожно сказал командир.

— Хорошо, командир. Выйду на третью смену. Заезд всё равно пришлось прервать — врезался в камень и разбил квадроцикл.

— С тобой всё в порядке? — насторожился командир.

— Да, всё нормально. Только что вышел из клиники. Ничего серьёзного. Работать могу без ограничений.

— Отлично, Атол. Благодарю тебя. До встречи, — с явным облегчением сказал командир и отключил связь.

Атол уже шёл по центральной сфере. В центральной её части были одни высокие здания, некоторые небоскрёбы достигали в высоту одного километра и более. Их стеклянные и зеркальные фасады отражали свет соседних башен, превращая весь район в сияющий город света.

Он невольно вспомнил, как они с любимой гуляли по этим небоскрёбам и, пожалуй, успели побывать почти в каждом. Особенно им нравился район парков и скверов. Они держались за руки и мечтали о том времени, когда наконец переедут жить на Астерру — поближе к лесу, а ещё лучше к морскому побережью или живописной реке. Вместе они были уже больше десяти лет, но мечта всё откладывалась. На самом деле, обоих вполне устраивала нынешняя жизнь. Атол был человеком большого города. Он родился и вырос в Тарне, в одной из малых сфер, где до сих пор жили его родители.

Вскоре показался его дом. Ответвление подвесной дороги вело прямо к боковому входу на двенадцатый этаж длинного жилого здания. Атол вошёл внутрь, прошёл по просторному коридору и поднялся на лифте. В этом и заключалось одно из главных преимуществ высотной пешеходной сети — до квартиры можно было добраться буквально за несколько минут.

Открыв входную дверь кольцом-ключом, Атол вошёл во внутрь.

Квартира была не слишком большой, но просторной и уютной. Отполированный до блеска пол из красного дерева местами закрывали мягкие ковры светлых тонов. Планировка

отличалась простотой и удобством. По сути, это было помещение высотой три с половиной метра, восемь метров шириной и шестнадцать длиной. Толстые стены, потолок и пол не пропускали шум, воду и воздух — на случай возможной разгерметизации сферы.

От входной двери до балкона тянулся просторный проход шириной два метра и длиной около десяти. По обеим сторонам располагались две комнаты, уборная и кладовая. Дальше находилась зона отдыха, напротив неё — кабинет с письменным столом и книжным шкафом. У панорамной стеклянной стены с дверью на балкон размещалась спальня, а напротив неё — открытая кухня с круглым столом посередине.

Балкон был просторным — шесть на восемь метров. Стеклянную перегородку можно было передвигать, увеличивая или уменьшая его площадь. При необходимости её вовсе убирали, превращая балкон в продолжение квартиры. Здесь росло трёхметровое дерево в большой кадке, стояли турник, небольшой письменный стол и диван-качели.

Практически весь город утопал в зелени. По закону под озеленение отводилось двадцать процентов городской территории, но в действительности зелёных насаждений было значительно больше — если учитывать деревья и растения на балконах, крышах и в квартирах. Всё это создавало уютную атмосферу и заметно улучшало качество воздуха.

Атол первым делом зашёл в гардеробную, разделся и отправился в душ. Затем он вышел на балкон и сделал десять подтягиваний на турнике. С удивлением отметил, что, несмотря на лёгкое сотрясение, чувствует себя необычайно хорошо. Обычно уже после восьмого подтягивания силы начинали уходить, а сейчас он без труда выполнил десять и понимал, что смог бы сделать ещё несколько. Мысли тоже были удивительно ясными и спокойными. Лишь лёгкий шум в ушах напоминал о треснувшем шлеме и недавнем падении.

Одевшись, Атол покормил рыбок, выпил стакан сока и снова зашёл в гардеробную. Там он обул двухрядные ролики и застегнул верхние липучки.

До начала смены оставалось чуть больше часа. Атол вышел из квартиры и покатил по коридору. Быстро выехав на подвесную дорогу, он нажал носком кнопку электропривода, и ролики сами набрали скорость. Аккуратно обгоняя прохожих и бегунов, Атол стремительно приближался к центру города.

Сейчас он проезжал над каналом, водным кольцом окружавшим центральную часть Тарны. По воде скользили яхты, лодки и прогулочные катера. На берегах росли красивые деревья, стояли памятники, беседки, скамейки и небольшие рестораны. По дорожкам неторопливо гуляли жители, наслаждаясь вечерней прохладой.

Атол с улыбкой вспомнил, как всего неделю назад они с любимой несколько раз обогнули центр города на прогулочной яхте, потом сидели в ресторанчике у воды, гуляли по аллеям, заходили в торговый центр одного из небоскрёбов, а поздним вечером, обнявшись и неся полные сумки с покупками, не спеша возвращались в своё уютное гнездышко, чтобы после джунглей большого города и множества людей насладиться приятный вечером наедине друг с другом.

От самого дна центральной сферы к её вершине поднималась гигантская десятигранная опора купола диаметром около ста метров. По каждой из её граней двигались лифты и вертикальные пассажирские вагоны. Внутри располагались грузовые подъёмники, доставлявшие грузы из космопорта, находившегося под куполом, в подземную часть города, откуда они распределялись по транспортной сети.

Горизонтальные балки, отходившие от середины центральной опоры, делили сферу на верхнюю и нижнюю части. Стенки сферы были очень толстыми и имели длинные полупрозрачные окна длиной около двух километров. Подземная часть окон не имела. Там оболочка из металла и бетона придавала конструкции дополнительную прочность и избавляла от необходимости строить традиционный фундамент. По такому же принципу были устроены все большие и малые сферы Фахты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.